

БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Институт истории НАН Беларуси
Институт российской истории РАН
Фонд «Историческая память»

МИНСК 2021
МОСКВА

№ 1(4)

Редакция:

Д. В. Суржик

главный редактор, кандидат исторических наук, исполнительный секретарь Ассоциации историков Союзного Государства

В. В. Герасимчик

выпускающий редактор, магистр исторических наук

Р. И. Попель

ответственный секретарь редакции, магистр исторических наук

Редакционный совет:

Я. П. Безлепкин

кандидат исторических наук (Президиум Национальной академии наук Беларуси)

А. Ф. Великий

кандидат исторических наук, доцент

В. В. Данилович

кандидат исторических наук, доцент, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь

А. Р. Дюков

директор Фонда «Историческая память»

Е. В. Кодин

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, руководитель Научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» Смоленского государственного университета

В. В. Кондрашин

доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН

А. П. Косов

кандидат исторических наук, заведующий аспирантурой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры

О. В. Солопова

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья, заместитель декана — ученый секретарь исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории истории диаспор

В. В. Симиндей

руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память», главный редактор «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований»

Д. В. Фомин-Нилов

кандидат исторических наук, доцент, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук

И. Р. Чикалова

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

Э. С. Ярмусик

доктор исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Корректор — *Г. Рыженкова*Художественный редактор — *М. Левыкин*Верстка — *Р. Фахрутдинов*

Адрес редакции:

119002, Москва, Гагаринский пер., д. 35, оф. 8.

Электронная страница: <https://www.facebook.com/belhistobzor>

Учредители журнала «Белорусский исторический обзор»:

Институт истории НАН Беларуси

Институт российской истории РАН

Фонд «Историческая память»

Издатель:

Фонд «Историческая память»

119002, Москва, Гагаринский переулок, д. 35, оф. 8

Отпечатано в типографии «Р-Мастер»

Тираж 200 экз.

ISSN 2658-5170

9 772658 517001 >

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИИ	5
Лютик Д.В. Рецензия: [Смолянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. / М. М. Смолянинов. Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск: Беларуская навука, 2014. 317 с.]	7
Вашкевич А.Ф. Рецензия: [НКВД в Западной Беларуси. Сентябрь — декабрь 1939 г. Документы и материалы. Сост.: В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков, А.Ф. Великий и др. — Минск — Москва, 2019. 382 с.]	34
Соловьянов А.П. Важная часть социальной защиты населения: скорая медицинская помощь на территории Беларуси (1919–1939 гг.) [Рецензия на: Каплиев А.А. Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.)]	46
СТАТЬИ	53
Герасимчик В.В. Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России» ..	55
Романов С. Празднование ликвидации Брестской церковной унии в городах и местечках Беларуси (вторая половина XIX — начало XX вв.)	107
Шевченко К.В. Белорусское меньшинство в Польше в межвоенный период в оценках чехословацких ученых-славистов ..	136
Денисов А.В. К вопросу об авторстве проекта Минской фабрики-кухни и сроках ее строительства	151
Кулинок С.В. Документы о деятельности партизанских формирований РСФСР в фонде Белорусского штаба партизанского движения	167
Король В.Л. Смерть Сталина и реакция жителей Советской Белоруссии	183
МНЕНИЕ	199
Макоўчык М.М. Надпраўда	201
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	211
Шеховцова Е.П. Первый евразийский конгресс	213

IN MEMORIAM	241
<i>Петр Шорников. Феномен Назарии</i>	243
Сведения об авторах	267
Вниманию авторов	273

РЕЦЕНЗИИ

Люттик Д.В.

Рецензия: [Смольянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск: Беларуская навука, 2014. 317 с.]

Книга Михаила Митрофановича Смольянинова «Беларусь в Первой мировой войне» появилась в 2014 году. Учитывая весьма небогатую белорусскую историографию, посвящённую Первой мировой войне, появление обобщающего труда могло бы стать важной вехой и итогом изучения данной тематики на протяжении многих лет и одновременно отправной точкой для последующих исследований. Работа М.М. Смольянинова претендовала на то, чтобы стать по-своему знаковой. Однако этого не произошло. Разберёмся, почему.

Книга «Беларусь в Первой мировой войне, 1914–1918 гг.» структурно состоит из введения, 11 глав и заключения. Главы посвящены отдельным направлениям или хронологическим периодам войны. Например, здесь есть части, освещающие мобилизацию в белорусских губерниях, начальный период войны (август—декабрь 1914 г.), эвакуацию населения, предприятий и государственных учреждений, боевые действия войск Западного фронта российской армии в 1915–1916 гг., газовые атаки на территории Беларуси, падение морально-боевого состояния

войск, перемирие, демократизацию и демобилизацию русской армии, февральское наступление германских войск.

Рецензентами работы выступили доктора исторических наук, профессора А.М. Литвин (специалист по партизанскому и подпольному движению в Беларуси в годы Второй мировой войны) и А.В. Шарков, занимавшийся проблематикой военнопленных на территории Беларуси, войсками НКВД в годы Второй мировой войны, воинскими захоронениями в годы Первой мировой войны.

Во введении автор анализирует историографию Первой мировой войны на территории Беларуси, начиная с 1930-х гг. до современности. Среди прочего, М.М. Смольянинов выступает и с критикой плагиата, упрекая в этом исследователя М.В. Цубу, а также указывает на то, что рассматриваемая тематика в нашей стране развита весьма слабо. Отчасти это объясняется тем, что важнейшие документы по данной теме хранятся в архивах, расположенных за пределами Беларуси. Справедливо отмечается и то, что «в отечественной и зарубежной историографии до последнего времени не было комплексных научных работ, освещающих место и роль белорусских губерний в Первой мировой войне» (с. 10). При работе над монографией автор использовал документы из РГВИА, ГАРФ, НИАБ и НАРБ. Следует отметить, что и до М.М. Смольянинова белорусские исследователи использовали материалы российских архивов (например, гродненские исследователи А.Н. Плешевеня и С.А. Пивоварчик работали с материалами РГВИА по данной тематике задолго до 2014 года, а первый из них — еще 1990-х гг.). Фонды, с которыми

работал автор, были доступны. Однако объём источниковой базы, используемый М.М. Смольяниновым в своей монографии, безусловно, заслуживает уважения. Его заслуга заключается во введении в белорусскую историографию Первой мировой войны большого комплекса материалов российских архивов.

Описывая мобилизацию в белорусских губерниях Российской империи в начале войны с использованием материалов из РГВИА и НИАБ, автор? помимо формирования Государственного ополчения (приведены все дружины, сформированные на территории Беларуси), отмечает волнения на призывных пунктах и проблемы при формировании воинских частей. Но в целом, несмотря на указание на проблемы со снаряжением для солдат, слабость железнодорожной сети, ошибки при проведении мобилизации раскрыты недостаточно. Присутствуют в первой главе и некоторые неточности. Так? на с. 14 301-й и 302-й пехотные полки представлены как квартировавшие на территории Беларуси на момент начала мобилизации. Однако это не так: те были уже второочередными полками, которые начали формироваться с объявлением мобилизации. В выводах автором подчёркивается, что мобилизация прошла оперативно и в установленные сроки (с. 34). Всего же с территории Беларуси летом 1914 года было мобилизовано около 150 тыс. человек.

В главе, посвященной сосредоточению и развёртыванию войск, боевым действиям в августе — декабре 1914 г., автор избрал весьма противоречивый способ подачи информации. Здесь отсутствует последовательный и цель-

ный рассказ о начале войны на территории Беларуси, хотя это напрашивается из самой логики повествования. Например, можно было бы описать выдвижение на фронт частей 2-й армии или действия, связанные с формированием и действиями 10-й армии. Вместо этого автор вкратце пересказывает начало войны и первые операции российской армии в Восточной Пруссии и Галиции. Складывается ощущение, что перед читателем предстают фрагменты не очень связанной информации о разных участках фронтов.

Автор отмечает, что сосредоточение войск на 15-й день мобилизации, когда те ещё не были готовы (лишь на 1/3), явилось преждевременным. Командование и руководство империи спешили, чтобы соответствовать союзной конвенции. И тем не менее даже по этим срокам Россия отставала от своих противников.

Предпочтение в описании боевых действий 1-й и 2-й русских армий Северо-Западного фронта отдается 4-му армейскому корпусу, в частности, 30-й и 40-й пехотных дивизий, с архивными делами которых собственно и работал автор [РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18]. Дело в том, что корпус дислоцировался в Минской губернии. Кроме этого, при описании боевых действий использованы работы А.К. Коленковского [Коленковский 1940], И.И. Ростунова [Ростунов 1976], А.М. Зайончковского [Зайончковский 1938] и А. Керсновского [Керсновский 2004]. Автором описано также Гумбинен-Гольдапское сражение. При этом действия 2-го амейского корпуса, дислоцировавшегося в Гродно, не описываются автором вовсе.

Далее довольно подробно характеризуются действия Юго-Западного фронта. По архивным документам описаны действия 38-й пд: 151-го, 152-го пп и 38-й артибригады 19-го амейского корпуса [РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601]. Автор, вероятно, вновь отдаёт предпочтение частям, дислоцировавшимся на территории Беларуси до начала войны. Но из-за того, что он не указывает критерий своего выбора, у читателя может возникнуть недоумение — при чём же здесь Беларусь в Первой мировой войне?

При описании Варшавско-Ивангородской операции внимание автора сосредоточено на 2-м и 4-м армейских корпусах 2-й армии и 19-го АК 5-й армии. Упоминаются погибшие офицеры и общее количество нижних чинов (с. 61–63). В Лодзинской операции описываются действия 2-го АК, а в Ловичском сражении — 76-я пд того же корпуса [РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2].

Автор отмечает, что на данном этапе войны удельный вес мобилизованных из белорусских губерний и принявших участие в войне был наиболее высоким (с. 69).

Из неточностей можно отметить достаточно странную фразу — «второстепенная дивизия» (с. 37). Возможно, в данном случае автор имел в виду второочередную дивизию. Номера армейских корпусов российской армии на с. 37 даны римскими цифрами, в то же время как по всему тексту книги — арабскими.

Отдельная глава посвящена полкам, дислоцировавшимся на начало войны на территории Беларуси и входившим в состав 2-го, 3-го, 4-го и 19-го корпусов. Кроме того, отмечаются 52 дружины ГО, сформированные в бело-

русских губерниях. В период мобилизации в Беларуси были сформированы также 5 полков: 298-й Мстиславский, 300-й Заславский (в Брест-Литовске), 301-й Бобруйский, 302-й Суражский (в Боруиске), 303-й Сенненский (в Могилёве).

По архивным материалам описывается укомплектование новобранцами 303-го полка и 159-го Гурийского (выделявшего «кадр» для него), занятия солдат, укомплектование обоза и т.п. [РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21]. Достаточно интересно выглядит прибытие полка в Гродно и его первая служба на фортах крепости. По 302-му пехотному полку описано первое участие в боевых действиях под Летценом и прибытие в Гродно. Подробно описано и формирование 300-го пехотного полка (с. 75–76). По архивным документам восстанавливаются действия на фронте 300-го и 301-го пп (с. 82–85). При этом не объяснено, почему предпочтение отдано именно полкам 76-й пд, а не 26-й или 43-й, например. Было бы интересно описать и действия хотя бы некоторых дружин государственного ополчения, сформированных на территории Беларуси.

Представлялось бы целесообразным объединить главы 2 и 3, т.к. речь в них идет о начальном периоде войны и действиях полков, сформированных на территории современной Беларуси. Не совсем понятно, зачем нужно было для этого выделять еще главу. Остается вопросом и то, почему автор не описал действия всех дивизий, дислоцировавшихся или сформированных в белорусских губерниях.

В целом достаточно спорным выглядит повествование о Первой мировой войне в Беларуси, в то время как немалые

объемы текста описывают боевые действия в Галиции и Пруссии. К тому же дивизии, дислоцировавшиеся на территории современной Беларуси, также не следует считать, собственно «белорусскими». Тем более что автор не ставил своей целью подсчитать количественно или хотя бы в процентах, сколько белорусов там находилось.

Одна из наиболее ценных и интересных глав в книге — «Эвакуация населения, предприятий и учреждений (июнь — ноябрь 1915 г.)», полностью написанная на основе архивных материалов. Здесь рассматривается, как решался военными и гражданскими властями вопрос о беженцах. М.М. Смольянинов подчёркивает, что первоначально его не ставили в белорусских губерниях для всех жителей. Эвакуации подлежали только раненые, семьи служащих и т.д. После Горлицкого прорыва начала применяться эвакуация в более широком объёме, а также практика уничтожения всей инфраструктуры и угон скота. Всё это делалось по приказу Верховного главнокомандования. В Беларуси же эти меры приняли характер эвакуации всего и всех, а также тактики «выжженной земли» (с. 95). Несмотря на попытки великого князя Николая Николаевича придать действиям по уничтожению инфраструктуры, посевов и строений упорядоченный характер, составлять акты, компенсирующие разрушение построек и уничтожение посевов, многие командиры не придавали этому значению. Как выражается автор, «процесс пошёл» (с. 97).

По архивным документам приводятся примеры жалоб населения, информация о «перегибах» местных гражданских и военных властей. Автор отмечает невозможность

вывезти вообще всё, пагубность принятия такого решения. Огромная масса сорванных со своих мест людей порождала огромные проблемы и надрывала и без того слабую железнодорожную сеть. Более подробно автор описывает эти процессы по Гродненской губернии, используя информацию из монографии В.Н. Черепицы [*Черепица 2006*], эвакуацию Минска и Витебска. Особо описана эвакуация фабрики «Двина», однако в целом информация об эвакуации промышленности и учреждений приводится эпизодически. Также автор отмечает, что Витебская губерния не была эвакуирована до конца, т.к. фронт остановился. Ещё в меньшей степени подверглась эвакуации Могилёвская губерния. Здесь расположились многие эвакуированные учреждения и много беженцев. Затронута в данной главе и судьба усадьбы Тышкевичей и Несвижский замок.

Автор отмечает неопределённость позиции по вопросу эвакуации со стороны самих военных: то принимались решения об эвакуации жителей, то запрещалось эвакуировать всех поголовно, если это не было вызвано условиями боя. Не всё, например, эвакуировали и вывозили в 10-й армии. Об этом же было написано в приказе главнокомандующего Северо-Западного фронта от 20 июля (с. 105–107). В 3-м армейском корпусе 5-й армии, наоборот, реквизировали у крестьян весь скот! В книге также есть упоминания об эвакуации Брест-Литовской и Гродненской крепостей.

В целом процессы эвакуации в годы Первой мировой войны были слабо организованы. Отказаться от тактики «выжженной земли» у военных властей не получилось. Командиры полкового и дивизионного уровня всё равно

применяли эту тактику, а командование уже не могло их остановить.

Большой интерес представляет описание проблемы беженства мирных жителей и её решение на белорусских землях, для чего используются материалы из НИАБ и РГВИА. Автор справедливо отмечает, что данная тема — «одна из самых трагичных страниц истории Первой мировой войны». Также отмечено, что беженство было как добровольным, так и принудительным. Например, немецкие колонисты эвакуировались первыми, без учёта их желания.

В результате эвакуации массы населения снялись со своих мест, но планов, что с ними делать, не было. Действия властей, по словам М.М. Смольянинова, были «разрозненные и стихийные» (с. 131). Автор описывает действия властей Минской и Витебской губерний: перевозка беженцев на железнодорожном транспорте, организация пунктов питания, врачебных пунктов, организация бань, колодцев, теплой одежды, помощь детям и т.д.

По информации, приводимой в книге, в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях осело около 260 тыс. человек беженцев.

В выводе к главе отмечалась очень большая помощь именно общественных организаций — Всероссийского земского союза, Татьянинского комитета, Российского общества Красного Креста, «Северопомощь» и др. Также неоднократно отмечена жертвенность белорусов, помогавших, часто безвозмездно, беженцам.

При описании боевых действий войск Западного фронта автор опирался в основном на материалы РГВИА. Однако

некоторые моменты были описаны и на основе работы А.П. Жилина [Жилин 1983] и Н.Е. Подорожного [Подорожный 1938]. При этом вновь возникает чувство, что автор спешил при написании данной части книги и совмещал разные куски текста, не совсем заботясь о переходах и логической связи.

Глава 6 начинается с описания газовой атаки крепости Осовец, что вызывает удивление по ряду причин. Во-первых, далее будет отдельная статья о применении газов. Во-вторых, как это связано с Беларусью? При этом в главе ничего нет об Августовской операции в январе-феврале 1915 г., действия которой как раз проходили на территории Беларуси в районе Гродно.

Часть главы посвящена Гродненской крепости. При этом цитируется дело 510 фонда 2003 (РГВИА) о ходе расследования обстоятельств её падения. Но в книге, к сожалению, присутствует и ряд досадных неточностей.

При описании состава Сводного Осовецкого корпуса упоминается некая 3-я пехотная дивизия (с. 155,157). Однако в составе Сводного корпуса не было 3-й пехотной дивизии и даже её частей. Вероятнее всего, ошибка в том, что 111-я пехотная дивизия была автором прочитана как римская цифра III. Здесь М.М. Смольянинов, скорее всего, повторил ошибку гродненского исследователя А.Н. Плешевени, на статьи которого он ссылается.

На стр. 156 Гродно назван автором «старинная крепость... которая была модернизирована. Проходили работы по строительству полевых укреплений: опорных пунктов, земляных валов, проходов, проволочных загра-

ждений. Было возведено 13 фортов и 24 опорных пункта». Невольно задаёшься вопросом, а почему крепость, начало строительства которой относится к 1913 г., «старинная»? Кроме того, похоже, автор не совсем представляет себе, что вообще такое Гродненская крепость. Так, на стр. 158 опорные пункты Гродненской крепости названы «полевыми опорными точками», что вызывает недоумение.

На стр. 157 указываются 1-й и Осовецкий корпуса, для которых в Гродненской крепости были распределены 53 крепостных пулемёта. Для читателя, однако, непонятно, что это за корпуса и при чём здесь пулемёты? Нигде до этого не указывалось, что они составили гарнизон крепости и должны были оборонять её укрепления. Далее упоминается, что гарнизон состоял из 12 дружин ГО и что Гродно прикрывали части 1-й и 10-й армий. Также автор почему-то говорит, что Сводный Осовецкий корпус состоял из 22-й и 24-й пд. На самом деле 1-й армейский корпус (АК) состоял из этих дивизий, а Сводный Осовецкий корпус — из 57-й пд и 111-й пд. Достаточно странно, что в книге целых две страницы посвящены описанию гарнизона крепости и его расположению и лишь 7 строчек (!) отводится описанию боев за Гродно и падению его укреплений (с. 158). После описания потери Гродно (19–21 августа, ст. ст.), автор упоминает о совещании в Волковыске 3 августа. Думается, здесь нарушена последовательность и хронология (с. 159–160).

В книге описывается Свенцянский прорыв. Особенно подробно об обороне Ново-Свенцяи отрядом полковника Назимова. Также приводится описание боя за Сморгонь.

гонь (с. 165–166). Бои 1915 года завершаются описанием боёв у Сморгони, оз. Нарочь и Вишневское и действий 1-го конного корпуса генерала Орановского по вытеснению германской кавалерии и ликвидации прорыва. Боевые действия остальных армий в Великом отступлении отсутствуют.

Бои 1916 года начинаются с Нарочанской операции (большинство информации было взято из работы Н.Е. Подорожного и документов РГВИА). Автором описаны планирование операции, пополнение 2-й армии, слабость артиллерии (в снарядах) и авиации российских войск. К сожалению, не приводится состав противостоящих немецких сил и их вооружения. Описаны неудачи наступления 5–8 марта, огромные потери наступавших. В книге подчёркивается неудачность выбора времени наступления, погода, недостаточность сил и средств. Результатами наступления были падение морального духа, большие неоправданные потери в 77 тыс. человек, мизерность трофеев. Отмечается, что немцы перебросили из резерва к месту проведения операции около 30 тыс. штыков, 230 орудий и 200 пулемётов. Кроме того, автор повторяет известный тезис о том, что наступавшие русские войска, «возможно, спасли Париж от захвата германцами» (с. 177).

Кроме Нарочанской, описана и Барановичская операция (в основном по работе А.М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.». Так, автором приводится состав 4-й армии генерала Рагозы, неудача наступательных действий русских дивизий. Основной причиной этого называется нехватка тяжёлой артиллерии, в особенности — снарядов,

слабое управление войсками. При описании обеих операций автором практически не были привлечены новые архивные материалы. Автор следует традиционной советской историографии. Вместе с тем приводятся и локальные неудачные действия 10-й Сибирской дивизии на Огинском канале 17–18 июля 1916 г. (по документам РГВИА), что, безусловно, представляет особый интерес. Однако в основе своей в книге представлены лишь самые известные и описанные ранее операции. К сожалению, этим описание боевых действий 1916 г. завершается.

В отношении 1917 года говорится о наступлении 10-й армии Западного фронта (по работе [Жилин 1983]) М.М. Смольянинов обращает внимание на огромную подготовку, указывает большое превосходство русской армии в силах (184 батальона против 29 батальонов), агитацию представителей правительства. Однако всё это оказалось напрасным, потому что войска отказывались наступать. В итоге 9–10 июля часть войск не подчинилась приказу, в то время как другая пошла в атаку, но быстро отступила. Последнее наступление Западного фронта провалилось. К сожалению, и при описании этой операции автор не приводит новых данных, сведений, воспоминаний. Объём использованных архивных материалов (РГВИА) минимален. Больше, в описании событий на фронте в 1917 году ничего нет. Это, безусловно, вызывает лишь сожаление, т.к. этот период практически не исследован.

Автор отмечает, что за годы войны до осени 1917 г. из Минской, Витебской и Могилёвской губ. было мобилизовано 634,4 тыс. человек. Данная цифра является открытием

автора и была им введена в оборот задолго до появления настоящей книги (см. [Смолянинов 2008]).

Отдельно в книге представлена глава, посвященная газовым атакам на территории Беларуси, написанная на материалах РГВИА, с использованием воспоминаний Людендорфа и книги А.Н. де Лазари [Лазари де 1935]. Автор справедливо отмечает, что впервые химическое оружие было применено германцами ещё в январе 1915 г. на Восточном фронте у Болимова (Воля Шидловская), а не у Ипра.

Дается описание первой атаки газами на территории Беларуси. Это случилось 19–20 июня 1916 г. у Сморгони на позиции 253-го и 254-го полков 64-й пд. Полки понесли значительные потери (254-й Николаевский полк потерял более 1100 человек отравленными), но фронт прорван не был. Автором приводятся интересные документы об атаке, о самочувствии нижних чинов и офицеров после атаки. Отмечается очень слабое оснащение русских войск противогазными средствами. Далее (на стр. 196) автором говорится, что «коварству германцев не было предела», ведь они не только применяли химическое оружие в нарушение Гаагской конвенции 1907 г., но и не давали хоронить умерших. Однако в условиях той войны обе стороны применяли отравляющие вещества.

Через месяц (19–20 июля 1916 г.) газовая атака была повторена в том же месте, но уже против 1-й Кавказской гренадёрской дивизии. Своевременные секреты не предупредили, поэтому отравленных было более 3800 человек, а вместе с 48-й пд потери составили более 8000 человек.

Газовая атака была очень долгой — около 6 часов. Но все же атака немецкой пехоты была отбита.

В ответ командование Западного фронта разработало ответные газовые атаки. Ночью 24 августа газ был пущен в районе Сморгони у дер. Перевозы и Боровой Млын. Однако атака была неудачной и продолжалась только 15 мин (ветер поменялся и немецким обстрелом был уничтожен блиндаж с баллонами). К сожалению, автор не приводит никаких данных о немецких и русских потерях в данном эпизоде. Потери русских войск возможно найти в РГВИА.

Следующие атаки последовали 9 сентября — германская атака южнее оз. Нарочь (отравлены 2660 человек из 2-й Сибирской стрелковой дивизии), 12 сентября — германская атака у Барановичей (русские войска был оповещены и подготовлены, отравленных — 988 человек, умерло 76), 24–25 октября у Барановичей — русская атака (самая успешная атака, германцы подавлены и отстреливались слабо, однако русские и не собирались атаковать — все войска были выведены из окопов в тыл, а команды разведчиков не смогли до утра порезать проволоку, потери германцев не приводятся; у русских погиб 1 человек и отравлено 68).

27 октября германцы применили огнемёты севернее Барановичей. Результаты атаки и потери не приводятся. Между тем немцы смогли захватить первую линию окопов, но дальше продвинуться не смогли. Применение огнемётов на Западном фронте очень интересный и уникальный момент (это было самое массовое их применение — всего применено 240 шт.), представляющий несомненный интерес в боевых действиях.

Вполне справедливо автор отмечает, что русские войска были подготовлены значительно хуже германцев. Однако ни та, ни другая сторона так и не смогли изменить ход войны посредством применения газов или огнемётов. Безусловным плюсом является то, что автор собрал доступную для него информацию обо всех случаях применения отравляющих газов на Западном фронте. К сожалению, М.М. Смольянинову не удалось полностью раскрыть и описать применение нового вида оружия.

При описании падения морально-боевого состояния российских войск Западного фронта, его причин и последствий упор сделан на литературу времен СССР [Чаадаев 1935], [Документы и материалы... 1953], [Победа Советской власти... 1967], [Игнатенко 1987], [Китанина 1985], есть даже ссылки на собрание сочинений В.И. Ленина. Архаично выглядит и целый ряд фраз: «брожение умов», «лавирование буржуазии», «буржуазные партии эсеро-меньшевики», «российская армия — оплот самодержавия», «военщина», «в России победила Февральская буржуазно-демократическая революция, явившаяся прологом Великой Октябрьской социалистической» (с. 216). Эти лексические обороты выглядят анахронизмом и заведомо снижают доверие к исследованию.

Автор отмечает, что в 1917 г. происходило падение морального и боевого духа в войсках, что было связано с отступлением, большим количеством беженцев, нехваткой всего и на фронте и в тылу, политической пропагандой. На фронте нехватало всего — мяса и др. продовольствия. Весной 1917 г. на Западном фронте недоставало хлеба (были

сухари), мяса, сушеных овощей, круп (была чечевица), чая и сахара (с. 215). Войскам не хватало вооружения, обмундирования, теплой одежды.

Начало агитации на фронте представителей разных партий было положено Приказом № 1. Во время апрельского кризиса 1917 г. на Западном фронте проявилось желание командования прекратить двоевластие и сплотиться вокруг правительства. М.М. Смольянинов отмечает, что огромное влияние на революционные массы имели воззвания и деятельность Ленина (с. 222). Широко используется советская риторика, например, «июньское наступление на Западном фронте принесло десятки тысяч новых жертв в угоду империализму» (с. 224). Автор называет «контрреволюцией» подавление июльского выступления в Петрограде, что привело к падению двоевластия, запрету большевиков, введению смертной казни с 12 июля, расформированию революционных частей (с. 224). Это была попытка превратить армию «в послушное орудие империалистической политики».

В тексте практически ничего нет о положении на Западном фронте, о настроении в конкретных частях и т.п. Ничего нет и о Корниловском мятеже (кроме воспоминаний прапорщика Филатова), создании при Минском совете «Штаба революционных войск по борьбе с корниловщиной», а также блокировании 30 составов возле Гомеля. Думается, материалы РГВИА могли бы восполнить этот пробел.

Автор приводит цифры роста большевистских организаций на Западном фронте. О других партиях нет подобной

информации. Используются слова В. Ленина о роли Западного фронта и западных губерний. Также автор перечисляет белорусов — участников октябрьского переворота в Петрограде (с. 240).

Интересно, что нет даже упоминания имени Колотухина, руководителя Комитета спасения революции. Зато отмечается, что войска Западного фронта внесли большой вклад в разгром контрреволюции под Петроградом (с. 244). Отсутствуют и описание событий в Могилёве, где находилась ставка Верховного Главнокомандующего, ничего нет и об убийстве генерала Духонина. В то же время в конце 8-й главы автор заявляет, что «Великая Октябрьская социалистическая революция была подготовлена всем ходом общественного развития» (с. 245).

Начиная описание заключения перемирия на Западном фронте, М.М. Смольянинов вновь цитирует В. Ленина, а также активно задействует литературу времен СССР [*Октябрьская революция и армия...* 1973], [*Великая Октябрьская социалистическая...* 1957], [*Победа Советской власти в Белоруссии...* 1967], [*Гапоненко* 1953].

После принятия Декрета о мире советское руководство отдало приказ генералу Духонину начать переговоры с Германией. После его отказа тот был отстранён от командования. Последовала радиограмма Ленина и Крыленко комитетам полковым, дивизионным, корпусным и армейским начать переговоры. Главкомзап генерал Балув был отстранен. ВРК Западного фронта брал власть в свои руки.

Автором приводятся данные о заключении перемирия в Гренадёрском, 15-м, 20-м, 35-м, и др. 2-й, 3-й и 10-й армий

(по РГВИА). Таким образом, большинство частей договорились о прекращении военных действий самостоятельно.

Переговоры в м. Солы начались 20 ноября между ВРК Западного фронта и группой армий генерала фон Эйхгорна. Утром 21 ноября перемирие было подписано (с 23 ноября 1917 г. по 24 января 1918 г.). На всём русско-германском фронте перемирие было заключено 2 декабря 1917 г. в Брест-Литовске.

В советской литературе заключение перемирия подавалось как победа дипломатии. По мнению автора — это было признание поражения Россией в Первой мировой войне, т.к. огромная территория оставалась под оккупацией. Такая позиция автора определённый шаг вперёд для белорусской историографии. В то же время, отмечает М.М. Смольянинов, перемирие было необходимой передышкой. Однако после Октябрьского переворота заключение перемирия способствовало нарастанию противостояния политических сил в стране (с. 262). Не совсем понятно, что же хотел тем самым сказать автор, говоря вначале об успешной деятельности большевиков, а в конце — что переворот в октябре 1917 г. привел к поражению в войне.

Отдельную главу М.М. Смольянинов отводит такой малоизученной теме как «Завершение демократизации и демобилизация армий Западного фронта». В работе над ней использованы материалы РГВИА — по 15-му и 20-му АК. Автор отмечает, что демократизация армии — это инструмент её слома. Начало данному процессу было положено ещё «Приказом № 1» Петросовета.

После октябрьского восстания в частях Западного фронта при советах были организованы ВРК. Были отстранены от командования офицеры, не пожелавшие вступить в переговоры с германцами и не признавшие власть СНК (например, генералы Духонин, Балуев, Парский и др.). На основе архивных материалов отмечаются случаи ареста офицеров в частях Западного фронта.

Говоря о процессе демократизации армии, приводятся Временные положения о командном составе от 12 ноября 1917 г. — новые правила о проведении выборов комсостава. Здесь говорится о порядке отстранения и выборов комсостава войсковыми комитетами. 2-й съезд армий Западного фронта (20–25 ноября 1917 г., Минск) принял резолюцию о том, чтобы все командиры до полкового командира включительно выбирались на общих собраниях. Командиры выше полкового звена должны были выбираться комитетами. Упразднялись офицерские и унтер-офицерские звания, ношение орденов, кроме Георгиевских орденов и медалей. Эти правила были одобрены ВРК при Ставке. Чуть позже было разработано «Положение о демократизации армии» от 30 ноября 1917 г.

Далее М.М. Смольянинов приводит данные о выборах командиров в частях Западного фронта. Например, в 11-й Сибирской артбригаде большинство офицеров были выборными, в других частях выбирали на командные должности солдат (4-й Сибирский стрелковый полк даже на должность комполка). Главкомзапом был назначен прапорщик Мясников, командующим 2-й армией — прапорщик Киселёв, 3-й армией — подпоручик Анучин. Выдвижение

на руководящие посты младших офицеров объяснялось политической целесообразностью, а не практической или военной. Отсутствие опыта должны были компенсировать опытные штабные работники. Комиссары чаще всего выбирались из солдат. Автор подчёркивает, что в частях, где поменяли комсостав на выходцев из солдат, боеспособность снизилась.

ВРК сливались с войсковыми комитетами. В декабре войсковые комитеты начали реорганизовываться в Советы солдатских депутатов, командные должности упразднялись. Так, в 15-м и 20-м АК были упразднены командиры, их функции взял на себя Совет (с. 275–276).

Главной целью большевиков была демократизация армии для того, чтобы «вырвать» её из рук старого командования и не дать использовать против Советской власти. Единначалие было преобразовано в коллегиальное командование. Также М.М. Смольянинов указал, что массы солдат поддерживали большевиков, а офицеры не оказывали открытого противодействия на Западном фронте.

Одновременно описывается процесс демобилизации армии. В ноябре 1917 г. были демобилизованы солдаты 1899 г. призыва, в декабре — 1900 и 1901 гг., в январе — 1902, 1903 и 1904, 1906 и 1907 гг.

Также отмечается, что большевики не смогли снабдить армию всем необходимым, о чём обещали. В 15-м и 20-м корпусах продовольствия оставалось только на несколько дней.

Интересно, что в те дни многие ВРК высказывались за демобилизацию солдат с оружием. Командование фрон-

том было против этого. Происходило массовое бегство солдат. Причинами этого были отсутствие командного управления, голод, падеж скота, лошадей. Войсковые комитеты самочинно расформировывали небольшие команды и части. Отправлялись в тыл небольшие части. В январе 1918 г. на Западном фронте осталось не более 150 тыс. штыков (на версту по 15–20 штыков). К началу февраля на отдельных участках охраняли позиции только сторожевые посты (с. 290).

Описывая данные деструктивные процессы, М.М. Смольянинов завершает свой рассказ на процессе формирования новых вооруженных сил. 25 декабря 1917 г. появился приказ Крыленко о формировании армии на добровольных началах. К середине февраля 1918 г. на Западном фронте в народно-социалистическую армию записалось около 5 тыс. человек. Однако справедливо отмечается, что большевики, распустив старую армию, не успели создать новую.

В целом приводимое М.М. Смольяниновым описание демократизации и демобилизации армии ценно благодаря использованным архивным источникам, уточняющим и раскрывающим приводимые выше процессы. Позиция автора совпадает с советской, однако в некоторых моментах присутствует доля критики (например, по поводу заключения перемирия).

Малоизученной в белорусской историографии является «Февральское наступление германских войск. Организация отпора противнику», чему М.М. Смольянинов посвящает отдельную главу. Но, к сожалению, при этом он не

использовал ни одного немецкоязычного источника, что является довольно необычным.

Автор отмечает, что германцы начали подготовку наступления ещё с середины января. Это не скрывалось ими. Накануне наступления многие немецкие офицеры сообщали русским офицерам, с которыми были в приятельских отношениях, о начале операции, предупреждали их не приходить к ним в окопы.

Армии Западного фронта и начштаба Верховного главнокомандующего Бонч-Бруевич запрашивали Крыленко о порядке действий в случае немецкого наступления. Однако только в день его начала (18 февраля 1918 г.) главкозап Мясников просил оповестить войска оказывать сопротивление в виде партизанских вылазок, в последнюю минуту вооружить надёжное местное население, эвакуировать казначейское и штабное имущество, остальное уничтожить (с. 298). По приводимому в книге документу с цитированием начштаба 10-й А Рыльского — это было самостоятельное решение Мясникова. Автор солидаризируется с Рыльским в том, что стрельба только развязала бы руки немцам, а население пострадало бы ещё сильнее.

Описывается начало наступления — немецкий обстрел позиций, пролеты самолетов и высланные разведочные партии. Войска Западного фронта сразу разбежались, и штабы потеряли связь с ними. Сам Мясников в панике бежал из Минска. Ничего не было организовано для обороны. При этом штаб фронта остался в Минске, а его начальник Соллогуб своим приказом расформировал его утром 21 февраля.

М.М. Смольянинов перечисляет штабы, не успевшие отойти и попавшие в плен: 2-й армии, Гренадерского, 9-го, 3-го Сиб., 50-го, 38-го, 3-го, 35-го. Ничего не было вывезено со складов ввиду полной дезорганизации ж/д сообщения. При этом, по оценке автора, в Беларуси и на Западном фронте отряды Красной гвардии и революционных войск насчитывали лишь около 20 тыс. человек.

В книге описаны боевые столкновения с немцами под Оршей, Толочиным, Бешенковичами. Однако здесь нет никакой конкретики — кто, сколько, каковы потери? Отмечено, что Речица переходила из рук в руки, но так и непонятно — какие воинские соединения противостояли здесь друг другу.

Странным выглядит упрек автора германцам за то, что они повели наступление в феврале 1918 г., а «советской делегации на переговорах предложены кабальные, унижительные условия». В целом, безусловно, интересная тема представлена далеко не полно. К сожалению, при разработке книги не были использованы материалы из Национального исторического архива Беларуси. А между тем в 2014 г. по материалам архива был опубликован сборник документов. [*Беларусь в годы Первой мировой войны... 2014*]. При описании немецкого наступления автором был опущен ряд важных моментов. Например, вообще не упоминается о существовании белорусского национального движения. О создании первого белорусского правительства — Народного секретариата — в день вступления германских войск в Минск.

Отдельным блоком в книге представлены фотографии. При этом некоторые из них не привязаны к конкретному

месту, как фото «Санитарный автобус» (с. 19), изображающее автобус Санитарного отряда Гродненской крепости в ноябре 1914 г. Другие же вовсе не имеют никакого отношения к Беларуси, как представленное на с. 21 изображение Большой Берты.

Следует признать, что предложенное исследование М.М. Смольянинова имеет целый ряд недостатков. Главный минус данной монографии — в большинстве своем недостаточная глубина исследования и не всегда удачный отбор наиболее важных из предъявляемых читателю фактов. Ряд важных событий истории Первой мировой войны на территории Беларуси и вовсе опущен. Возможно, это стало следствием недостаточного количества архивных материалов, обработанных и использованных автором.

Некоторые главы являются простой компиляцией давно изданных работ. При этом следует заметить, что ряд глав написаны глубоко, с привлечением новых источников, но они не делают всей картины в целом. К сожалению, автор проигнорировал немецкие источники, при том, что в современных условиях многие из них находятся в свободном доступе, как, например, полковые истории.

Также следует отметить, что не всегда понятны критерии выбора автором воинских частей и подразделений, боевой путь и боевые действия которых он описывает. Об этом приходится догадываться самому. Также вызывает сожаление тот факт, что автор не исследует на самом деле, сколько же выходцев из белорусских губерний служило в описываемых частях и можно ли их по национальному признаку, хотя бы условно называть «белорусскими».

Книга состоит из разных, не совсем связанных друг с другом глав, не всегда цельных внутри. Автором было рассмотрены далеко не все имевшие место, операции, проводившиеся обеими сторонами на территории Беларуси. Обращает внимание и тот факт, что автор практически не делает выводов, не даёт оценок происходящим событиям, не раскрывает читателю собственную позицию.

Анализируя текст, можно заключить, что очень большое влияние оказывает на автора материал, который он использует. Если глава пишется на архивном материале, то изложение ведётся довольно объективно. Если же автор пишет о революционных событиях, особенно после октября 1917 г., то начинается совершенно некритичное компилятивное изложение советских работ. Тем не менее, учитывая небогатую отечественную историографию, следует отметить, что книга освещает довольно широкий спектр проблематики Первой мировой войны на территории Беларуси.

Источники и литература:

1. Документы и материалы по истории Белоруссии. Мн., 1953.
2. Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983.
3. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918. М., 1938.
4. Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Мн., 1987.
5. Керсновский А. История русской армии. 1881–1916 г. Смоленск, 2004.
6. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.

Лютик Д.В. Рецензия: Смолянинов М.М. Беларусь в Первой мировой войне...

7. *Коленковский А.К.* Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.
8. *Лазари де А.Н.* Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. М., 1935.
9. Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий / *Д.В. Лютик, С.А. Пивоварчик, А.Р. Семенчук.* Вильнюс, 2014.
10. Победа Советской власти в Белоруссии. Мн., 1967.
11. *Подорожный Н.Е.* Нарочанская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938.
12. РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18.
13. РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601.
14. РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2.
15. РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21.
16. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой. М., 1976.
17. *Чаадаев О.* Армия накануне Февральской революции. М., 1935.
18. *Черепица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Гродно, 2006.

Вашкевич А.Ф.

Рецензия: [НКВД в Западной Беларуси.

Сентябрь — декабрь 1939 г. Документы
и материалы. Сост.: В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков,
А.Ф. Великий и др. Минск: Москва, 2019. 382 с.]

Интерес к событиям 1939 года у белорусского общества достаточно высок и постоянно возрастает. Это понятно, ведь их значение для формирования современного белорусского государства тяжело переоценить. Именно в то время БССР в целом приобрела те границы, в которых существует современная Республика Беларусь. Осенью 1939 года понятие Беларусь впервые реально и юридически распространилось на большей части пространства, где этнографы XIX века обнаруживали говорящих на своём языке представителей «белорусской ветви русского народа». Ведь ни Белорусская Народная Республика, ни Советская Социалистическая Республика Беларусь довоенного образца не имели реального суверенитета над этими землями. Присоединение Западной Беларуси к БССР, с одной стороны, считается важным позитивным событием белорусской истории, а с другой — неизменно ассоциируется с политическими репрессиями против местного населения, а также множеством личных трагедий большого количества людей, в том числе и тех, кто приветствовал приход Красной Армии в сентябре 1939 года.

На фоне огромного количества польских публикаций источников о событиях 1939 года достижения белорусских, да и российских историков выглядят достаточно скромно: [*Браты Беларуси! 2009*], [*Польша — Беларусь... 2018*], [*Осведомительной сетью выявлены... 2020*]. Если говорить, например, о польской историографии событий 1939 г., то известными польскими историками Ч. Гжеляком, М. Гнатовским, П. Эберхардом, М. Вежбицким, Е. Дурачинским, К. Ясевичем написаны не только солидные монографии, но и подготовлены мощные тематические сборники документов. Часто публикациями документов дополнены и сами монографии. Например, огромная книга К. Ясевича содержит большой блок биограмм советских активистов и партийных работников, установивших новую власть в бывшей северо-восточной Польше [*Jasiewicz 2002*]. Существенно дополнено документами исследование М. Вежбицкого о белорусско-польских отношениях накануне и во время событий 1939–1941 гг. [*Wierzbicki 2007*].

Близка по тематике к рецензируемому сборнику книга М. Гнатовского об организации Всебелорусского собрания в Белостоке [*Gnatowski 2001*]. В данной книге, очень существенно дополненной документами, дана оценка учреждению и деятельности органов, созданных на территории Западной Беларуси советской властью, наиболее внимание автор уделяет Народному собранию Западной Беларуси. Подробно рассматриваются организация избирательной компании и её цели, избрание кандидатов, направления пропаганды и агитации, а также отношение местного на-

селения к новой власти. Оценивая отношение советской администрации к местным, польским и белорусским элитам, автор пишет, что новая власть одинаково не доверяла и первым, и вторым.

Стоит обратить внимание и на следующие сборники документов, подготовленные польскими авторами: [*Polacy — Żydzi — Białorusini — Litwini...* 2005], [*Sowietyzacja i rusyfikacja...* 2005], [*Окупация советская...* 1996], [*Spółczesność białoruskie, litewskie i polskie...* 1995]. Основная тематика документальных сборников, подготовленных польскими историками, — боевые действия в сентябре 1939 г., создание и функционирование советских органов власти (с акцентом на биографии советских функционеров), работа репрессивного советского аппарата в части борьбы с польским сопротивлением и вывозом населения на восток.

Несмотря на такое большое количество публикаций польских авторов, тематический сборник с документами из Национального архива Республики Беларусь (60 документов) и Центрального архива Комитета государственной безопасности Беларуси (9 документов) является настоящим подарком для всех, кто интересуется темой. Практически все эти документы публикуются впервые, хотя в большинстве достаточно давно доступны исследователям. Несколько интересных документов авторы явно не могли «добыть» из закрытых белорусских архивов и воспользовались публикациями материалов из фондов главного архива Службы безопасности Украины [*Радянські органи державної безпеки...* 2009].

Документы из сборника охватывают период от сентября до декабря 1939 года — от момента вхождения на территорию Польши специальных оперативно-чекистских групп до формирования постоянной структуры НКВД на присоединенных землях. Все документы в сборнике поданы просто в хронологическом порядке, это документы, рожденные главным образом в структуре аппарата и местных структур НКВД — оперативные сводки, директивы, приказы, докладные записки партийному руководству, различные инструкции и указания, всего около девяноста документов.

Сборник имеет небольшое предисловие, где документы условно разделены по тематическим группам, а также раздел «От составителей» с описанием основных принципов работы с документами. Документы снабжены редакционными заголовками и имеют весь необходимый научный аппарат.

Начинается сборник с общих директив, которые составлялись руководством НКВД для чекистских групп, входивших в Западную Беларусь вместе с Красной Армией. Из этих документов можно хорошо представить, как была организована работа НКВД. 17 сентября 1939 г. вместе с подразделениями Красной Армии на территорию Западной Беларуси вошли четыре оперативно-чекистские группы, созданные по приказу Л. Берии. Их задачи определялись приказом от 15 сентября: создание новых органов власти — временных управлений, а также создание аппарата НКВД. Также группы должны были занять банки, типографии, редакции газет, архивы. На работниках НКВД лежала задача восстановить и обеспечить работу крупных пред-

приятый, а также водопроводов, электростанций, железнодорожных станций. Вместе с традиционными задачами ставилась задача захвата отделов польской полиции и особенно полицейских архивов. Нужно было организовать аресты деятелей «контрреволюционных» организаций и партий (в том числе и белорусских, даже тех, которые подвергались репрессиям со стороны польских властей). Деятели революционных организаций выпускались из тюрем, однако чекисты среди них сразу должны были создавать агентурно-осведомительную сеть. Священников рекомендовалось «пока» не арестовывать.

Сотрудники НКВД также составляли справки и о ходе боевых действий, уделяя особое внимание помощи (или, наоборот, сопротивлению) местного населения, а также морально-политическому настроению красноармейцев. Например, неоднократно отмечались существенные проблемы с техническим состоянием бронетехники, недостатками в обеспечении горюче-смазочными материалами. Вообще в условиях практически полного отсутствия сопротивления со стороны польской армии, марш Красной Армии по Западной Беларуси всё равно проходил с очень существенными задержками и проблемами. Даже в начале октября командование частей не имело никакой информации о десятках оставших по дороге танков, целых колоннах с бензином. Между строк в документах прочитываются какие-то малоизвестные нам трагедии. Например, в одной из записок сообщается о том, что 17 сентября 1939 года Красная Армия потеряла двадцать девять человек, из которых двенадцать утонуло в Западной Двине. Отмечались также

случаи «дружественного» огня советских танковых и пехотных частей. Все это обнажало проблемы в командовании советскими частями и координации их действий, которые стали одной из важных причин трагедии лета 1941 года. Если красноармейцы чаще всего отмечали отвратительное положение с обеспечением действующих частей продуктами, то «красные командиры» как минимум среднего звена хорошо понимали опасность ситуации в армии и даже сравнивали поход 1939 года с неудачей Красной Армии в 1920 г., когда «враг народа» Тухачевский «организовал» отставание тылов на 120–150 км, что в итоге привело к поражению под Варшавой.

Уже к концу сентября отчёты о восторженной встрече Красной Армии местным населением сменяют документы с характеристиками первых арестованных советской властью помещиков, военных, чиновников, лесников. Органы НКВД отмечают, что крестьяне при создании своих комитетов не всегда учитывали их классовый характер, выбирая в них католических священников, православных дьяков, а иногда и помещиков, одним словом, руководствуясь не столько классовыми принципами, а желанием выбрать толковых администраторов и просто «хороших людей».

Особый интерес представляют «неприукрашенные» свидетельства агентов НКВД об изменениях настроения как населения Западной Беларуси, так и советских солдат и служащих по отношению к происходящим событиям. С одной стороны, часто подчёркивается, что местные технические работники и служащие в основном не занимались саботажем, не бросили своих рабочих мест, а продолжали

работать, содержа свои электростанции, водопроводы, фабрики в образцовом порядке, с другой стороны, достаточно быстро стало приходить понимание реальной экономической ситуации как в СССР, так и в бывшей Польше. Интересно, что первыми, кто стал делать неприятные для НКВД сопоставления, были как раз красноармейцы. «Население Западной Беларуси живет лучше, чем население Советского Союза...», «хлеб ели, водку пили, а ещё говорят, что им плохо жилось», — в сборнике документов приведены сотни таких высказываний, начиная от безобидных сравнений и заканчивая высказываниями, за которые НКВД брало их авторов в «оперативную разработку», а нередко и подвергало аресту.

Удивительно точными оказались высказывания солдат и об общей политической ситуации, особенно о пакте Молотова-Риббентропа и совместной военной операции в сентябре 1939 г. «Мы очень подружились с Германией... а потом Германия начнёт действовать. Я сомневаюсь, что договор с Германией будет прочным». Солдаты и командиры логично развивали линию их идеологического воспитания, которая в тот момент вошла в роковое противоречие с линией сталинского руководства СССР: почему мы не освобождаем от фашистов польских пролетариат, почему мы отдаём только что освобождённый от польских панов Вильно литовским панам и проч.

Уже в октябре НКВД переключилась главным образом на разгром возможного польского подполья в Западной Беларуси и поиск его потенциальных участников. С особым вниманием собирались свидетельства о военной и дивер-

сионной подготовке лесников, членов организации «Стрелец», представителей некоторых политических партий. Не вызывает сомнений, что именно эти материалы стали основой для депортации этих категорий населения в 1940–1941 гг.

Заключение договора между Литвой и СССР о передаче первой Виленской области вызвало у населения противоречивые чувства. Недовольство высказывали представители еврейской общественности, красноармейцы, интеллигенты белорусы. Некоторые сюжеты из сборника вызывают искреннее удивление даже у профессионального историка. Это, например, история о том, как во временное управление города Белостока приехали несколько белорусских крестьян с Виленщины, заявили советскому руководству: «Ляжем костями, но Вильно и область Литве не отдадим» и выразили сожаление, что не имеют оружия.

Оперативно-чекистские группы НКВД были распущены в начале ноября 1939 г., вместо них были организованы управления НКВД по Белостокской, Новогрудской (с 13 декабря Барановичской), Пинской и Вилейской областям. Личный состав групп стал основой для формирования территориальных органов НКВД.

В это время вместе с нерешенными предыдущими перед органами НКВД были поставлены новые задачи. Например, проблемой советской власти стали беженцы. В ноябре 1939 г. на вокзале города Бреста находилось одновременно несколько тысяч человек, которые хотели перебраться на оккупированную Германией территорию. Причём значительную часть из них составляли бывшие польские

военнопленные, которые, чтобы выбраться из советских лагерей, указали своим местом рождения Западную Беларусь и Украину, а сами хотели прорваться в Польшу. В свою очередь на территорию СССР не единожды прорывались большие группы населения, часто открыто и с красными знамёнами. Однако по межгосударственным германско-советским договорённостям пропускались через границу только немцы (в Германию) или жители народов СССР (в сторону СССР) — белорусы, украинцы, русские, русины и т.д. И евреев, и даже польских коммунистов массово возвращали назад, несмотря на то, что их жизнь в Германии была явно под угрозой. Проблему также представляли и уже попавшие на территорию СССР беженцы из центральной и западной Польши. Их нужно было обеспечить продуктами, одеждой, элементарной медицинской помощью.

Со второй половины октября и в последующие месяцы одними из ключевых документов сборника становятся справки с наиболее значительными разоблачениями, сделанными НКВД. В числе арестованных множество не только бывших польских чиновников, но и белогвардейцев, украинских и белорусских деятелей, таких как Антон Луцкевич, Иван Самойло, Макар Костевич, Сергей Бусел и других. Судьба их всех оказалось трагичной, они или исчезли в западнобелорусских тюрьмах летом 1941 г., или умерли в лагерях в годы войны.

Последние документы сборника посвящены подготовке советскими властями депортации части населения Западной Беларуси на восток СССР. Интересен также обширный документ с представлениями к государственным наградам

многих сотрудников НКВД за деятельность в Западной Беларуси. Среди стандартных заслуг, связанных с оперативной деятельностью и почти всегда риском для жизни, есть и весьма экзотические, например, к ордену была представлена машинистка управления НКВД в Белостоке Ревекка Казакевич за «преданность делу партии Ленина — Сталина» и работу «не считаясь со временем и здоровьем» или лейтенант госбезопасности Анатолий Богачук за вскрытие 1180 (!) сейфов в польских банках и других организациях.

Очевидно, что составителям сборника удалось отразить далеко не весь спектр направлений деятельности органов НКВД в Западной Беларуси в конце 1939 г. Связано это в первую очередь с принципиальной закрытостью как российских, так и белорусских архивов спецслужб. Поэтому полностью отсутствуют агентурные дела завербованных жителей бывшей Западной Беларуси, оригиналы их сообщений, допросы подследственных и так далее. Информация подаётся в «сжатом» варианте, как это показывалось в справках для партийного руководства СССР и БССР. Основные направления деятельности НКВД, настроения населения и красноармейцев отражены в документах сборника хорошо, однако без другого рода документов, показывающих собственно «кухню» работы НКВД, деятельность спецслужб исследовать нельзя. Поэтому для данного сборника больше подходило бы название «События сентября — декабря 1939 г. в Западной Беларуси через призму документов НКВД».

Хотелось бы увидеть подобные сборники и с материалами из более открытых, но крайне мало проработанных

историками архивных хранилищ. Например, до сих пор не опубликованы боевые дневники и отчёты соединений Красной Армии, которые участвовали в сентябрьском походе. В любом случае данный сборник — это только верхушка айсберга из документов, связанных с вхождением Западной Беларуси в состав БССР осенью 1939 года.

Источники и литература:

1. “Браты Беларусы!” Некалькі дакумэнтаў з восені 1939 г. Падрыхтаваў Андрэй Вашкевіч // АРСНЕ-Пачатак, 2009, №8. С. 298–336.
2. Осведомительной сетью выявлены. 2-я танковая бригада в Западной Беларуси по спецсообщениям особого отдела НКВД. Сборник документов и материалов / Сост.: Д. Дрозд. Мн., 2020.
3. Польша — Беларусь, 1921–1953: сборник документов и материалов / Сост.: А.Н. Вабищевич [и др.]. Мн., 2018.
4. Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р.: документи ГДА СБУ України. Київ, 2009.
5. *Gnatowski M. Zgromadzenie Ludowe Zachodniej Białorusi. Fakty, oceny, dokumenty. Białystok, 2001.*
6. *Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostoczczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna). Warszawa, 2002.*
7. *Okupacja sowiecka, 1939–1941, w świetle tajnych dokumentów: obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941: wybór źródeł / Tomasz Strzembosz. Warszawa, 1996.*
8. *Polacy — Żydzi — Białorusini — Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1944): w kręgu mitów*

Вашкевич А.Ф. Рецензия: НКВД в Западной Беларуси. Сентябрь — декабрь 1939 г.

i stereotypów / Michał Gnatowski, Daniel Boćkowski. Białystok, 2005.

9. Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej (1939–1941). Studia i materiały / Michał Gnatowski, Daniel Boćkowski (red.). Białystok, 2005.
10. Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia w latach 1939–1941 / Małgorzata Gizejewska, Tomasz Strzembosz. Warszawa, 1995.
11. *Wierzbicki M.* Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Warszawa, 2007.

Соловьянов А.П.

Важная часть социальной защиты населения:
скорая медицинская помощь на территории
Беларуси (1919–1939 гг.) [Рецензия на:
Каплиев А.А. Становление службы скорой
медицинской помощи на территории Беларуси
(1919–1939 гг.)]

В настоящее время в связи со сложной эпидемиологической обстановкой тема истории деятельности сферы здравоохранения и особенно скорой медицинской помощи достаточно актуальна среди исследований. Монография Каплиева А.А. «Становление службы скорой медицинской помощи на территории Беларуси (1919–1939 гг.)» посвящена малоизученной и социально значимой проблеме формирования института оказания скорой медицинской помощи в Беларуси. Автор сосредоточил свое внимание на межвоенном периоде, когда оказание скорой медицинской помощи приобрело регулярный характер, а сама служба стала неотъемлемой частью системы здравоохранения. Научная новизна подхода автора заключается в одновременном изучении формирования института скорой медицинской помощи как на территории БССР, так и в Западной Беларуси, что является вкладом в отечественную историографию.

Исследование позволяет проследить процесс формирования скорой медицинской помощи на территории Беларуси от первых, обособленных и не связанных между

собой организаций к регулярной службе. Монография структурно разделена на три главы: «Историография и источники», «Организация скорой медицинской помощи на территории Советской Беларуси», «Организация скорой медицинской помощи на территории Западной Беларуси». Главы монографии построены логично, а названия разделов в полной мере соответствуют их содержанию.

Однако предвещающий тематические главы раздел «Введение» также можно рассматривать как полноценную главу, содержащую, на наш взгляд, необходимый для понимания рассматриваемой проблемы очерк развития самой идеи оказания экстренной помощи и ее практическое воплощение от древности до начала XX в., что позволяет глубже вникнуть в специфику рассматриваемой проблемы.

В первой главе «Историография и источники» автор квалифицированно обозревает состояние научного изучения поставленной проблемы и справедливо приходит к выводу о недостаточной изученности вопросов истории скорой медицинской помощи и здравоохранения в целом в рамках исторического дискурса [Каплиев 2019, с. 32]. Действительно, в рамках советской историографической школы вопросами истории медицины преимущественно занимались представители врачебной профессии, а не историки, что, хотя и в меньшей степени, характерно и для современного состояния отечественной исторической науки (исключения составляют работы историков М. Е. Абраменко, Ю. В. Матусевич, Н. С. Моторовой и др.).

Характеристика источников, также приведенная в первой главе, позволяет констатировать значительную работу,

проведенную автором в белорусских и зарубежных архивах, музеях и рукописных отделах библиотек, в общей сложности автором задействованы материалы из фондов более 20 архивов Беларуси, России, Литвы и Польши. Обращает на себя внимание активное задействование материалов коллекций областных и региональных музеев, а также зональных архивов в Бобруйске, Мозыре, Молодечно и Полоцке [Каплиев 2019, с. 51–54].

Вторая глава «Организация скорой медицинской помощи на территории Советской Беларуси» характеризует процесс становления скорой медицинской помощи на территории Советской Беларуси (как в БССР, так и на территории Витебской и Гомельской губерний в период их вхождения в состав РСФСР) и выделяет ключевые особенности данного процесса. Автор пришел к выводу, что первые организации скорой медицинской помощи на территории Беларуси, зародившиеся накануне начала Первой мировой войны, в процессе боевых действий были расформированы, однако опыт их работы и материальная база позволили довольно оперативно организовать институты скорой медицинской помощи уже в рамках советской системы здравоохранения в начале 1920-х гг. Автор отмечает чрезвычайные условия, ставшие не только фоном, но и непосредственными причинами развертывания структур скорой помощи: эпидемическая вспышка и высокий бытовой травматизм гражданского населения в период польско-советской войны 1919–1921 гг., которые предопределили необходимость оперативной доставки зараженных и раненых в стационары [Каплиев 2019, с. 84].

В дальнейшем автор выделил наиболее значимые факторы развития службы скорой медицинской помощи: сокращения стационарных медицинских учреждений в период новой экономической политики, необходимость расширения радиуса оказания медицинской помощи из крупнейших городов в сельскую местность в период коллективизации. Выявлены причины и условия развития скорой медицинской помощи как унифицированного и регулярного института профессионального оказания экстренной медицинской помощи в 1930-х гг., выделены методические и законодательные основы данных процессов, особенности материального и кадрового обеспечения. Подчеркнута определяющая роль механизации санитарного транспорта (замена конных карет автомобилями и внедрение института санитарной авиации) для доступности скорой медицинской помощи в любой точке БССР к концу 1930-х гг., что и стало временем окончательного становления скорой медицинской помощи как единой общегосударственной службы [Каплиев 2019, с. 123–129]. Следует отметить, что характеристика формирования службы скорой медицинской помощи дана в контексте анализа развития всего здравоохранения БССР в 1920–1930-х гг., что придает исследованию целостность и завершенность.

В третьей главе «Организация скорой медицинской помощи на территории Западной Беларуси» автор отходит от классической для исследования проблем Западной Беларуси хронологии и начинает повествование не с 1921-го, а с 1919 года — времени начала польской оккупации территории Беларуси в период польско-советской вой-

ны. Анализируя последующие подразделы третьей главы, следует подчеркнуть, что данный подход полностью себя оправдывает, т. к. именно санитарно-эпидемические и гуманитарные последствия польско-советской войны во многом предопределили характер развития здравоохранения в целом и скорой медицинской помощи в частности на территории «восточных кресов». Автор убедительно, на основании анализа значительного комплекса документов, в том числе из польских архивов, приводит доказательства развития тяжелейшего эпидемического положения на территории Западной Беларуси, которое было характерно для данной территории и после окончания боевых действий 1919–1921 гг. [Каплиев 2019, с. 146]. В совокупности с окраинным статусом западнобелорусских земель и последующим экономическим кризисом конца 1920-х — середины 1930-х гг. нестабильная эпидемиологическая обстановка привела к значительным сложностям в развитии здравоохранения. В отличие от централизованной модели медицины БССР, в межвоенной Польше существовала стратифицированная на множество секторов система здравоохранения, что отразилось и на характере развития скорой медицинской помощи [Каплиев 2019, с. 143, 154].

Отсутствие централизованной государственной поддержки развития структур скорой медицинской помощи в Западной Беларуси предопределило их малую численность, а также преимущественно негосударственный характер. Большинство станций и пунктов скорой медицинской помощи были созданы структурами Красного Креста, страховыми учреждениями, а также благотворительными обще-

ствами, а их деятельность не была унифицирована единой методической и законодательной базой. Важным вкладом автора в изучение повседневности населения Западной Беларуси в межвоенный период, на наш взгляд, является тезис о задействовании ресурсов военной медицины для развития скорой медицинской помощи и здравоохранения Западной Беларуси в целом (в виде использования военно-санитарных автомобилей, коечного фонда военных госпиталей, военных врачей для нужд гражданского населения) [Каплиев 2019, с. 165–166, 174].

Отдельно следует выделить глубокую работу автора над приложениями, которые включают терминологический словарь, состоящий из наиболее значимых медицинских терминов, которые могут вызвать затруднения для понимания у читателя; карты, большая часть которых выполнена автором; биографические справки, которые раскрывают детали биографии наиболее заметных деятелей в сфере развития скорой медицинской помощи в начале XX в., а также документы и фотографии. Обращает на себя внимание глубокая работа автора с материалами для биографических справок, каждая из которых выполнена на основе комплекса библиографических, архивных и музейных источников.

Следует выделить эстетическое оформление книги: каждая глава и приложение начинается с коллажа, который тематически раскрывает следующий далее материал, поданные в разделе «Документы» копии архивных материалов выполнены в высочайшем качестве и цвете, фотографии в большинстве случаев ранее не публиковались и органично дополняют представленный ранее материал.

В заключение отметим, что монография А. А. Каплиева представляет собой оригинальное, целостное и самобытное исследование, которое фактически не имеет аналогов в отечественной историографии и с новой точки зрения раскрывает детали развития белорусского общества в межвоенный период. Характерной особенностью книги является её привлекательность не только для профессиональных историков, учащихся, преподавателей, но и медицинских работников, а также организаторов здравоохранения. Многие аспекты развития, проблемы функционирования службы скорой медицинской помощи, поднятые в монографии А. А. Каплиева, актуальны и сегодня, что обуславливает не только научную, но и высокую социальную и практическую значимость издания.

СТАТЬИ

Герасимчик В.В.

Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России»

Статья посвящена научной дискуссии 1863–1864 годов между представителями «западноруссизма» М. Кояловичем и П. Бобровским с военным картографом Р. Эркерт, в ходе которой впервые публично происходило обсуждение вопроса о пространстве и идентичности белорусов как народа. Результаты дискуссии отразились на политике Российской империи и способствовали изменению картографической проекции и воображаемых границ Беларуси.

Ключевые слова: научная дискуссия, идентичность, западноруссизм, П. Бобровский, М. Коялович, А. Риттих, Р. Эркерт.

Изучение процесса формирования белорусской нации является одним из ключевых в отечественной исторической науке. Подтверждение тому — выход «Истории белорусской государственности», подготовленной специалистами Института истории НАН Беларуси [История... 2018–2019].

Однако если генезис белорусов как общности обрел определенную схему, то проблема развития национально-го самосознания, поиск в нем ключевого элемента, а также

влияние на данный процесс интеллектуалов, предлагающих различные проекты, не является столь же бесспорным. Отправной точкой для научных дискуссий по данному предмету послужил выход во время восстания 1863–1864 годов атласа западных губерний Российской империи, составленного картографом Родригом Эркертотом (1821–1900) и нашедшего отклик у представителей «западноруссизма» Михаила Кояловича (1828–1891) и Павла Бобровского (1832–1905).

Историография

О данной дискуссии вскользь упомянул академик Евфимий Карский, который оценивал ее как естественную [Карский 1904, с. 236]. В числе первых, кто кратко представил общий ход научного спора, был Александр Цвиевич в монографии, посвященной идеологии и практике руссификации Беларуси в период вхождения ее территории в состав Российской империи. Однако он ошибочно называл лишь П. Бобровского «адзіна, хто падняў у той час голас проці гэтае забойчае для Беларусі тэорыі і скрытыкаваў атлас Эркертоты», а М. Кояловича характеризовал как сторонника основной идеи картографа о разделении народов по вероисповеданию, в том числе отождествления белорусов-католиков и поляков [Цвiекавiч 1993, с. 176].

Личность Р. Эркертоты почти не представлена в белорусской историографии, несмотря на то, что его называют автором «первого этнографического атласа Беларусі» [Олюнина 2006, с. 56], отмечают, что в его труде, а также

в атласе А. Риттиха «ўпершыню геаграфічны абшар рассялення беларусаў быў паказаны на мапе. Незалежна ад інтэнцый складальнікаў гэта непазбежна мусіла калісьці паслужыць на карысць беларускай нацыянальнай ідэі» [Токць, 2005, s. 88]. Большинство работ биографического характера, посвященных М. Кояловичу [Лысенко, 2002] и П. Бобровскому [Мелешко, Нечухрин 2011], не упоминают о полемике 1863–1864 годов, во многом предопределившей дальнейшее направление деятельности ключевых представителей «западнорусизма». В частности, для М. Кояловича она отразилась в издании на русском и французском языках исторических актов «Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношение к Восточной России и Польше» [Документы... 1865]. Но это осталось без внимания как в «Историографии истории Беларуси» Виктора Белаазаровича [Белаазаровіч 2006], так в монографии Павла Терешковича, посвященной этнической истории Беларуси [Терешкович 2004].

Нет упоминаний о взглядах участников дискуссии и в университетских пособиях, в которых рассматриваются вопросы формирования белорусской нации в контексте европейской цивилизации [История Беларуси... 2018]. В коллективной монографии под редакцией Валентины Яновской, посвященной историографическому аспекту нациостроительства, имена Р. Эркerta и М. Кояловича лишь упомянуты в контексте проблемы этнографической оценки территории белорусско-литовских губерний и этнокультурных взаимовлияний в регионе [На шляху... 2011, с. 57].

Но в целом большинство белорусских исследователей следуют традиции, заложенной А. Цвикевичем, обращая внимание на связь воззрений Р. Эркерта и П. Бобровского, и в лучшем случае отдельно выделяя М. Кояловича [Белазаровіч 2014], [Насытько 2014]. Также имеет место отдельное цитирование их трудов без комплексного анализа [Сувалаў 2006, с. 61–62].

Елена Мелешко видит результатом дискуссии 1863–1864 годов «определенный шаг вперед белорусскому краеведению» и замечает, что для П. Бобровского, взгляды которого она подробно исследовала, «религия, также как и государственность — лишь внешний, преходящий атрибут населения» [Мелешко 2013, с. 296].

Наиболее точно и кратко основное содержание полемики 1863–1864 годов передал Александр Литвинский [Литвинский 1998]. Историк указал на необходимость учитывать методологический инструментарий исследователей, в том числе значение, которое они вкладывали в различные термины. А. Литвинский выделил семь оснований, по которым П. Бобровский подверг критике взгляды Р. Эркерта, а также указал на противоречивый характер позиции М. Кояловича к «основному методолого-теоретическому вопросу, поставленному исследованием Эркерта: можно ли считать конфессиональный фактор определяющим принадлежность того или иного человека к тому или иному этносу» [Литвинский 1998, с. 309]. По мнению исследователя, такая позиция одного из лидеров «западнорусизма» объяснялась его приверженностью общим идейно-теоретическим установкам

славянофильства с их противопоставлением православия и католицизма, а также уровнем развития этнографической науки в XIX в.

Ряд важных замечаний сделал Валерий Булгаков, который указал, что полемика вокруг атласа Р. Эркерта была использована М. Кояловичем «для канструявання беларусаў як этнічнай нацыі» [Булгакаў 2006, с. 153]. При этом исследователь посчитал, что ключевой критерий для разграничения народностей в случае Р. Эркерта и М. Кояловича был общим, но в него вкладывалось несколько иное наполнение: «Як і паўсюль у Эўропе, у Беларусі этнічная ідэнтычнасць не супадала з моўнай і рэлігійнай, і каб зняць гэтую супярэчнасць, Каяловіч настойваў на ідэнтыфікацыі беларусаў на аснове крытэра веры» [Булгакаў 2006, с. 154].

В то же время отношение П. Бобровского к языку как маркеру для опеределения народности не получило поддержки со стороны властей: «Лягічна бездакорны, здавалася б, падыход Баброўскага так і не запанаваў у мысленні імперскай эліты. Усю другую палову XIX і ўсё XX ст. імперская ўлада нібыта несъвядома блыталася ў меркаваннях, успрымаючы беларусаў-каталікоў як палякаў, паколькі заахвочвала этнічную самаідэнтыфікацыю беларусаў зусім не для таго, каб яны пабудаваці мадэрную нацыю, а для іх лягчэйшай асыміляцыі ў расейцаў. За гэтай знаручыстай забыўлівасцю стаяў важны стратэгічны падыход: ідэнтыфікацыя беларусаў на аснове веры была самым зручным спосабам іх апазнавання ва ўмовах, калі ўлада ўсяляк прымяняла значнасьць беларускай мовы і культуры, ад-

маўляючы ім у праве на паўнавартаснае разьвіццё альбо заганяючы іх у каляніяльнае гета. Зьмяніць найважнейшы крытэр ідэнтыфікацыі значыла б пахіснуць цэнтар цяжару ўсёй канструкцыі, асудзіўшы асыміляцыйную праграму на няпэўнасьць» [Булгакаў 2006, с. 155].

О дискуссии вокруг атласа Р. Эркерта упомянул Михаил Долбилов, назвавший военного картографа представителем «официозной картографии» [Долбилов 2010, с. 190]. Историк заметил, что М. Коялович и П. Бобровский «критиковали его за неразборчивое приложение вероисповедного критерия национальности, вследствие чего, по оценке Кояловича, полмиллиона значащихся католиками белорусских крестьян и мелкой шляхты оказались у Эркерта причислены к полякам, хотя их католицизм был чисто обрядового свойства и не имел «национальной польской силы» [Долбилов 2010, с. 191]. Согласно М. Долбилову, в ошибках, допущенных Р. Эркертом и другими этнографами, «проявилась не только тесная связь науки с политикой и идеологией, но и, косвенным образом, объективные трудности этнической идентификации населения, подлежащего описанию и регистрации» [Долбилов 2010, с. 191].

Ряд важных выводов о полемике 1863–1864 годов, возникшей после выхода «Этнографического атласа», высказал Сергей Токть. По мнению историка, взгляды Р. Эркерта, явившиеся результатом его собственных наблюдений и практического опыта российских войск, приобретенного в 1863 году, противоречили распространенной в то время в среде российских интеллектуалов идеализации крестьян

яства: «...яго рацыянальныя выкладкі супярэчылі ўжо дастаткова на той час распаўсюджанай у расійскіх інтэлектуальных колах міфалагеме, згодна з якой сялянства Святой Руси (да якой малады рускі нацыяналізм далучаў і беларускія землі) уяўляе сабой нейкае містычнае цела, што складае галоўную апору самадзяржаўнай улады» [Токць, 2005, s. 88]. Исходя из данного положения, С. Токть оценил подход П. Бобровского как более импонирующий российскому правительству, чем Р. Эркerta: «Апошні быў бы апраўданым толькі ў тым выпадку, калі б беларускамоўных сялян-каталікоў удалося перавярнуць у праваслаўе. Але дасягнуць гэтага ўлады не здолелі. Калі каталіцкую шляхту выгадна было называць “наносным пришлым элементом”, дык прызнанне палякамі вялікай колькасці беларускіх сялян падрывала міф пра “исконно русский” характар гэтых земляў, якія ў адпаведнасці з мацнеючым нацыяналістычным дыкурсам у свядомасці расійскай палітычнай эліты складалі неад’емную частку Святой Руси. Адданае цару сялянства складала асноўны элемент гэтага міфа. Натуральна, што ўрад не мог саступіць польскаму нацыяналізму беларускамоўных сялян-каталікоў Заходняга краю, якія ва ўсіх афіцыйных статыстыках з 1860-х гадоў фігуруюць як беларусы. Праблема палягала толькі ў тым, як прышчапіць гэтым сялянам рускую самасвядомасць?» [Токць, 2005, s. 89].

В коллективной монографии «Белорусы: нация Пограничья» в разделе, посвященном белорусам в эпоху формирования современных европейских наций, С. Токть не только затронул взгляды Р. Эркerta и П. Бобровского, но

и дал оценку их научной дискуссии 1863–1864 годов: «Эта дискуссия имела немаловажное значение для выработки имперской национальной политики на белорусских землях, поскольку диспутанты имели авторитет серьезных экспертов. В дальнейшем царское правительство использовало в зависимости от ситуации оба вышеозначенных подхода. Многочисленные ограничительные законы и постановления, направленные в первую очередь против местной шляхты, фактически отождествляли католическое вероисповедание и польскую национальность. В то же время в официальных материалах местной государственной администрации и статистических переписях этнически белорусское католическое крестьянство этого времени фигурирует в графе «белоруссы» [Кравцевич, Смоленчук, Токть 2011, с. 156].

«Этнографический атлас» Р. Эркерта как основа для дискуссии

В 1863 году в Петербурге на французском языке был издан «Atlas ethnographique des Provinces habitees en totalite ou en partie par des Polonais» («Этнографический атлас провинций, полностью или частично населенных поляками») [Erkert 1863]. Его появление было связано с начавшимся в Царстве Польском в январе 1863 года восстанием и должно было «опровергнуть неправильные выводы французов» в отношении территорий, инкорпорированных в состав Российской империи в 1772–1795 годах, которые также стали ареной вооруженного противостояния [Эркерт 1864, с. 1].

Атлас состоял из шести карт, наибольший интерес среди которых вызывает первая под названием «Этнографический обзор». Последующие, каждая отдельно, изображали ареал проживания основных народностей, представленных в регионе, в следующем порядке: «Поляки», «Русские», «Немцы», «Литовцы и Латышсы», «Евреи». Шесть оттенков красок показывали процентное соотношение данных национальностей к общему населению в определенной территориально-административной единице на территории бывшей Речи Посполитой.

В комментарии к карте «Русские», в соответствии с официальной концепцией «триединого русского народа», Р. Эркерт пояснял: «Русские (Малоросы, Белоруссы и рассеянные между ними в каждой губернии по несколько тысяч Великоруссов или собственно Русских) в областях, обитаемых частью Поляками, отличаются от последних равно и от Литовцев языком, а в особенности своим вероисповеданием (Православием)» [*d'Erkert 1863, Pl. III*] [*Эркерт 1864, Т. I*]. Если на данной карте «русские» отражены в единой цветовой палитре, то в «Этнографическом обзоре» составляющие их народности названы и представлены отдельно: белорусы — темно-зеленым, украинцы — светло-зеленым цветами [*d'Erkert 1863, Pl. I*].

При этом существенным недостатком являлось отражение неполного ареала проживания белорусов и украинцев — до восточной границы бывшей Речи Посполитой. Данный факт, к сожалению, картограф не только не пояснил, но и не оговорил в примечаниях. Это сказалось на ци-

фровых показателях «Этнографической и статистической таблицы». Р. Эркерт лишь отметил, что его цифры «приблизительные» и относятся к 1858 году, на который численность основных народностей региона представлена следующей: «Поляки» — 8950 тыс., «Русские» — 8821 тыс., «Немцы» — 5660 тыс., «Литовцы и Латыши» — 2100 тыс., «Евреи» — 2360 тыс., «Разные нации» — 269 тыс. жителей [*d'Erkert 1863*, Pl. I].

Р. Эркерт имел возможность отразить в атласе этнический ареал проживания белорусов и украинцев, как сделал это на этнографической карте Российской империи, изданной по-французски в Берлине годом ранее [*d'Erkert 1862*]. Именно эту карту, а не представленную в атласе 1863 года, следует считать первым изображением пространства расселения белорусов в трудах ученых Российской империи. Карта Р. Эркерта 1862 года была значительно точнее вышедшей двумя десятилетиями ранее карты «Славянские земли» этнографа П. Шафарика, который сделал попытку определить ареал проживания белорусов по языковому критерию.

У Эркерта белорусы представлены в числе 60 наиболее крупных народностей, проживающих на территории империи, включая Аляску. Согласно карте 1862 года они являются частью «русских», но не в их классической трехчленной структуре, а состоящей из пяти народностей, дополненных «Сибиряками» и «Казаками».

Белорусы, согласно Р. Эркерту насчитывающие 2950 тыс. человек, на карте 1862 года занимают не только Витебскую, где их проживает 465 тыс., Могилевскую

(695 тыс.), Минскую (650 тыс.), Гродненскую (476 тыс.) и Виленскую (187 тыс.) губернии, но и часть Черниговской (100 тыс.), Смоленской (300 тыс.) и Орловской (50 тыс.) губерний.

Карта 1862 года и статистическая таблица к ней являлись дополнением к альбому «Description ethnographique des peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России»), составленному Густавом-Теодором Паули и приуроченному к тысячелетию Российского государства [Pauly 1862]. Издание сопровождалось 62 великолепными цветными иллюстрациями, выполненными в технике литографии, сделанными с натуры [Паули 2007, с. III]. В их числе — литография «Белоруссы (Могилевской губернии)». Она является иллюстрацией к очерку, написанному Р. Эркертом.

В отличие от карты 1862 года, в атласе 1863 года картограф изобразил не только несколько отличные границы проживания белорусов, но и сократил их число, увеличив одновременно количество «Поляков» в Гродненской (с 225 тыс до 270 тыс.) и в Виленской губерниях (со 185 до 212 тыс.).

Так было положено начало дискуссии 1863–1864 годов, в ходе которой в науке впервые публично происходило обсуждение вопроса о занимаемом пространстве и идентичности белорусов как народа.

Отзыв М. Кояловича

Первым на атлас Р. Эркерта откликнулся Михаил Коялович (1828–1891), экстраординарный профессор и пре-

подаватель Санкт-Петербургской духовной академии, уроженец Гродненской губернии. Он являлся представителем «западноруссизма», согласно которому Беларусь вместе с Украиной и Литвой составляют «Западную Россию», а белорусы и украинцы являются «западнорусским народом», образующим с великороссами единый великий русский народ [Коялович, Лекции... 1864, с. 3].

8 мая 1863 года историк разобрал сильные и слабые стороны атласа Р. Эркерта в докладе на общем собрании Русского географического общества. Текст выступления появился в газете «День» и, с некоторыми добавлениями, вышел отдельной брошюрой [Коялович 1863].

В отношении труда Р. Эркерта М. Коялович использует следующие характеристики: «важное, современное его значение» и «должен произвести весьма сильное впечатление за границей, а может быть, и у нас» [Коялович 1863, с. 7]. С учетом ориентирования на иностранного читателя М. Коялович в целом оценил атлас сдержанно положительно.

Историк увидел в нем ответ на вышедшую в 1861 году в Париже «Карту прежней Польши: с ее текущим размежеванием» [Dufour, Wrotnowski 1861], составленную французским географом Августом Генри Дуфором (1795–1865) и польским историком Феликсом Вротновским (1803–1871). Подтверждение тому — упоминание о карте, на которой «от Немана и Буга до Двины и Днепра, даже за Двину и за Днепр — все Польша и Польша...» [Коялович 1863, с. 7]. В 1863 году карта Дуфора-Вротновского была переиздана, но на этот раз территорию «бывшей Польши»

значительно уменьшили, ограничив ее западной границей Гродненской, Виленской и Ковенской губерний [*Dufour, Wrotnowski 1863*].

Главное, что разглядел в атласе Р. Эркерта М. Коялович, — это то, что «теперь оказывается и оказывается наглядно и популярно, что Польская провинция — есть Русская область» [*Коялович 1863*, с. 7]. Однако даже с учетом такого оптимистического, в его собственном понимании, видения, М. Коялович не обошел вниманием количественные данные о численности населения «западной России», которые историк подверг критике, назвав их ошибочными и сбивчивыми.

В цифрах, помещенных в шапке «Этнографического обзора», закралась «громадная уступка туземных элементов в пользу элемента польского» [*Коялович 1863*, с. 8]. В качестве ключевого аргумента для подобного утверждения выступали данные, собранные офицерами Генерального штаба — А. Корева [*Корева 1861*] и прежде всего П. Бобровским [*Бобровский 1863*]. В дальнейшем, считал М. Коялович, данная ошибка атласа Р. Эркерта будет решена готовящимся на тот момент к изданию атласом А. Риттиха.

Цифровые выкладки Р. Эркерта были восприняты как непреднамеренное заблуждение, основанное на распространенном в русском обществе убеждении «о господстве польского элемента в Западной России» [*Коялович 1863*, с. 4]. Но, по словам М. Кояловича, вышедший атлас усилит распространение данного заблуждения, выпячивая на передний план «польский вопрос» вместо «народного

дела Западной России» [*Коялович 1863*, с. 8]. Поэтому М. Коялович предлагал дать атласу Р. Эркерта новое название: «Этнографический атлас (положим) а) действительно Польши и б) Западной России, населенной малороссами, белоруссами (вообще русскими), литвинами, а также евреями, поляками, татарами, цыганами и еще, кто там есть, т.е. он непременно показал бы и в составе и в заглавии атласа, что этнографическое господство в Западной России принадлежит коренным, самобытным племенам ее, а не полякам» [*Коялович 1863*, с. 6].

Помимо цифр народонаселения, М. Коялович обратил внимание на «неверность безыменных польских пятнышек около Припяти» [*Коялович 1863*, с. 9], обозначенных в атласе Р. Эркерта. Историк увидел в них шляхетские околицы, где преобладающая часть населения разговаривает по-белорусски либо по-украински. Также ошибкой было названо обозначение в качестве «польских» городов Гродненской губернии: «Так мещане Гродна — большею частью белорусы; такие же белорусы мещане Соколки, Слонима; мещане Кобрина, Пружан, чистые малоросы: многие из них даже православного вероисповедания» [*Коялович 1863*, с. 9].

Однако наиболее существенной являлась критика использования вероисповедания в качестве критерия для разделения населения «Западной России» на народности без учета местных особенностей западных губерний. М. Коялович обратил внимание на нюанс, который Р. Эркерт не мог должным образом оценить в силу воспитания в иной среде. Это фактор униатства, которому даже спустя 25 лет

после объединения в 1839 году с Православной церковью «невольнo покоряется» значительная часть населения, в том числе католики. Благодаря униатству, в представлении М. Кояловича, самого выходца из семьи священника, «многие латиняне шляхетского, мещанского и все члены крестьянского сословия сохраняют еще свои самородные, местные начала, не делаются поляками, как бы должны были сделаться по требованию тамошнего латинства. Вот почему не все латиняне тамошней страны могут быть названы поляками» [Коялович 1863, с. 11]. Таким образом М. Коялович, выходя тем самым за рамки славянофильства, к которому себя причислял, объяснял столь существенную разницу между цифрами (83 800 против 270 000) П. Бобровского и Р. Эркerta по количеству польского населения в Гродненской губернии.

Историк не оставил без внимания и сведения о народностях, сообщаемые Р. Эркертoм в шапке к каждой карте. Но М. Коялович не стал напрямую их критиковать в силу ограниченности указанной здесь информации, а решил изложить собственные представления в кратком обзоре, начав с «польского племени».

Поляки проникли в «Западную Россию» через «исторические ворота» — область, расположенную между городами Гродно и Дрогичином, между реками Неманом и Бугом, занятую «частью из действительных поляков, частью из ополячившихся туземцев древней Литвы, при постоянном подкреплении изнутри Польши» [Коялович 1863, с. 12]. Отсюда поляки расселились в двух ключевых направлениях: «на юго-восток к Черному морю через Во-

лынь и Подолию; на северо-восток через Вильно к Двине, далее вверх по Двине к Днепру и несколько спускается вниз по Днепру» [Коялович 1863, с. 14]. Расселение на юг было вызвано набегами крымских татар, «казацкими смутами» и «стремлением занять благодатную малороссийскую почку, которую сами польские писатели называют текущею млеком и медом» [Коялович 1863, с. 14]. Второе — военными столкновениями с Московским царством и «расселением иезуитов», центры которых появились в Вильно и Полоцке [Коялович 1863, с. 16].

В результате переселений «поляки обеих этих ветвей заняли в Западной России лучшие части земли и держат, т.е. держали, в своих руках цивилизацию страны» [Коялович 1863, с. 16]. Этим объясняется высокое социально-экономическое положение польских помещиков. Как следствие, на любое народное волнение, в том числе и восстание 1863–1864 годов, М. Коялович предлагал смотреть как на естественное «желание отделаться от поляков и завладеть их землею» [Коялович 1863, с. 16]. Схожих взглядов в советское время придерживался И. Лочмель, сотрудник Института истории АН БССР, занимавшийся изучением национально-освободительной борьбы белорусского народа и развивавший концепцию «крестьянского восстания» во главе с Константином Калиновским против польских помещиков [Лочмель 1940, с. 79–80]. Но ни концепция М. Кояловича, которую он пытался развивать в ряде публицистических статей, выходивших во время восстания, ни концепция И. Лочмеля не получили поддержки.

В привязке к полякам М. Коялович рассматривал и еврейское население, воспринимаемое как «компромисс, сделка, посредничество между шляхетством и хлопством» [Коялович 1863, с. 18]. Положение евреев основывается на резко отличных их «народных и религиозных началах» [Коялович 1863, с. 18]. Но вследствие отмены крепостного права, произошедшего в феврале 1861 года, утратило основу существование как «шляхетства» и «хлопства», так и то положение, которое занимали евреи [Коялович 1863, с. 19]. В данном тезисе выказан довольно радикальный взгляд, который созвучен с известным высказыванием К. Калиновского «У нас нет дворян; все равные!» [Мосолов 1883, с. 608].

По убеждению М. Кояловича, «польское и жидовское население» разделило коренных жителей «Западной России» на три группы, компактно сосредоточенные в трех губерниях: литовцев — в Ковенской, белорусов — в Минской, украинцев — в Киевской [Коялович 1863, с. 20].

Литовцы, проживающие в Ковенской и частично в Виленской и Гродненской губерниях, где сохранились небольшие их группы, существуют с осознанием «исторической сдавленности соседними племенами — белорусским, польским, немецким», что приводит «к взрыву сохраняющейся еще народной энергии...» [Коялович 1863, с. 21]. М. Коялович поставил вопрос о самом дальнейшем существовании литовцев, зажатых между более мощными и многочисленными соседями, среди которых в наилучшем свете предстают белорусы. Это проявляется в использовании для «межплеменных сношений» белорусского языка,

названное историком «единственным обнаружением естественной пропаганды белорусского элемента» [Коялович 1863, с. 23].

Историк задается вопросом о «Белорусской стороне и историческою судьбой населяющем ее народе» [Коялович 1863, с. 23]. Под Беларусь («Белоруссией») историк понимает не только Витебскую и Могилевскую губернии, а «всю ту страну, где народ говорит по-белорусски, т.е. и часть Виленской и большую часть Гродненской губернии» [Коялович 1863, с. 23]. М. Коялович демонстрирует ключевое отличие от Р. Эркерта, поддерживая в данном случае в качестве основного критерия разделения народностей «Западной России» язык, а не вероисповедание.

Историк воспринимает белорусов как потомков древних кривичей и дреговичей, чей жизненный уклад почти не изменился со времен летописца Нестора: «Даже выделкой лыка он занимается там со всею верностью старине» [Коялович 1863, с. 26]. Белорусы занимают неблагоприятную почву, где «на десятки верст не видно твердой сухой почвы, — всё болото и болото» [Коялович 1863, с. 24]. Оттого они несут на себе «печать вялости, бессилия, изнеможения» [Коялович 1863, с. 25]. Они «слабые физически, но высокая моральная сила» [Коялович 1863, с. 27].

М. Коялович исходил из популярного во второй половине XIX века географического детерминизма, согласно которому географическое положение и условия существования того или иного народа определяют менталитет и специфи-

ку исторического пути развития, в том числе и белорусов: «На такой почве, в таком положении, само собой разумеется, не легко могла вырабатываться любовь к родному и энергические ее выражения. Легче могло развиваться напротив желание пересоздаться в кого угодно — в великоруса или поляка, лишь бы как-нибудь выйти из тяжелого положения. — Этой изменчивости своему родному элементу много способствует самое наречие белорусское, которое, при неоспоримо-русском строе, представляет собою, однако, поразительную середину между русским и польским языком» [Коялович 1863, с. 25].

В «пересоздании» белорусов в настоящих русских М. Коялович видел одно из важнейших направлений деятельности общественных сил в «Западной России». Сложность данного процесса заключалась в утрате «благородного сословия», которое ополчилось через усвоенное из Польши шляхетство и, как результат, оторвалось от народа [Коялович 1863, с. 27].

Историк связывал судьбы белорусского народа с украинским, отмечая, что с XVII в. «ослабевшая в борьбе с поляками Белоруссия решила вверить эту борьбу казакам» [Коялович 1863, с. 29]. Но ошибкой украинских казаков называлась их «мечта о военной республике», от которой «вышло много бед для всей Западной России» [Коялович 1863, с. 30]. Так, в понимании М. Кояловича, ключевое значение в «Западной России» приобрело «малороссийское племя», «богатое необыкновенными силами своей натуры», которое «заняло самую богатую во всей Западной России почву» [Коялович 1863, с. 28].

Исследователь сравнивает качества почвы разных частей «Западной России», из чего выводит, что «жителю Белоруссии необходимо сознать все ничтожество своей земли и своих сил» [Коялович 1863, с. 29]. Украинец здесь выступает как «обидно-спокойный, рослый и широкоплечий малоросс» [Коялович 1863, с. 29].

Историк замечает новое веяние времени: «В Малороссии уже есть группа самородных духовных сил» [Коялович 1863, с. 31], что должно послужить примером и для Беларуси, в которой есть «умиротворяющие начала» [Коялович 1863, с. 32]. Поэтому М. Коялович возлагал на Беларусь большую надежду в содействии «сближению Малороссийского элемента с Великорусским, а может быть сближению с ним и с собою и польского элемента» [Коялович 1863, с. 32]. Он призывал к широким этнографическим исследованиям, которые должны разрушить устоявшиеся ошибочные представления о Беларуси [Коялович 1863, с. 35–36]. Однако при их проведении следовало учитывать «исторические и современные условия Западной России» [Коялович 1863, с. 4]. В атласе Р. Эркerta историк, очевидно, этого не наблюдал.

Призыв М. Кояловича был услышан, и уже 26 мая 1863 года Государственный совет Российской империи принял решение выделить единовременно 5 тысяч рублей «на издание документов и исследования об отношении Западного края к России и Польше» [Протоколы... 1892, с. 350].

В первую очередь планировалось издание сборника документов, «объясняющих ближайшее сродство с Россией

населения Западного края как по его происхождению, так по языку и вероисповеданию (православному), которое выражалось в самых ярких фактах в течение всей истории отношений Литвы к Польше», с «отражением этнографических и исторических сведений, относящихся до населения этого края от древнейшего до настоящего времени» [Протоколы... 1892, с. 351].

Подготовка была поручена М. Кояловичу, которому на эти цели выделялось 1500 рублей в год, т.е. «выдавать ему ежемесячно по 125-ти руб., и сверх того сколько потребуется на переписку и перевод актов на русский язык...» [Протоколы... 1892, с. 351].

7 декабря 1863 года историк представил в Археографической комиссии исследование «об отношениях России и Польши к западным губерниям, которое должно быть предпослано сборнику материалов, объясняющих эти отношения» [Протоколы... 1892, с. 368]. Члены Археографической комиссии предложили подготовить в качестве приложения к сборнику этнографическую карту западных губерний «для более же точного указания границ народностей русской, литовской и польской» [Протоколы... 1892, с. 368]. К ее составлению планировали пригласить Р. Эркерта и А. Риттиха. Дополнительно к сборнику должна была прилагаться карта польских воеводств, изданная И. Лелевеллем.

Однако если А. Риттих успешно начал работу над новой картой, то сотрудничеству М. Кояловича и Р. Эркерта помешала завязавшаяся между ними дискуссия.

Ответ Р. Эркерта

Критика М. Кояловича, а также пристальное внимание не столько за границей, сколько в самой Российской империи, подстегнули перевод атласа Р. Эркерта на русский язык [Эркерт 1863]. Картограф учел высказанные замечания и внес ряд изменений, несколько уменьшив количество «польских» пятен на пространстве, занятом белорусами, из которого изъяс Пружанский уезд, включив его в ареал проживания украинцев [Эркерт 1863, Т. I]. В январе 1864 года атлас был переиздан как приложение к брошюре, в которой картограф изложил собственные взгляды на историю и этнографию так называемой «Западной России». Новое издание было приурочено к годовщине начала восстания 1863–1864 годов.

События, происходившие в западных губерниях, официально трактовались как «польский мятеж», судьба которого к этому времени была решена. Возникла необходимость в идеологическом обосновании продолжающихся репрессий «с целью окончательного нравственного и политического слияния Северо-Западного края с Россией» [Мураўёў 2016, с. 147]. Как следствие — изменение названия «Этнографического атласа» с акцентом на безоговорочную принадлежность территорий современных Беларуси, Литвы и Украины к Российской империи.

Раскритикованное М. Кояловичем понятие «польские провинции», использованное в первом издании, Р. Эркерт объяснял следствием тех политических и социальных влияний, которые «полонизм столь долго и сильно оказывал на всех жителей западного края» [Эркерт 1864, с. 58].

Данный тезис, запрятанный глубоко внутри текста брошюры, представал не столько аргументированным доводом, сколько оправданием вынужденно признанной ошибки. Однако даже в подобном виде он терялся за утверждениями о праве Р. Эркerta «судить об этом предмете гораздо спокойнее, беспристрастнее, а следовательно относительно и правильнее» [Эркерт 1864, с. 5].

В качестве обоснования для столь громкого заявления Р. Эркерт указывал на следующее: во-первых, большой опыт этнографических исследований «соприкосновения польской народности с немецкою в восточных провинциях Пруссии (знакомого нам уже с давнего времени) и с русскою народностью в западных губерниях России» [Эркерт 1864, с. 4]. Во-вторых, большую выборку за счет использования в качестве источников не только исследований других ученых, но и сведений, полученных от респондентов — «от расположенных там на жительстве офицеров и посредством расспросов нескольких сотен солдат, уроженцев тех местностей» [Эркерт 1864, с. 4]. В-третьих, знакомство во время военной службы с различными социальными слоями исследуемого населения: «с помещиками, шляхтой и крестьянами, с духовенством различных исповеданий и с чиновным классом» [Эркерт 1864, с. 5]. В-четвертых, Р. Эркерт, делая упор на немецкое происхождение и протестантское вероисповедание, указывал на личную нейтральность: «Мы, по рождению, не принадлежим ни к польской, ни к русской народности, ни к католическому, ни к православному вероисповеданию, а во-вторых и потому, что ни служебные, ни социальные

или материальные интересы не влекут нас к западным губерниям» [Эркерт 1864, с. 5].

Отсюда следовало объяснение критики в свой адрес «неправильно понятым патриотизмом», который вызывает к чувствам, а не логике и строгости научных наблюдений. В дополнение составитель атласа отмечал, что его издание является «с русской стороны первой попыткой» отразить этнический состав западных губерний Российской империи [Эркерт 1864, с. 1].

Актуальность данной работы определялась восстанием 1863–1864 годов. По убеждению Р. Эркерта, оно должно было привести «к скорейшей гибели польской нации» [Эркерт 1864, с. 50] и повлиять на осознание правительством необходимости «о возвращении в среду русской семьи нескольких миллионов весьма отчужденной братии, доведенной до жалкого состояния» [Эркерт 1864, с. 4]. Конечным итогом данного процесса Р. Эркерт, солидаризируясь с виленским генерал-губернатором М. Муравьевым, видел «совершенное соединение их в национальном отношении» [Эркерт 1864, с. 53].

Главный вывод, сделанный ученым при составлении атласа, заключался в следующем: «Ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющей русскую народность от польской, так отчетливо и правильно, как различие вероисповеданий» [Эркерт 1864, с. 6]. Т.е. всех католиков следовало причислять к полякам, а всех православных — к русским. Несмотря на столь категоричное утверждение, Р. Эркерт допускал, что в случае Беларуси данный тезис в частных случаях не столь однозначен:

«Этот способ воззрения не во всех случаях и не абсолютно правилен (для Волынской, Подольской и Киевской губерний он правильнее, нежели для Белорусских губерний); но, говоря относительно, он чрезвычайно верен» [Эркерт 1864, с. 6].

При объяснении представленных в «Этнографическом атласе» по западным губерниям завышенных цифр в отношении поляков, которая вследствие вкравшейся опечатки оказалась еще меньшей и «вместо 1 220 000 следует читать 1 270 000» [Эркерт 1864, с. 57], Р. Эркерт стремился оправдаться недостатком материала по данному предмету и, как следствие, «мы могли сообщить только приблизительные цифры» [Эркерт 1864, с. 9]. Попытка объяснения получилась нелепой: «Мы только не знаем на сколько наша цифра не согласна с действительностью; иначе мы, конечно, не сделали бы этой ошибки» [Эркерт 1864, с. 11].

Неудачность расчетов Р. Эркerta стала очевидной не столько из-за критики М. Кояловича, сколько благодаря вышедшему в конце 1863 года и переизданному в 1864 году «Атласу народонаселения западно-русского края по исповеданиям», составленному Александром Риттихом [Риттих 1864]. Поэтому Р. Эркерт не преминул в начале брошюры указать на ряд, по его мнению, ошибок, которые присутствовали в новом атласе, также использовавшем в качестве критерия «различия вероисповеданий»: 1) непропорционально меньшее пространство, «занимаемое католиками и евреями, в особенности в Гродненской губернии» [Эркерт 1864, с. 2]; 2) учет военных, распо-

ложенных в западных губерниях; 3) подсчет жителей по приходам, а не по территориально-административному принципу, что затрудняет проверку полученных результатов. Но главное, что А. Риттих не отождествлял «вероисповедание» и «племена», показав наличие представителей различных конфессий среди народов, населяющих западные губернии Российской империи [Эркерт 1864, с. 6]. При подобном отражении результатов, собранных при Министерстве внутренних дел сведений, обосновывалось использование в научном обороте термина «католический белорус», против чего Р. Эркерт выступал категорически. Он пояснял, что на самом деле «католические белорусы» — это те, «которых мы более или менее считаем поляками» [Эркерт 1864, с. 66]: в одежде и «по своему образу мыслей, привычкам и роду жизни они совершенные поляки» [Эркерт 1864, с. 65]. Данное положение не влияло на использование преобладающим большинством населения белорусского языка.

Язык как критерий для определения народности Р. Эркерт считал нецелесообразным: «Исследование языка может только решить вопрос о языке и его разграничении» [Эркерт 1864, с. 11]. И это несмотря на то, что в самом атласе «язык», пусть и уступая «вероисповеданию», назван в числе ключевых отличительных черт между народностями [d'Erkert 1863, Pl. III], [Эркерт 1864, Т. I]. В подтверждение ученый заявлял: 1) разделение по языковому признаку не может быть применено в отношении языка жителей Виленской и Гродненской губерний, прилегающих непосредственно к Польше. Язык данного населе-

ния ученый называл «испорченным польско-русским или русско-польским»; 2) Указанная П. Бобровским цифра в 83 800 поляков в Гродненской губернии была получена как результат расчетов, произведенных в 1848 году. Р. Эркерт называл свои цифры более актуальными и ссылался на данные, опубликованные статистическим комитетом Министерства внутренних дел, почерпнутые из отчетов Духовного ведомства, собранные в 1858 году [Эркерт 1864, Т. I]. Однако картограф не объяснил, каким образом по сравнению с картой 1862 года, учитывая использование одних и тех же источников, рост «поляков» в Гродненской губернии составил 45 тысяч.

Говоря об истории «западной России», Р. Эркерт утверждал, что уже в период с 1054 до 1240 «начинается своеобразное отдельное развитие великорусов, малоруссов и белорусов в политическом и национальном отношении» [Эркерт 1864, с. 18]. Последующее «господство литовцев» ученый оценивает положительно, говоря о нем как о времени освобождения от монголов юго-западной Руси [Эркерт 1864, с. 21] и ведения документооборота на русском языке, прежде всего на «белорусском наречии» [Эркерт 1864, с. 24]. Истоки полонизации «Литовской Руси» Р. Эркерт связывает с личностью Витовта, в результате чего произошло «более близкое национальное соприкосновение» Беларуси (в данном случае Р. Эркерт указывает на тождество «Литва, т.е. Белоруссия») с Польшей, в отличие от Украины. Факторами, оказавшими влияние на тесные контакты белорусов и поляков, ученый называет «нравственно и физически более слабое население» и польско-русские

войны [Эркерт 1864, с. 34]. В ходе данных конфликтов на территории Беларуси начали появляться «красные пятна», представлявшие собою «польский элемент, проникший сюда вследствие переселений из Польши и ополячения туземцев» [Эркерт 1864, с. 55].

Поляки позиционируются как иные, которые «покоряли другие народы, завоевывали земли, угнетали последователей других религий, но не достигли искусства владеть собою, не давали восторжествовать правосудию, не умели уважать нравы и держаться в пределах разумной умеренности» [Эркерт 1864, с. 48].

Р. Эркерт сравнивал русский и польский народы с использованием библейской аналогии, называя их Авелем и Каином [Эркерт 1864, с. 62]. В таком представлении не имелось возможности для какого-либо примирения, поэтому единственным способом разрешения противостояния ученый называл исчезновение поляков как народности: «Поляки могут при этом остаться славянами, но не поляками» [Эркерт 1864, с. 62]. К «чувствительным ударам» в данном направлении Р. Эркерт относил действия властей Российской империи по переселению помещиков из городов, уничтожению религиозной унии и реорганизацию Виленского учебного округа [Эркерт 1864, с. 58].

Говоря о положении различных народностей в западных губерниях Российской империи, Р. Эркерт указывал на превосходство польского элемента и его пренебрежении к белорусам: «Если жители русской народности в западных губерниях превосходят поляков в численности, то

последние на столько же превосходят русских в моральном отношении» [*Эркерт 1864*, с. 58]. Таким образом, противопоставление между «русскими» и «поляками» выступало у Р. Эркerta не только в национально-религиозном срезе, но и в социальном, где шляхта представлялась не иначе как «единственное, более значительное, национально-общественное учреждение, самостоятельно созданное полонизмом» вследствие немецкого и мадьярского влияния [*Эркерт 1864*, с. 61]. Ситуация начала меняться лишь благодаря «живительному дуновению воздуха из Великой России», коим были названы постой в крае войск [*Эркерт 1864*, с. 60].

Преобладающим населением «Западной России», согласно Р. Эркерт, являются «русские». Из них «великорусы» составляли лишь 200 тысяч человек. Основная же масса — это белорусы и украинцы («малороссы»), которых в «географическом и национальном отношении разделяет болотистая область Припяти» [*Эркерт 1864*, с. 63].

Несмотря на оговоренное влияние полонизации, Р. Эркерт считает белорусов ближе к «великорусам», чем тех же украинцев, представляя их «одной из трех больших национальных отделов русской народности вообще, а белорусский язык — одно из трех главных наречий русского языка» [*Эркерт 1864*, с. 63]. Однако Р. Эркерт, критикуя М. Кояловича как «ученого белоруса», заявлял о невозможности представлений о белорусском языке как «середине между русским и польским языком». Продолжая данный мыслительный ряд, он указывал на искушение в та-

ком случае представить «великорусский язык каким-то средним наречием между белорусским и малорусским» [Эркерт 1864, с. 64], что не столько шло вразрез с имперской идеологией, сколько свидетельством представлений о месте других «русских» народов в общей схеме. Главным доводом единства для Р. Эркerta выступал «грамматический строй» языка. Отсутствующие же в великорусском языке слова ученый объяснял заимствованием из польского, которые со временем стали «коренным достоянием своего языка», т.е. белорусского [Эркерт 1864, с. 63].

Говоря о белорусах, Р. Эркерт выделял среди них три «национальные группы»:

1) «настоящие белорусы», коими являлись жители Беларуси как исторического региона, расположенного согласно ученому на территории Витебской, Могилевской и восточной части Минской губерний: «Настоящие белорусы находятся на очень низкой степени образования; жители Могилевской губернии очень бедны, малого роста и слабого сложения; их язык, одежда и нравы подверглись польскому влиянию меньше, нежели в большей части уездов Витебской губернии, которая по своему географическому положению, была долго театром войн между поляками и враждебными им соседями на севере» [Эркерт 1864, с. 65–66]. В данных формулировках Р. Эркерт кратко передает содержание собственного очерка, составленного для альбома Г.-Т. Паули [Pauly 1862];

2) «западные белорусы», живущие в Гродненской губернии, которые «по большей части не дают себе никакого национального названия, а язык свой называют «простым».

Русские и поляки обозначают их словами «из униатов». Также в их отношении используется «название Черноруссов (по черным овцам, из шерсти которых они делают себе одежду); но сами они не называют себя этим именем» [Эркерт 1864, с. 65–66];

3) «подляшане», как наиболее ополяченная часть белорусов, живущих на Подляшье (в особенности в Сокольском уезде) и части Августовской губернии Царства Польского.

Излагая свое видение развития «западной России», Р. Эркерт вынужден был отметить и ряд недостатков, выпадающих из отстаиваемой им концепции. Среди них ученый назвал следующие: 1) «много совершенно-русских католиков, в южных частях Белоруссии, причислены к русским, а напротив, совершенно польские православные, в особенности в городах и в помещичьих усадьбах, приняты за поляков» [Эркерт 1864, с. 57]; 2) Многие «белорусские городские жители», несмотря на православное вероисповедание, «по языку и образу мыслей совершенные поляки» [Эркерт 1864, с. 66]; 3) Использование польского языка в семьях православных священнослужителей Литовской епархии, а также наличие «католического обычая читать в церкви молитвы из польских молитвенников» [Эркерт 1864, с. 66].

Наиболее существенным недостатком предложенной Р. Эркертом концепции выступало его отношение к бывшим униатам: «...если предположить, что значительное большинство униатов, обратившихся опять в 1839 году в православие, находилось к польской народности ближе,

нежели к русской, то число поляков увеличилось бы на несколько миллионов».

Таким образом, Р. Эркерт в целом говорил о «переходном» национальном положении большинства белорусов, которое «вообще не поддается отчетливой характеристике» [*Эркерт 1864*, с. 54], тем самым создавая благоприятные условия для их включения в состав более могущественных народностей.

Однако в трудах Р. Эркerta было не только стремление «наглядно опровергнуть в общественном мнении Западной Европы польские притязания на западные губернии» и «подогреть антипольские настроения в российском обществе и правящей элите и тем самым не дать пойти на спад кампании деполонизации этого края» [*Долбилов 2010*, с. 191]. Это еще и свидетельство попустительства российскими властями в западных губерниях полонизации, которая, согласно ученому, после исчезновения Речи Посполитой только усилилась [*Эркерт 1864*, с. 51]. Но П. Бобровский и М. Коялович увидели в «Этнографическом атласе» и ответе Р. Эркerta совершенно иное.

Отзыв П. Бобровского

«Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» первым разобрал уроженец Гродненской губернии, подполковник царской армии П. Бобровский, являвшийся составителем одного из лучших сборов материалов по губерниям Российской империи [*Бобровский 1863*].

Его имя не единожды упоминается в брошюре Р. Эркerta. 21 марта 1864 года в газете «Русский инвалид»

появился материал, позже изданный отдельно, в название которого офицер Генерального штаба вынес основное, по его мнению, проблемное поле «Этнографического атласа»: «Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России» [Бобровский 1864].

Из-за восстания 1863–1864 годов П. Бобровский считал труд Р. Эркерта своевременным, отметил его доступность в силу низкой цены (2 рубля серебром), а также согласился с мнением картографа на историю региона. Однако представления о народностях западных губерний Российской империи П. Бобровский назвал ошибочными, обратив внимание на неправильные цифры и неточное размежевание между поляками, белорусами и украинцами.

Критикуя использование для «разграничения славян западной России» критерий вероисповедания, подполковник Генерального штаба указывал на нарушение в данном случае научного подхода к исследованию. По мнению П. Бобровского, этнические общности отличаются прежде всего традиционной культурой и языком, выступающим ключевым критерием для определения ареала проживания народов: «...язык есть как бы родовой герб, завещанный человеку его предками, народу — его коренным племенем; это зеркало, в котором всего ощутительнее выражается нравственный характер и даже вся история народа, язык живет с народом, вместе с ним развивается и умирает» [Бобровский 1864, с. 13]. П. Бобровский обратил внимание, что, несмотря на де-

кларлируемое неприятие языкового фактора, Р. Эркерт не избежал его применения для размежевания белорусов и украинцев, литовцев и латышей, тем самым нарушив ключевой тезис собственной концепции.

Для демонстрации сомнительности количественных показателей «Этнографического атласа» П. Бобровский обратился к атласу А. Риттиха, поскольку тот вместе с Р. Эркертом пользовался «более или менее однородными источниками» [Бобровский 1864, с. 8]. Как и в случае сравнения с материалами, собранными офицерами Генерального штаба, главная проблема в данном случае также заключалась в численности поляков на территории Беларуси: 791 тыс. (или 18,14%) против 383 452 (либо 8,6%) [Бобровский 1864, с. 8]. Попытка объяснить столь значительную разбежку за счет находящейся на постое в западных губерниях русской армии не выдерживала никакой критики, так как на 1858 год они вместе с семьями «не превосходили 150 000» [Бобровский 1864, с. 9]. С учетом обозначенного в атласе А. Риттиха количества белорусов и украинцев католического вероисповедания, цифра возросла до 623 тыс. Т.е. она всё равно являлась почти на 170 тыс. меньше, чем в «Этнографическом атласе»: «Стало быть, г. Эркерт принимает за поляков и весьма значительную долю белорусов и малороссов, исповедующих даже православную веру» [Бобровский 1864, с. 10]. Таким образом, П. Бобровский демонстрировал не только существенную ошибку в подсчетах, но и указывал на очередное противоречие в концепции Р. Эркерта.

Проверить цепочку математических построений картографа не представлялось возможным, поскольку он не указал источники для подобного анализа: «Если автор решился доказывать неточность нашей цифры, то этой неточности следовало бы противопоставить свои точнейшие числовые данные; не ограничиваясь общим выводом, ему, по нашему мнению, следовало исчислить по каждому уезду поляков, чтобы, по крайней мере, было видно, что он «не всех католиков считает поляками, а многих православных причислил к полякам» [Бобровский 1864, с. 43]. Данный факт П. Бобровский использовал для обоснования несправедливости критики Р. Эркerta в свой адрес за указание о 83 800 поляков в Гродненской губернии, полученной на основании результатов многолетних исследований священника Григория Парчевского, завершенных в 1848 году [Бобровский 1864, с. 44].

Г. Парчевский составил список населенных пунктов, занятых различными народностями, а также этнографическую карту Гродненской губернии, которая, однако, не была напечатана, «затерянная в виленском цензурном комитете» [Бобровский 1864, с. 31]. Будучи священником Лошанской церкви, находящейся недалеко от Гродно, Г. Парчевский в 1860 году крестил Евфимия Карского, академика, автора трехтомника «Белорусы».

По поводу актуальности количественных показателей труда Р. Эркerta П. Бобровский ответил, что с 1848 года в Гродненской губернии не происходило значительных изменений в составе населения, которое немногим уменьши-

лось в связи с рядом эпидемий, неурожаев и голода в период 1853–1856 годов.

Выступая с критикой «Этнографического атласа», подполковник Генерального штаба охарактеризовал также «положение разнообразных племен западной России» на примере Гродненской губернии с ее сложным взаимодействием различных этнокультурных и этносоциальных факторов.

Поляки предстают «пришлым элементом», составляющим «высший класс населения, незначительную часть мещан и так называемую шляхту», «стихия, бывшая всегда враждебной туземному, т.е. сельскому населению», «они стремятся придать западной России особый колорит и всегда были сильнейшею преградою к сближению родственных соплеменников — белорусов и малороссов с великорусами, т.е. русских с русскими же» [Бобровский 1864, с. 4].

«Ближайшими помощниками в стремлении к господству» поляков П. Бобровский называет евреев, оцениваемых как посредники «между шляхтою-поляками и простым народом, крестьянами-белорусами и малороссами» и обвиненных в пагубном развитии материального благосостояния крестьян и городов [Бобровский 1864, с. 5].

Наиболее развернуто среди основных народностей западных губерний П. Бобровский представил очерк этнографии белорусов, названных «древнейшим типом славянина, правда изувеченного, но твердого и терпеливого в своих страданиях» [Бобровский 1864, с. 47]. В отличие от Р. Эркерта, для П. Бобровского, причислявшего и себя к белорусам, было очевидным их отличие от великороссов

и украинцев в рамках «русского народа»: «Само собою разумеется, что белорусы и великорусы представляют два отдельные типа» [Бобровский 1864, с. 23]. На примере данной народности ученый выделяет ряд моментов, которые ставили под сомнение цифровые данные Р. Эркerta:

1) Ложное утверждение о большом количестве поляков среди крестьян Гродненской губернии. П. Бобровский обосновывал почти полное отсутствие таковых, «кроме незначительной западной полосы бывшей Белостокской области, где между сплошными польскими околицами шляхты встречаются сплошные места, населенные мазурами; в прочих же частях губернии, кроме нескольких околиц шляхты, не встречается крестьян поляков» [Бобровский 1864, с. 19];

2) Неправильное указание о преобладании в городах западных губерний польского населения. П. Бобровский отмечал, что это справедливо лишь для Белостока и Соколки. В остальных случаях, о чем писал и М. Коялович, ситуация выглядела совершенно иначе, в том числе в отношении мещан католического вероисповедания: «Но многие мещане-католики говорят по-белорусски или малорусски, собственно же поляков, т.е. выходцев из Польши, весьма мало» [Бобровский 1864, с. 39];

3) Несоответствующее действительности тождество между «католические белорусы» и «поляки», ошибочно преподносимое как очевидное для местного населения. П. Бобровский отмечает, что помещики и представители католической церкви используют в их отношении название «литовцы» и обосновывает это политической тра-

дицией бывшего Великого княжества Литовского: «Ни один ксендз прихожан своих, говорящих по-белорусски, не назвал поляками, а назвал их литовцами, и это он сделал потому, что это белорусы когда-то входили в число народностей литовского государства. Мы видим тут не политическую ошибку, как думает г. Эркерт, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку» [Бобровский 1864, с. 25]. В качестве примера П. Бобровский отмечает: «Так решать этнографический вопрос не только невозможно, но противостоит, и мы думаем, что француз лютеранин немало бы удивился, если бы этнограф назвал его немцем» [Бобровский 1864, с. 26].

4) Шляхта на территории Беларуси «не может быть причислена к польскому племени», потому что в большинстве своем это не поляки, а «окатоличенные белорусские фамилии» [Бобровский 1864, с. 40].

5) Белорусы являются преобладающим населением в Виленском военном округе, в том числе на Подлясье, где в Белостокском, Бельском и Сокольском уездах они «вдвое многочисленнее поляков» [Бобровский 1864, с. 29]. В «Этнографическом атласе» данный регион отнесен к польской народности.

Однако наиболее существенными являлись замечания П. Бобровского относительно несостоятельности концепции Р. Эркерта из-за критерия вероисповедания для обособления народов. Составитель материалов по географии и статистике Гродненской губернии указывает на «безразличие в глазах белорусов» к вопросам религии, связанное с введением унии и затем «легкость

возвращения униатов в православие», а также бессознательное исполнение христианских обрядов. Согласно П. Бобровскому, отличает белорусов от соседних народов и сохранение в повседневной жизни дохристианских элементов («глубокие верования в некоторые естественные явления, как в нечто необыкновенное, предубеждения, вера в колдовство и чародейство»), воплощенных в языке и мировоззрении: «...я говорю о большинстве — о крестьянах, будь он православный или католик, имеет свои убеждения, свою нравственную философию и передает все это вместе с языком своим детям и внукам. Это суеверие, упругое, неподатливое для просветительных начал церкви, перенося белоруса в особый мир чар и злых духов, сопутствует ему от колыбели до могилы и всегда неразлучно с его языком; в этом-то и надобно искать племенного разграничения здешних славян, тут выяснится племенное отличие белорусов и происхождение их от одного корня с великоруссами» [Бобровский 1864, с. 16].

Кроме того, П. Бобровский «поставил под сомнение обязательную необходимость наличия единого и общепризнанного этнического самосознания для этнической идентификации. Иными словами: можно не называться белорусом, однако быть им по сущности...» [Литвинский 1998, с. 311]. В целом П. Бобровский обосновывал, что «...в общественном отношении между католиком и православным белорусом нет никакой разницы, как нет никакой разницы в их языке, образе мыслей, нравах и обычаях» [Бобровский 1864, с. 46].

Несмотря на довольно лестные оценки в адрес «Этнографического атласа», в отношении взглядов Р. Эркерта П. Бобровский выказался не столь приятно. Они были охарактеризованы как «противоестественные выводы, робкие и неубедительные доводы, неудачные доказательства и крупные противоречия, прикрытые самонадеянностью безапелляционного приговора» [Бобровский 1864, с. 50]. Беларусь в них представляла созданной «под впечатлением, вынесенным из палацов и костелов, встречавшихся по маршруту» [Бобровский 1864, с. 48]. Но еще более сильный удар по труду Р. Эркерта был нанесен М. Кояловичем.

Ответ М. Кояловича на критику Р. Эркерта

Р. Эркерт в своей брошюре ни разу не назвал фамилии основного критика «Этнографического атласа», лишь единожды упомянув его как «ученого белоруса». М. Коялович был раздосадован подобным развитием дискуссии и в августе 1864 года подготовил свой ответ: «Жаль, что г. Эркерт бросает камни из-за угла и не говорит в кого бросает. По нашему крайнему разумению, так делать не следовало бы» [Коялович 1864, с. 37].

Р. Эркерт не только позволил себе перейти на личности, но и фактически обвинил М. Кояловича в субъективизме. Конечно, картограф не осознавал, что тем самым, возможно, поспособствует выработке историком собственной историософской концепции («славянофильский субъективизм»), спустя 20 лет отраженной в первом опыте историографии русской исторической науки [Коялович 1884].

Работы, подобные созданной Р. Эркертом, привели М. Кояловича в конечном счете к выводу, ставшему крылатым изречением: «Не доверяйте обманчивой объективности; в истории ее меньше всего; в истории почти все субъективно» [*Коялович 1893*, с. 574].

Как следствие, историк не стал смягчать используемые в ответе формулировки, обвинив составителя «Этнографического атласа» в голословности [*Коялович 1864*, с. 38], введении читателя в заблуждение [*Коялович 1864*, с. 6] и «что под этою видимою ученостью, спокойствием и гуманностью скрывается грубый и беспощадный удар общественным силам и делам русским в западной России» [*Коялович 1864*, с. 42].

Первопричиной столь пристального внимания к труду Р. Эркерта сам М. Коялович называл его популярный характер. Как следствие — он «будет сбивать с толку простых людей» и распространять неправильное представление о западных губерниях Российской империи, поскольку «фальшиво дает преобладание полякам», которые не преминут этим воспользоваться [*Коялович 1864*, с. 9].

Новое название «Этнографического атласа» М. Коялович охарактеризовал как «никуда не годится» [*Коялович 1864*, с. 8], объясняя данное мнение следующим: 1) Р. Эркерт поставил «западную Россию все вместе и в параллель только с Польшей», а не «между восточной Россией и Польшей, или одну» [*Коялович 1864*, с. 9]; 2) показ Царства Польского, а также части Пруссии и Австро-Венгрии, населенных преимущественно поляками, вместо отражения

ареала со значительным числом или преобладающим количеством белорусов и украинцев в Псковской, Смоленской, Черниговской и Полтавской губерниях; 3) размещение на карте не имеющих никакого отношения к «западной России» Силезии, а также «чисто немецкое пространство между Данцигом и Кенигсбергом», где нет «ни одного польского пятнышка, а западно-русского подавно» [Коялович 1864, с. 23–24].

Р. Эркерт не только не отвечает на важнейший, по мнению М. Кояловича, вопрос «что же такое западная Россия?», но и маскирует действительные мотивы исследования. Согласно данным «Этнографического атласа» в регионе проживало 8 900 000 «поляков», 8 841 000 «русских», 5 660 000 немцев: «Тут нам невольно вспомнилось: поляки в западной России — самый влиятельный национальный элемент, русские — это простой необразованный народ; немцы, конечно, очень образованы. Следовательно, борьба может идти собственно между немцами и поляками» [Коялович 1864, с. 24]. М. Коялович увидел в этом скрытую программу Р. Эркерта для обоснования возможной поддержки колонизации остзейских немцев как «прямых и непрямых агентов правительства» (в качестве учителей, чиновников и потенциальных покупателей конфискованных имений участников восстания 1863–1864 годов) из «курляндского уголка» в западные губернии [Коялович 1864, с. 40].

Р. Эркерт позиционировал свое происхождение и профессиональную принадлежность как свидетельство личной незаинтересованности в результатах исследования, но

М. Коялович указал на обратное и обернул это в явный и непреодолимый недостаток: «Как человек не русский, очевидно мало знакомый и с русской, и с польскою, а тем менее с западно-русскою жизнью, он не обратил при этом внимания на некоторые очень и очень важные ограничения, исключения из этого общего явления» [Коялович 1864, с. 18–19].

Ключевые ошибки Р. Эркerta историк представил, исходя из данных этнографической науки, включая несостоятельность стремления назвать «страну не «по имени массы простого народа», а «по имени верхних слоев» [Коялович 1864, с. 11]. М. Коялович указал на иллюзорность изображения 2/3 территории «западной России» как занятой белорусами, украинцами, литовцами и латышами: «Окажется, что вас утешили леса, пески, болота, словом, пустые места, а населенность не на вашей стороне, а на польской» [Коялович 1864, с. 4–5].

На ряде примеров М. Коялович продолжил мысли П. Бобровского и продемонстрировал, сколь поверхностно выглядели подсчеты Р. Эркerta, в том числе в «нахождении» поляков среди крестьян западных губерний России. Картограф не понимал, или не желал понять, что «простые шляхтичи, большею частью, ничем не отличающиеся от крестьян и значительное число мещан... не знают польского языка, не принадлежат к польской вере и живут не по-польски» [Коялович 1864, с. 15].

В данном ответе М. Коялович фактически солидаризируется с П. Бобровским в несостоятельности религиозного признака в трактовке его Р. Эркертотом для размежевания

народностей в западных губерниях Российской империи. В подтверждение тому М. Коялович указывает на восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов: «Если бы цифры Эркерта были справедливы, то «в таком случае никакое русское могущество и никакое польское безрассудство не могли бы предотвратить отпадения западной России от восточной и присоединения к проектированному польскому королевству. Оба эти восстания потому и были и потому кончились неудачно, что западно-русские паны действительно сделались поляками или рабами поляков, а народ и в рабстве, и в латинстве, с прибавкой унии, не сделался польским народом» [*Коялович 1864*, с. 22].

Подводя итог собственной десятилетней научной деятельности, М. Коялович назвал его временем неудачного поиска «теории примирения» между польским и русским народами: «На пространстве западной России обе нации — русская и польская — с первого момента своего столкновения спорят о политическом, религиозном и социальном господстве под знаменем народного элемента. Какое тут возможно примирение. Нужно, чтобы теория одной стороны пала, — тогда будет примирение. Пасть должна польская теория. Поляк должен потерять политическое, религиозное, социальное значение, как польское, тогда каждый поляк западной России получит личное частное значение и будет способен протянуть каждому русскому руку и получить руку от каждого русского» [*Коялович 1864*, с. 28].

Наиболее важной в этом процессе является активность «самобытных, независимых деятелей». Только в таком

случае, считал историк, можно избавиться от возможных восстаний в будущем. Однако для этого «нужно бросить все нежности, все идиллии, а твердить и проводить в жизнь с утра до вечера, что все польское в западной России, как польское государственное, религиозное и социальное, должно погибнуть, а могут остаться только люди польские, как частные лица. Эта теория может казаться жестокою, неумолимою, варварскою; но на деле она гуманнее всех гуманных возгласов. Она предотвратит все восстания, все резни, которыми так полна западно-русская история» [Коялович 1864, с. 29–30].

Заключение

Общий взгляд на «польский вопрос» у М. Кояловича и Р. Эркерта мог послужить основой для сближения ученых. Но существенные различия в представлениях о составе народонаселения западных губерний Российской империи стали преградой к их сотрудничеству.

В результате развернувшейся в 1863–1864 году публичной научной дискуссии данные Р. Эркерта были оценены как «приблизительные» [Обручев 1871, с. 93]. Ему же самому, до того видному специалисту по «Западной России», пришлось сменить сферу научных интересов, обратив взор на Кавказ, в изучение народов которого он внёс значительный вклад.

От услуг Р. Эркерта отказались при работе над сборником документов, посвященного истории «Западно-Русского края и его отношения к России и Польше», составленного М. Кояловичем и ставшего важным звеном в раз-

витии и популяризации концепции «западноруссизма» [Коялович 1865].

Сборник вышел в 1865 году и сопровождался рядом карт, в том числе этнографической, составленной А. Риттихом [*Carte...* 1865]. Границы ареала проживания белорусов здесь существенно отличаются от представленных в атласе Р. Эркерта. Так, на юге к белорусским отнесены области с центрами в Овруче, Ровно и Ковеле, на западе — значительные территории Августовской и Люблинской губерний Царства Польского, объяснению чего А. Риттих посвятил специальное издание [Риттих 1864].

Благодаря научной дискуссии 1863–1864 годов картографические проекции и воображаемые границы Беларуси как исторического региона, включающего первоначально Витебскую, Могилевскую и часть Минской губернии, существенно расширились на запад, заходя в границы Царства Польского.

Таким образом, при содействии использования «языка как исходного пункта для дальнейших изысканий» [Бобровский 1864, с. 46] географическое понятие Беларусь официально в Российской империи постепенно закреплялось за территорией проживания белорусов как носителей белорусского языка. Это в дальнейшем отразилось на «Этнографической карте Европейской России» 1875 года [Риттих 1875] и сказалось на результатах переписи 1897 года.

Так создавались предпосылки для реализации самостоятельного белорусского проекта нациостроительства: «На

практике в конечном счете побеждают проекты, в наибольшей мере отвечающие имеющимся объективным условиям (пусть даже это не всегда очевидно как для современных наблюдателей, так и для последующих исследователей)» [Василенко 2020, с. 243].

М. Коялович, очевидно, не мог и предположить, что спустя 20 лет после начала его дискуссии с Р.Эркертом, выступая на заседании Славянского благотворительного общества в Петербурге, вместо «польского вопроса» вынужден будет указать на «сепаративные стремления в отношениях между тремя племенами русского народа — великорусским, малорусским, белорусским» [Коялович 2005, с. 79].

Источники и литература

1. *Белазаровіч В.А.* Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік. Гродна, 2 006.
2. *Белазаровіч В.А.* Погляды даследчыкаў Расійскай імперыі на этнаканфесійны склад насельніцтва Беларусі першай паловы XIX ст. // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: навук. Арг.: у 2 ч. Ч. 1. Гродна, 2 009. 385 с. С. 51–58.
3. *Бобровский П.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Часть 1. СПб.: Тип. департамента генерального штаба, 1863. 906 с.; Ч. 1 Приложения. СПб.: Тип. департамента генерального штаба, 1863. 300 с.; Ч. 2. СПб.: Тип. Иосафата Огрызко, 1863. 1098 с.; Ч 2. Приложения. СПб., 1863.

4. *Бобровский П.* Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России: (По поводу Этногр. атл. зап.-рус. губ. и сосед. обл. Р.О. Эркерта). СПб., 1864.
5. *Булгакаў В.* Гісторыя беларускага нацыяналізму. Вільня, 2006.
6. *Василенко В.* Конструктивистская теория формирования наций: интеллектуальная мода или политический проект? // Народы и культуры славянского мира Восточной Европы в исторической ретроспективе (Беларусь, Украина, Россия, Польша). Сборник научных статей / Ред.-сост.: А.Д. Дудько. Гродно, 2020. С. 243–248.
7. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
8. История Беларуси в контексте европейской цивилизации: курс лекций / Г.А. Гусарова [и др.]. Горки, 2018.
9. История белорусской государственности: в 5 т. / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории; [редколлегия: А. А. Коваленя (главный редактор) и др.]. Минск: Белорусская наука, 2018. Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Белорусская наука, 2018. 598 с.; Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII — начало XX в.) / [Н. В. Смехович и др.]; [ответственные редакторы тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова]. 2019; Т. 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.) / В. Г. Мазец, Н. В. Смехович, С. А. Третьяк. 2019.
10. *Карский Е.Ф.* Белоруссы: Введ. к изуч. яз. и нар. словесности. Вильна, 1904.
11. *Корева А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. СПб., 1861.

12. Коялович М.О. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше = Documents servant a eclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. СПб., 1865.
13. Коялович М.О. Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 73–86.
14. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М., 1864.
15. Коялович М.О. О расселении племен Западного края России. М., 1863.
16. Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс, 2011.
17. Литвинский А.В. Проблема этнической принадлежности населения Западной Беларуси в историографии западнорусизма // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. Брэст, 23–24 красавіка 1998 г. У дзвюх частках. Ч. II. Брэст, 1998.
18. Лочмель И.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940.
19. Лысенко Н. М.О. Коялович и Санкт-Петербургская школа церковной историографии Западной России // Христианское чтение. 2002. № 21. С.3–20.
20. Мелешко Е. И., Нечухрин А. Н. Павел Осипович Бобровский: ученый, реформатор, педагог // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 344–376.
21. Мелешко Е. Этнографическое изучение П.О. Бобровским белорусского этноса // Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / склад. Д. У. Караў, В. В. Масценка. (Серыя “Гістарыяграфічныя даследаванні”). Гродна, 2013. С. 294–300.
22. Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863–1865 // Русская старина. 1883. № 12.

23. На шляху станаўлення беларускай нацыі : гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац.акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Беларус. навука, 2011.
24. Мураўёў М. Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту. Прадмова і каментары Аляксандр Фядута. Мінск: Лімарыус, 2016.
25. Насытко Е. Этнические границы белорусов в XIX — начале XX вв. // Деда: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 13. Минск, 2014. С. 201–212.
26. Обручев Н.Н. Военно-статистический сборник: Текст / составлен под общед. редакцией Г. Ш. генерал-майора Н. Н. Обручева, управляющего делами Военно-ученого комитета и профессора военной статистики Россия. СПб., 1871.
27. Олюнина И.В. Полесская экспедиция Юзефа Обрембского (1934–1937 гг.) и традиция изучения белорусского Полесья // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ўн-та імя І.П. Шамякіна, 2006, № 1(14). С. 56–60.
28. Паули Г.-Т. Этнографическое описание народов России / Пер. с франц. М., 2007.
29. Протоколы заседаний Археографической комиссии... Вып. 3: 1850–1868 г. СПб., 1892.
30. Риттих А. Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1864 // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4742-rittih-a-f-atlas-narodonaseleniya-zapadno-russkogo-kрая-po-ispovedaniyam-spb-1864>). Дата доступа: 05.05.2020.
31. Риттих А. Ф. Приложение к материалам, для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская. СПб., 1864.
32. Риттих А.Ф. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1875.

33. *Сувалаў А.М.* Этнастатыстычнае вывучэнне беларусаў у *Веснік Мазырскага дзярж. пед. ўн-та імя І.П. Шамякіна*. 2006. № 1 (14). С. 60–64.
34. *Терешкович П.В.* Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Мн., 2004. 223 с.
35. *Тоць С.* Беларуская ідэнтычнасць у XIX ст. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 2005, № 24. Ss. 62–95.
36. *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн., 1993.
37. *Эркерт Р.О.* Взгляд на историю и этнографию западных губерний России: (с атласом). СПб., 1864.
38. *Эркерт Р.О.* Этнографический Атлас западно-русских губерний и соседних областей [Атлас]. СПб., 1863 // Библиотека Русского географического общества [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/73221>). Дата доступа: 05.05.2020.
39. *Carte Ethnographique de la Russie occidentale et des pays limitrophes en Pologne et en Galicie.* Petersbourg, 1865.
40. *Dufour A.H., Wrotnowski F.* Carte de l'ancienne Pologne: avec les délimitations actuelles. Paris, 1861 // Polona [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://polona.pl/item/carte-de-l-ancienne-pologne-avec-les-delimitations-actuelles,Njg5MDI0MjE/0/#info:metadata>. Дата доступа: 05.05.2020.
41. *Dufour A.H., Wrotnowski F.* Carte de l'ancienne Pologne: avec les délimitations actuelles. Paris, 1863 // Polona [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://polona.pl/item/carte-de-l-ancienne-pologne-avec-les-delimitations-actuelles,MTA5NTgwNjk3/4/#info:metadata>. Дата доступа: 05.05.2020.
42. *d'Erkert R.* Atlas ethnographique des Provinces habitees en totalite on en partie par des Polonais. St. Petersburg, 1863 //

David Rumsey Map Collection [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~317019~90085891>. Дата доступа: 05.05.2020.

43. *d'Erkert R.* Carte ethnographique de l'Empire de Russie. Berlin, 1862.
44. *Pauly Theodore de.* Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Pétersbourg, 1862.

Романов С.

Празднование ликвидации Брестской церковной унии
в городах и местечках Беларуси (вторая половина
XIX — начало XX вв.)

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Российской империи наблюдался значительный рост всевозможных официальных торжеств, часть которых отмечалась в форме юбилеев. Наибольший размах набирали празднования тех событий, которые, по мнению властей, наиболее подходили для соответствующей идеологической обработки и позднейшей «праздничной» эксплуатации: 1862 г. — празднование 1000-летия российской государственности, 1872 г. — 200-летия со дня рождения Петра I, 1877 г. — 100-летия со дня рождения Александра I, 1888 г. — 900-летие крещения Руси, 1896 г. — 100-летие со дня рождения Николая I, 1896 г. — 100-летие со дня смерти Екатерины II, 1899 г. — 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина, 1912 г. — 100-летие войны 1812 г., 1913 г. — 300-летие правления династии Романовых и др.

Достаточно широко отмечались торжества, связанные с жизнью и деятельностью монархов, военачальников, некоторых культурных деятелей. Большой размах приобретали также празднования годовщин военных сражений, реформ, основания городов и присоединения новых территорий. Очевиден тот факт, что популярность юбилейной культуры на рубеже XIX и XX веков выходила далеко за рамки сугубо

официальных празднований, инициируемых государством. Исследователь юбилейной традиции К.Н. Цимбаев указывает на то, что «различные политические, общественные, научные, культурные, коммерческие круги использовали самые незначительные поводы для празднований, получавших определенный резонанс» [Цимбаев... 2005а, с. 42]. Более того, для описания массовости и количественной составляющей юбилейных торжеств в Российской империи конца XIX — начала XX вв. историк вводит в научный оборот понятие «юбилеемания» [Цимбаев... 2005б].

Несмотря на наличие определенной истории изучения официальных торжеств, представленной в работах Р. Уортмана, Г.Н. Ульяновой, К.Н. Цимбаева, А.И. Буслаева, М.А. Коркиной, С.И. Серовой, О.Ф. Гефнера, В. Лапина и др., к настоящему времени можно констатировать практически полное отсутствие специальной литературы, в которой бы давалась оценка роли церкви и церковных торжеств в формировании официальной праздничной культуры в исследуемый период. Исключением следует считать лишь одну публикацию, посвященную роли Православной церкви в праздновании официальных юбилеев. Подчеркивая особый статус религии в такого рода мероприятиях, историк отмечает, что «Православная церковь принимала активное участие в праздновании всех без исключения государственных и большинства общественных, научных и культурных юбилеев. Кроме того, был проведен ряд чисто церковных юбилеев, не предполагавших участия светских властей или каких-либо общественно-политических институтов. Эти юбилеи, возможно, использовались и как своего

рода подготовка будущего участия Церкви в государственных праздниках» [Цимбаев... 2005а, с. 43].

Необходимо отметить что при общей популярности празднования викториальных дней и юбилеев отдельных правителей церковные юбилеи, как правило, находились на периферии процесса глорификации монархии в силу того, что меньше для этого подходили. Праздники эти в меньшей степени служили укреплению авторитета власти, а выстраиваемые ими исторические параллели были не столь очевидны, как в случае с торжествами светского характера. Однако в определенные периоды и они могли принимать роль официального торжества, служа цели не столько церковной, сколько политической. Развитие указанной тенденции особенно ярко проявилось в царствование Александра III, правление которого, как известно, характеризовал консерватизм во внутренней политике и неучастие в военных конфликтах — во внешней. Неслучайно именно в этот период с размахом отмечались следующие юбилеи: 1000-летие со дня смерти св. Мефодия (6 апреля 1885 г.), 900-летие крещения Руси (15 июля 1888 г.), 50-летие ликвидации униатской церкви (8 июня 1889 г.), 500-летие со дня смерти св. Сергия Радонежского (25 сентября 1892 г.) и др.

Как и другие официальные юбилеи, торжества эти отличались по охвату: некоторые отмечались широко по всей империи, другие же более скромно, а то и вовсе регионально. К этим последним следует отнести празднование 50-летия ликвидации униатской церкви в 1889 г., о котором, подчеркивая его двойственность, один из исследователей отмечал, что «пятидесятилетие воссоединения с право-

славную церковь западнорусских униатов праздновалось во всей Русской церкви, особенно же на западе России в 1889 году. Это было празднование события столько же церковного, сколько и государственного» [*Корольков 1901*, с. 84]. Таким образом этот внешне исключительно церковный праздник приобретал определенный политический посыл: «важность этого события обнаружилась в годину испытания этой страны. В борьбе государства с польским мятежом северо-западный край явил истинных мучеников из среды духовенства за веру и отечество. Событию этому предшествовало послание Св. Синода, возвещавшее народу истинный смысл его» [*Корольков 1901*, с. 84].

Брестская церковная уния была заключенным в 1596 г. на церковном соборе в Бресте актом организационного объединения католической и православной конфессий под верховенством Папы Римского. «Униатский вопрос» был одним из ключевых вопросов имперской политики в отношении белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX вв. В рамках проводимой политикой Екатерины II идеологической линии по легитимизации разделов Речи Посполитой и присоединения новых земель, на эти территории принято было смотреть как на «исконно свои», а на преобладающее в религиозном отношении униатское население — как на некогда православных, силой и обманом переведенных в греко-католицизм. Решением этого вопроса явился подготовленный светскими и церковными властями Полоцкий церковный собор 1839 г., упразднявший униатство и переводивший униатов в православие. Основой дальнейшей внутренней имперской политики в отношении

присоединенных территорий после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. было стремление к укреплению пророссийских позиций в регионе и стиранию этнорелигиозных и культурно-исторических особенностей региона, которые, по мнению Петербурга, были приобретены в результате насильственных полонизации и окатоличивания. Своего пика эта тенденция достигла в период правления Александра III.

Согласно определению святейшего Синода от 10 февраля — 6 марта 1889 г. при участии императора и Синода была разработана и утверждена обязательная к исполнению программа праздничных мероприятий «...по поводу имеющего исполниться в текущем году пятидесятилетия воссоединения униатов с православною церковью...», которая предусматривала:

1) приурочить торжественное празднование этого события к совершаемому по традиции его воспоминанию в четверг первой недели по пятидесятнице — дню 8 июня и поручить преосвященным епархий: литовской, полоцкой, могилевской и минской предписать подведомственному им духовенству накануне празднуемого события (7 июня) совершить во всех церквях литургии, а после них панихиды о упокоении душ императора Николая I и церковных иерархов: митрополита Иосифа (Семашко), архиепископов Василия, Антония и Михаила, епископов Игнатия и Филарета и др., и вечером того же дня отслужить торжественные всенощные службы, а на следующий день (8 июня) — отслужить литургии с крестными ходами, в которых должны принять участие учителя и учащиеся семинарий и церковно-приходских школ, и молебствиями с провозглашением

на них многолетия царствующему дому, Синоду, сенату и всем православным христианам. По окончании богослужения следовало производить на протяжении всего дня непрерывный колокольный звон. В тот же день священники обязывались за литургией произносить поучения о значении воспоминаемого события и независимо от этого во внеслужебное время предложить прихожанам исторические чтения на эту же тему. Образцы поучений и бесед прилагались и были обязательны к рассылке;

2) Преосвященным остальных епархий империи следовало сделать распоряжение о совершении 8 июня литургий и служб в церквях подведомственных им епархий, при чем преосвященным киевской, подольской и волынской епархи-ям в тех приходах, где имелись перешедшие в православие униаты, необходимо было вести службы в порядке, установленном для епархий Северо-Западного края;

3) Также в целях празднования напечатать в необходимом количестве копий исторических документов, относящихся к событиям 1839 г., и отчеканить металлические изображения Спасителя и Богоматери. Затем изготовленные брошюры и изображения отослать в непосредственное распоряжение глав епархий для продажи и безвозмездной раздачи населению [*Определение... 1889*].

На примере г. Бреста праздник отмечался следующим образом: в канун праздника (7 июня) совершались торжественные всенощные службы с поминовением Николая I и религиозных деятелей Полоцкого собора 1839 г. — Иосифа Семашко, Михаила Голубовича, Василия Лужинского, Антония Зубко, Игнатия Железовского и Филарета Ма-

лишевского. На утро следующего дня назначались литургии во всех церквях города, которые продолжались после в виде крестных ходов по главным улицам. После встречи нескольких крестных ходов на площади настоятелем собора было произнесено поучение исторического содержания. После крестного хода и выступления военных оркестров зачитывалось послание Святейшего синода по поводу торжества, и раздавались юбилейные сувениры религиозного назначения: крестики, брошюры, иконки. После того как духовенство вернулось в собор, а народ начал расходиться, на центральной площади города, украшенной флагами, цветами и зеленью, был произведен военный парад. Таким образом, празднование являлось не просто религиозным, но также и светским, а точнее — государственным праздником.

В связи с упомянутым постановлением, праздничной кампании сопутствовала соответствующая идеологическая обработка, было издано внушительное количество литературы пропагандистского, реже — научного характера. В десятках тысяч экземпляров были отпечатаны следующие издания: «Пятидесятилетие» И. Наумовича, «Семь проповедей» и «Воспоминания о греко-униатской церкви в Западном крае России» архиепископа Антония (Зубко), «Правда об унии» И.И. Малышевского, «Пятидесятилетие (1839–1889). Соборные деяния и торжественные служения в 1839 г.», «Пятидесятилетие (1839–1889)» И. Чистовича.

Кроме того, по приказу Святейшего Синода для бесплатной раздачи на празднованиях были изготовлены де-

сятки крестиков с надписями: «Бодрствуйте, стойте в вере и утверждайтесь», «Возсоединенным любовью 1839 г.», «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его» и образков с изображением на одной стороне сошествия Спасителя в ад с вестью о спасении, а на другой — Богоматери Иерусалимской с младенцем. Также на территории губерний Северо-Западного края были изданы: в Вильно — «Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский» авторства Н. Извекова; Виленское Свято-Духово братство издало брошюру «В память 50-летия воссоединения» объемом 135 страниц и тиражем 10 тысяч экземпляров; Виленский учебный округ издал работу Ю.Ф. Крачковского «Пятидесятилетие воссоединения униатов с православною церковию» в 1500 экземплярах; братство в Полоцке издало брошюру А. Сапунова «Судьбы православия в Полоцкой епархии», И. Котовичем были изданы «Портреты духовных деятелей эпохи воссоединения», куда вошли также виды тех учреждений и храмов, в которых совершались основные события в 1839 г.; также была напечатана брошюра Стрельбицкого «Исторический очерк о 50-летию воссоединения Белорусских униатов», в Минске была издана брошюра Афонского «Что такое уния, как она началась и чем закончилась», Виленской археографической комиссией был подготовлен специальным изданием том 16-й «Документы, относящиеся к истории Церковной Унии в России»; и, разумеется, события получили достаточно широкую огласку в церковной и светской периодической печати за 1889 г.

Картина подготовки празднования была бы не полной, если не принимать во внимание то, что инициатива в праздновании принадлежала именно императору, как и то, что вовлечение местных светских властей в упомянутое торжество стало возможным благодаря указу Александра III от 16 мая 1889 г. и ряду сопутствующих распоряжений, сделанных через бюрократическую вертикаль [LVIA, f. 378, bs, 1889, b. 82, s. 1].

Отдельного внимания заслуживает дата празднования этого события. Согласно упомянутому определению Синода в 1889 г. оно совершалось 8 июня. Однако же церковное празднование и поминовение этого события в Российской империи совершалось 12 февраля — в день открытия в 1839 г. Полоцкого собора. Светская дата для этого праздника (иногда отмечавшаяся и церковью) приходилась на 25 марта — день признания легитимности, в который решения Полоцкого собора были одобрены императором Николаем I. Тем не менее обе даты плохо подходили для широкого официального празднования, хотя и отмечались с завидной регулярностью. Связано это было с тем, что открытие Полоцкого церковного собора было с особым умыслом приурочено к празднованию Недели Торжества Православия. Последняя, в свою очередь, приходилась на первое воскресенье Великого поста. В Российской империи маскарады, зрелища, светские концерты, равно как и большинство литературных, музыкальных и театральных и иных светских торжественных мероприятий во время постов и ряда церковных праздников находились под запретом

либо значительным ограничением их проведения [*Устав... 1876*, с. 31–32].

С другой стороны, как внешне религиозный праздник, это торжество имело связь с иными церковными праздниками, особенно сильную в области обрядовых практик и декораций. В первую очередь это была связь с празднованием Святой Троицы, так как событие обычно отмечалось в четверг первой недели по Пятидесятнице (Троице). Так, в местечке Бытень Слонимского уезда фиксируется традиция выноса на улицу перед домами столиков с хлебом и солью во время крестного хода, участники которого должны были останавливаться у таких домов и читать отрывок из евангелия (с. 248). Троица, именуемая также «Зелеными святками», сопровождалась декорацией и освящением различного рода зелени, что было заимствовано во время чествования событий ликвидации церковной унии. Например, в селе Ятвеск Волковысского уезда частью празднования являлось «освящение зелья». В городе Поневеж обе церкви, приходская и домовая учительской семинарии, были украшены зеленью и цветами, в городе Каменец-Литовский в целях декорации зеленью украшался погост. В качестве декораций к торжеству активно использовались свежесрезанные деревья березы и ели: местечко Леонполь украшено было березками, зеленью, цветами и флагами. В селе Мурава Пружанского уезда венки из живых цветов и кленовых листьев использовались для декорации икон и интерьеров как церквей. Интересно, что те же элементы использовались для декорации светских зданий — училищ, семинарий, дворянских собраний и др., как это имело место в Гродно

и даже площадей, как в городе Бресте [*Торжество... 1889*, с. 229, 248, 251, 257, 263–264, 266].

В то же время нельзя не отметить тот факт, что в качестве декораций повсюду активно использовались разноцветные флаги. В Российской империи к «флаговым дням», т.е. дням, в которые вывешивались государственные флаги, относились сугубо официальные торжества: царские дни и значимые государственные праздники, некоторые юбилеи. Использование иных флагов было под строжайшим контролем полиции. Однако, несмотря на усилия официальных идеологов, уровень политической культуры жителей белорусских губерний оставался низким. Так, 18 ноября 1885 г. начальник гродненского жандармского управления под грифом «секретно» доносил гродненскому губернатору: «До сведения моего дошло, что домовладельцы в некоторых уездных городах Гродненской губернии в Царские дни вывешивают флаги фантастических цветов и местная полиция не обращает на это никакого внимания, тогда как в 1883 г. состоялось высочайшее повеление, коим обозначены цвета и порядок расположения их в русском национальном флаге. В видах предупреждения публичных демонстраций флагами, честь имею сообщить о вышеизложенном на усмотрение Вашего Превосходительства» [*НИАБ в г. Гродно*. Ф1, оп. 8, д. 1642, л. 1]. На самом деле 28 апреля 1883 г. было утверждено, «чтобы в тех торжественных случаях, когда признается возможным украшение зданий флагами, был употребляем исключительно русский флаг, состоящий из полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цветов, употребление же ино-

странных флагов допускать лишь по отношению к зданиям, занимаемым посольствами и консульствами иностранных держав, а также в тех случаях, когда для чествования приезжающих в Империю членов царствующих династий и вообще почетных представителей иностранных государств признано будет необходимым украсить дома флагами их национальности. . . » [НИАБ в г. Гродно. Ф1, оп. 8, д. 1642, л. 5].

Следующим моментом, определенно приближающим данный праздник к праздникам церковным, было то, что он был «движимым», то есть, подобно многим церковным торжествам, зависимым от пасхального цикла. Из определения Синода следует, что «по традиции» празднование ликвидации унии проводилось в четверг первой недели по Пятидесятнице. Осознать всю неоднозначность исключительно лишь церковной трактовки такой «традиции» помогает история её возникновения. В определенном смысле её автором можно считать полоцкого архиепископа Василия Лужинского, вместе с митрополитом И. Семашко принимавшего активное участие в событиях 1839 г. в Полоцке. В своем дневнике за 1840 г. Лужинский зафиксировал следующее: «Празднование повсюду униатскою церковию вместе с римскою праздника в 9-й четверг после Пасхи Тела Господня меня более всего беспокоило. Мне становилось крайне необходимым уничтожить в воссоединенных церквях сей латинский праздник. Но как приступить к тому, как решиться на это, когда столетия укрепили в народе особенное сердечное расположение к нему с живою верою в пречистое Тело Христово, котораго и приобщались после

исповеди в этот праздник все немолодых лет люди? Сообразив все обстоятельства, просил я Бога, чтобы Он умудрил меня, как разрешить мне эту трудную задачу. И вот, мне и пришла прекрасная мысль, чтобы в вышеозначенный день был установлен самим правительством праздник в память многознаменательного события воссоединения греко-униатской церкви с православною для торжественного в онный день празднования с крестным после литургии хождением на реку для водоосвящения, а потом и вокруг церкви, где это последнее удобоисполнимо...» [Лужинский 1885, с. 195–196]. Праздничные мероприятия 1889 г. прошли и в Полоцке, где основные торжества разворачивались в том самом Софийском соборе, где имели место события 1839 г.

Таким образом, выбранная правительством дата празднования ликвидации униатской церкви стремилась к нивелированию, смазыванию и изменению первоначального значения празднуемого униатской (равно и католической) церковью праздника Тела и Крови Христовых (называемый также праздником Божьего Тела, *Corpus Christi* или Евхаристией). Определение именно этой даты в качестве праздничной имело также свой практический смысл. Подмена значений одного праздника другим призвана была не только привлечь к празднованию бывших адептов унии, но и создать эффект массовости мероприятия: в городах и местечках губерний Северо-Западного края русское и православное население было немногочисленным. К примеру, назначенное празднование юбилея в Каменце-Литовском оказалось под угрозой срыва — на церковной службе 7 июня не хватало людей, занятых якобы на полевых ра-

ботах. По той же причине не состоялась всенощная служба накануне праздника в Леонполе. В результате панихида была перенесена на день 8 июня, в который «несмотря на праздник «*Vožego siała*» многие католики не пошли в костел, а присутствовали на нашем богослужении от начала до конца, увлеченные торжественностью...» [*Торжество... 1889*, с. 273–275]. В Бресте во время празднования «юбилея присоединения униатов к православию», по описанию корреспондента, при прохождении крестного хода по улице Славянской из костела вышла и присоединилась к нему масса католиков, праздновавших как раз «*Vože siało*». Вся площадь оказалась запружена сплошной массой народа, среди которого «виднелись целые сотни католиков и лютеран» [*Торжество 50-летия... 1889*, с. 279]. Вообще же в больших городах вроде Бреста, а также в губернских центрах массовость достаточно хорошо обеспечивалась за счет расквартированных в них войск, которыми были наводнены белорусские губернии. Хуже дело обстояло в небольших городах и ещё хуже — в местечках и селах. Но даже в крупных городах празднующие были представлены в основном за счет административного ресурса: в Могилеве и Минске абсолютное их большинство составляли военные и учащиеся местных учебных заведений. В Гродно в день празднования было задействовано внушительное количество войск и целых 4 военных оркестра. При этом даже о Минске современниками отмечалось что он населен преимущественно иноверцами и нехристианами, а его православное население малочисленно [*Торжественное празднование... 1889*, с. 312]. В Лиде очевидцы зафиксировали,

что этот день был отпразднован весьма торжественно, несмотря на «сравнительную немногочисленность русской семьи» [г. Лида 1889, с. 281]. В то же время на праздновании в местечке Леонполь церковный хор состоял из учеников, крестьянских девушек и «местных любителей пения»: волостного писаря, полицейского урядника, фельдшера и др., руководителем хора был местный учитель, он же псаломщик. Очевидец празднования в Гродно, сравнивая это торжество с предыдущими церковными юбилеями, напрямую указывал на то, что «особенность этого церковного торжества здесь заключалась, впрочем, в том, что в нем сравнительно с предыдущими, принял гораздо большее участие простой народ из окрестных деревень. Это объясняется тем, что, кроме заблаговременных уведомлений народа о предстоящем праздновании со стороны православного духовенства, простой народ массами собирался на 8-е июня в город и по случаю известного католического праздника «Божьего тела» [Торжество... 1889, с. 260].

На фоне очевидного дисбаланса участников торжества и его сомнительной популярности, интересным выглядит стремление местной прессы показать это событие с приданием его описанию характеристик массовости, всеословности и единодушия. Например, массово фиксируются «празднующие» католики, при этом о причине их празднования зачастую умалчивается. Там, где не имелось католиков, упоминаются «чужеприходные» — прихожане соседних приходов (село Мурава Пружанского уезда). Также для празднования в крупных городах привлекалось население окрестных сел, как это было в случае с Минском.

В Полоцке фиксировалось большое скопление сельского народа по случаю празднования «девятника» [*Торжество... 1889*, с. 298]. В местечке Изабелин Волковысского уезда (преимущественно лютеранском) на праздновании вместе с православными присутствовали католики, лютеране и кальвинисты. Отмечалось, что скопление народа здесь было вызвано местной ярмаркой [*Торжество... 1889*, с. 281]. Там, где отсутствовали католики и протестанты, в качестве наблюдателей, а порой и участников торжества указывались евреи.

К примеру, во время посещения 12 июня местечка Молодечно митрополитом Киевским и Галицким Платоном местное еврейское общество преподнесло тому хлеб и соль. В ответ на это в одной из проповедей митрополит ответил, что «... православные не презирают евреев, напротив любят; но и евреи, живущие в пределах православной России, если желают наслаждаться счастьем и спокойствием, обязаны проникнуться любовью к христианам» [*м. Молодечно 1889*, с. 217–218]. Однако же необходимость исполнения указаний начальства толкала отдельных представителей местной власти на крайние проявления их любви к евреям. Так, о подготовке празднования в Куренце Вилейского уезда отмечалось, что «местечко заселено преимущественно евреями, но и они, благодаря распорядительности местного урядника, тщательно подмести все улицы и базарную площадь» [*м. Куренец 1889*, с. 286]. Для прессы важно было отобразить стирание возрастных и социальных границ перед лицом значимого торжества, в связи с чем корреспондент из Гродно записал, что «все сословия го-

рода высказали внимательное участие к духовному торжеству православия». Современниками было отмечено, что «юбилейное торжество 8-го июня сего года в память 50 л. воссоединения униятов с православною Церковью дало самые смелые ожидания. По своей величественной торжественности, по единодушию общества и стремлению всех участников празднества совершить оный в полной гармонии, по той свободе и доступности, какая была во время крестного хода и совершения богослужений в церквах и на площади для всех жаждавших удовлетворения своего сердца в молитве, по той заботливости об уяснении истинного значения события сего торжества путем брошюр и послания Св. Синода, и о запечатлении онаго в памяти общества раздачей крестиков и образков — торжество 8-го июня превзошло все подобные торжества и произвело сильнейшее впечатление на участников и очевидцев...» [*Торжество... 1889*, с. 9].

Тем не менее очевидно, что празднование этого юбилея всюду проходило по заранее подготовленному сценарию, основой которого стало упомянутое определение Синода. Участники празднования напрямую заявляли: «радуемся ещё и потому, что настоящий праздник не застал нас врасплох; подготовка к юбилею шла тихо, но верно» [*Торжество... 1889*, с. 10]. Местная программа празднования юбилея в Гродно была составлена заранее и по возможности адаптирована к распоряжениям Синода, тогда как в Каменце-Литовском церемониал празднования был получен гражданской властью вместе с рядом рекомендаций лишь 4 июня. Несмотря на то, что торжество запланировано

было на 7–8 июня, в ряде местностей оно началось 6 июня, а в некоторых — 4 июня, в день, когда приходские священники должны были сообщить населению о предстоящем юбилее. Окончание празднования также не ограничивалось лишь днем 8 июня в связи с тем, что на торжества в Вильно и другие крупные города Северо-Западного края прибыло немало гостей: представителей власти, духовных иерархов. Как по пути к месту назначения, так и на обратном пути они посещали ряд населенных пунктов, в которых в связи с их приездом спонтанно организовывались праздничные мероприятия, в некоторой степени развивающие основное празднование.

В осознании того, каким образом составлялась и как функционировала программа этого юбилея, может помочь обрядно-символическая сторона самого торжества. Однако ещё современниками в характере празднования угадывались черты чего-то большего, чем просто церковного праздника: «ещё за 2 недели до 8 июня весь приход узнал из слова настоятеля в церкви, что 8 июня будет праздник, по своему значению и торжеству выходящий из ряда церковных праздников. В этом еще больше утвердились прихожане, узнав, что местным народным учителем требуются в школу все ученики за три дня перед праздником...» [*Торжество... 1889*, с. 278].

В то же время интерес вызывают выстраиваемые современниками исторические параллели и видение праздника: «Впечатление от этого торжества, вынесенное православными прихожанами, потомками бывших униатов, было сильное. В связи с прошлогодним торжеством 900-летия

крещения Руси, как дополнение к нему, описываемое торжество воссоединения униатов открыло им глаза и уяснило многое из исторического прошлого их жизни, особенно в религиозном отношении. Они, задушенные польско-католицизмом, выбившим у них сознание своей национальности и языка, только теперь начинают вновь приходить к сознанию того, что они русские, а не поляки, говорят по-русски, а не по-польски, и что исповедуют одну и ту же православную веру вместе с православным русским Царем» [*Торжество...* 1889, с. 343].

В процессе празднования юбилея активно использовались атрибуты и элементы сценариев предыдущих юбилейных торжеств: 1000-летия смерти святого Мефодия (Кирилло-Мефодиевское торжество) 1885 г., 900-летия крещения Руси (Владимирское торжество) 1888 г. и др. Так, в Витебске особое внимание было уделено культам святого Владимира и святых Кирилла и Мефодия. То же было зафиксировано в Кобринском и Пружанском уездах Гродненской губернии, самом Гродно, местечке Кобыльник Свентянского уезда Витебской губернии и ряде иных местностей Северо-Западного края. Интересно, что, несмотря на использование хоругвей и икон упомянутых святых, пение им тропарей по церковному чину, а также определенной политизации предыдущих юбилеев, сами эти внешне церковные атрибуты воспринимались современниками лишь в качестве временных, необязательных элементов праздника. Об этом, подчеркивая их привнесенный характер, очевидец писал: «Следует заметить, что кроме церковных принадлежностей крестного хода несены были

по обоим сторонам креста учениками взяты из Муравского училища и украшенные венками две иконы: одна святого равноап. князя Владимира, а другая — первоучителей славянских Кирилла и Мефодия» [*Торжество... 1889*, с. 258].

Вместе с элементами Кирилло-Мефодиевского и Владимирского юбилеев, в праздновании 50-летия ликвидации унии ощущалось влияние ещё одного, на тот момент нового и практически не связанного с религией торжества. Речь идет о праздновании по поводу спасения царской семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 г. По факту дни 17 октября и 19 февраля в Российской империи относились к числу торжественных царских дней, несмотря на то что официально они так никогда не назывались [*Жук 2008*, с. 22]. Всего же в империи в память «чудесного события 17 октября» в течение 1888–1896 годов было сооружено, пожертвовано и учреждено: 126 храмов, 32 придела, 320 часовен, 17 колоколен, 116 иконостасов, 30 церковных оград, 2873 киота и 54 ризы на иконы, 152 запрестольных и выносных креста, 434 хоругви, 685 колоколов, 324 лампы и проч., учреждено 170 церковно-приходских школ, несколько богаделен и приютов и проч. [*Корольков 1901*, с. 89].

Некоторое количество атрибутики, связанной с празднованием событий 17 октября 1888 г., уже в 1889 г. имелось на территории Северо-Западного края и активно использовалось в крестных ходах и самом праздновании 1889 г., например в Витебске и Гродно. Так, в Гродно упоминается: «...недавно торжественно освященная дорогая икона нерукотворенного образа с изображениями св. патронов

Царской Семьи, сооруженная Гродненцами в память 17 октября 1888 года. Все эти святыни для участников крестного хода были живым напоминанием недавних церковно-народных торжеств в г. Гродне всеславянского Кирилло-Мефодиевского 1885 г. и общерусских: Владимирского 1888 г. и по поводу чуда милости Божией, явленного над русским народом 17 октября того же года, которые как бы соединились в настоящем, собственно западно-русском, местном торжестве православия...». Очевидно, что даже там, где такая атрибутика не упоминается (с момента крушения поезда 17 октября 1888 не прошло и года), само влияние празднования событий 17 октября на юбилей 1889 г. было более чем заметно и проявлялось в обязательных молебнах за здоровье царской семьи, исполнении гимнов «Боже царя храни», «Славься, славься, наш русский царь» и других элементах торжеств — портретах членов царской семьи, праздничных речах и т.п.

Церемониал юбилея был внешне схож с праздничными программами юбилеев 1885 и 1888 г. На территории губерний Северо-Западного края празднование начиналось литургиями и панихидами 6–7 июня, продолжалось литургиями, крестными ходами с освящением воды и парадами 8 июня и, как правило, заканчивалось 8 июня в 2 часа дня вместе с окончанием крестного хода. На протяжении празднования священники и светские лица выступали с проповедями и речами антиуниатского характера, обосновывавшими закономерность и правовую легитимность ликвидации униатской церкви. В течение всего дня 8 июня в храмах производился непрерывный колокольный звон,

а само празднование сопровождалось раздачей брошюр, крестиков и образков. Празднование могло продолжаться в войсках, учебных заведениях и дворянских собраниях чтением специальной исторической литературы, речами по поводу празднования, выступлением военных оркестров и, наконец, праздничными собранием и обедом (ужином, банкетом).

В качестве обоснования ликвидации церковной унии идеологи и организаторы юбилея зачастую апеллировали к различным периодам белорусской истории: IX–XIII вв. — когда население этих земель было якобы «православным и русским», периоду XVI–XVII вв. — времени распространения унии, сужению сферы влияния православной церкви, событиям Реформации и Контрреформации. Наблюдалось обращение к полемической литературе этого периода: например, во время празднований 1889 г. в Минске был зачитан отрывок из «Плача» Мелетия Смотрицкого [*Торжественное празднование... 1889*, с. 312].

Не подлежит сомнению то, что празднование юбилея 1889 г. в губерниях Северо-Западного края явно выходило за рамки исключительно религиозного торжества. Свидетельством тому являются как особая программа проведения юбилея для этих территорий, так и особенный смысл, вкладываемый организаторами в само празднование. Очевидно, что сам праздник отражал скорее реалии и ценности эпохи Александра III, чем собственно события 1839 г., которым был посвящен. Так, корреспондент из Бреста называл это торжество «религиозно-историческим» и «национально-народным», а праздновавшим в Минске

повод празднования и вовсе представлялся как «бескровная победа над католицизмом и польщиной». В то же время очевидной была двойственность праздника: в одних местностях юбилей именовался «празднованием великого события Российской Церкви и Государства», в других и во все напрямую подчеркивалось, что торжество являлось не только церковным, но и гражданским [*Торжество... 1889*, с. 242, 313].

Насколько актуальным и идеологически необходимым выглядел этот юбилей для губерний Северо-Западного края, настолько же последовательно он был проигнорирован официальной властью в других частях Российской империи, что может свидетельствовать о его идеологическом характере. Несмотря на это, праздничные мероприятия церковного характера имели место в Варшаве, Киеве, Чернигове, Риге, Одессе, Москве, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Рязани, Астрахани, Екатеринбурге, Тобольске, Смоленске, Пензе, Орле, Полтаве и др.

Впрочем, и на территории белорусских губерний Российской империи отношение к этому празднику было не везде однозначным. Интересно что само празднование юбилея ликвидации унии в 1889 г. было не одноразовым политизированным юбилеем, а частью вполне осознаваемого современниками идеологического противостояния посредством праздничной культуры: некоторыми участниками торжества в 1889 г. высказывалось пожелание, «... чтобы имеющий быть через семь лет трехсотлетний юбилей Брест-Литовского собора (1596–1896 год) был отпразднован полным уничтожением унии всюду, где только раздается

русский говор, «дабы к тому времени вся Русь молилась единым сердцем и единым языком». Утверждалось, что «близится время... когда по отношению Руси должно исполнится евангельское пророчество (Евангелие от Иоанна X:16) об едином пастыре и едином стаде» [*Торжество... 1889*, с. 339–340]. Однако поскольку к юбилею унии сама она так и не была уничтожена, а в 1895–1896 гг. во Львове и Кракове (Австро-Венгерской части бывшей Речи Посполитой) проходили празднования 300-летия униатства, то в самом Бресте (на территории Российской империи) были организованы и проводились специальные траурные мероприятия: служились торжественные панихиды о противниках унии и униатства, организаторах и участниках Полоцкого собора 1839 г. Читались соответствующие случаю речи и доклады, представлявшие унию в качестве великого преступления: [*К юбилею... 1895*, с. 422], [*Торжественная панихида... 1896*, с. 420–421].

Частью политики мемориализации ликвидации церковной унии явилось празднование годовщин жизни и деятельности участников этого события: митрополита Иосифа (Семашко), архиепископов Василия (Лужинского), Антония (Зубко) и Михаила (Голубовича), епископов Игнатия и Филарета и др. Начало этому направлению было положено празднованием юбилеев митрополита Семашко и продолжалось до последних лет существования Российской империи. Например, в 1912 г. в Бресте отмечены были полгода и годовщина со дня смерти Иоанна Григоровича (17 сентября 1911 г.) — одного из участников «славного дела восстановления православия в крае приснопамятным

митрополитом Иосифом Семашко» [*Протоиерей... 1912*, с. 189–194].

Отмечая рост количества официальных юбилеев и их активную поддержку властями, следует указать на тот факт, что именно в этот период во внутренней политике государства происходит поворот к реакции: ограничивается действие многих реформ Александра II, в социальной сфере ставка делается на дворянство как на единственное сословие — опору самодержавия. Нарастает социальная напряженность, связанная с тем, что консервативные полудефеодальные методы управления экономикой тормозили развитие страны. На фоне ряда внутривластных и экономических проблем и недовольства некоторых слоев населения политикой Александра III очевидным было снижение авторитета государственной власти. Александр III большее значение придавал идеологии, целью которой было создание иллюзии стабильности, сакрализация власти царя, укрепление самодержавия и смещение фокуса общественного внимания с насущных проблем на те успехи и достижения прошлого Российского государства, которые бы демонстрировали превосходство государственной власти, необходимость существования самодержавия и дворянства как его опоры, а также правильность выбранного политического пути.

Одной из целей официальной части «юбилеемания», органично исходящей из внутренней политики империи этого периода, было формирование через исторические юбилеи национальной идентичности. По мнению исследователя А. Миллера, само это понятие можно понимать

как минимум двояко, так как в «национальном» иногда скрывается идентификация или чувство лояльности к государству, а иногда — к нации как к этническому сообществу. Следует оговориться, что и само понятие «нация» определяет степень самосознания общества в период капитализма (который как раз формировался и отношение к которому у Александра III было противоречивым), а потому важно пояснить, что в сознании, к примеру, самого Александра III эти определения с большой долей вероятности четко не разделялись. Из проанализированного материала следует сделать вывод, что празднование ликвидации церковной унии в 1889 г. имело непосредственную связь с юбилеями 1885 и 1888 гг. и было частью идеологической позиции официальных властей империи в отношении белорусских земель. Именно празднование 50-летнего юбилея Полоцкого церковного собора приобрело наиболее выраженный политический подтекст сравнительно с другими годовщинами этого события, и в первую очередь с 25-летним и 75-летним его юбилеям. В то же время постановление Синода ярко свидетельствует о том, что празднование этого юбилея специально разрабатывалось и адаптировалось для губерний Северо-Западного края, для жителей которых оно должно было иметь особый смысл. Исследование вопроса о конкретной дате упомянутого торжества наводит на выводы о популярности этого праздника среди местного населения: для празднования намеренно был выбран день униатского (и католического) праздника, по отношению к которому значения торжеств имели выраженный амбивалентный характер.

Именно в этом ключе следует рассматривать и широкое применение административного ресурса, в чем, кроме всего прочего, проявилась и двойственная природа праздника: внешне исключительно церковный, он имел вполне определенный политический подтекст и поддержку светских властей. Двойственность юбилея прослеживается также в обрядной стороне празднования: с одной стороны религиозного (атрибутика «Зеленых святок» — Троицы), с другой — светского (атрибутика торжеств 1885 и 1888 гг.). На территории белорусских губерний само празднование имело два основных центра: Полоцк (место ликвидации унии) и Брест (место создания унии). Упомянутое торжество необходимо анализировать в контексте русификационной политики Александра III и волны «церковных» юбилеев 1880-х годов, поскольку празднование юбилея 1889 г. преследовало конкретные идеологические цели: ослабление влияния католицизма в регионе, усиление позиций православной церкви и монархии, демонстрация превосходства православия над иными конфессиями, историческое оправдание разделов Речи Посполитой и ликвидации Брестской церковной унии.

Литература и источники:

1. 50-летний юбилей воссоединения униатов с Православной церковью. LVIA, f. 378, bs, 1889, b. 82.
2. Г. Лида // Литовские епархиальные ведомости за 1889 г. 1889. № 32–33. С. 281.

3. Дело об установлении в губернии единых флагов для вывешивания их на зданиях в торжественные дни. НИАБ в г. Гродно. Ф1. Оп. 8. Д. 1642.
4. Жук А.В. Праздничные и неприсутственные дни Российской империи конца XIX — начала XX вв.: учебное пособие / А.В. Жук. Омск, 2008. 92 с.
5. К юбилею Брестской унии // Литовские епархиальные ведомости за 1895 г. 1895. № 45. С.422.
6. *Корольков К.Н.* Жизнь и царствование императора Александра III (1881–1894). Киев, 1901. 270 с.
7. *Лужинский В.* Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. Казань: Казанская духовная академия, 1885. 312 с.
8. М. Куренец // Литовские епархиальные ведомости за 1889 г. 1889. № 32–33. С. 286.
9. М. Молодечно // Литовские епархиальные ведомости за 1889 г. 1889. № 32–33. С. 280–281.
10. Определение святейшего синода от 10 февраля — 6 марта 1889 г. за № 388 о распоряжениях по поводу имеющего исполниться в текущем году пятидесятилетия со времени воссоединения в 1839 году с православною церковью униатов западных областей России // Минские епархиальные ведомости. 1889. № 7. С. 157–159.
11. Протоиерей Иоанн Иосафович Григорович // Гродненские епархиальные ведомости за 1912 г. 1912. № 18–19. С. 189–194.
12. Торжественная панихида в 300-летний юбилей Брестской церковной унии // Литовские епархиальные ведомости за 1896 г. 1896. № 41. С. 420–421.
13. Торжественное празднование 50-летнего юбилея в г. Минске // Литовские епархиальные ведомости за 1889 г. 1889. № 32–33. С. 311–313.
14. Торжество 50-летия воссоединения униатов с православной церковью 8 июня 1889 г. в г. Брест-Литовске // Литовские епархиальные ведомости за 1889 г. 1889. № 32–33. С. 278–280.

15. Торжество 50-летия воссоединения униатов с православной церковью: 8-е июня 1889 г. в Вильне и др. местах Западной России. Вильна: Губ. тип., 1889. 356 с.
16. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Санкт-Петербург: тип. 2 отдела собственной его императорского величества канцелярии, 1876. 72 + 18 с.
17. Цимбаев К.Н. (2005а) Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России / К.Н. Цимбаев // Отечественная история. № 6. С. 42–51.
18. Цимбаев К.Н. (2005б) Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 454–484.

Шевченко К.В.

Белорусское меньшинство в Польше в межвоенный период в оценках чехословацких учёных-славистов

Статья посвящена анализу освещения положения белорусского национального меньшинства в Польше в межвоенный период и политики официальной Варшавы в отношении белорусов в Польше на страницах пражского научного журнала «Словански пршеглед» (Славянское обозрение). Данный журнал, являвшийся одним из наиболее авторитетных научных изданий Чехословакии в области славистики, активно критиковал разные аспекты дискриминационной политики Польши в отношении белорусского меньшинства, главным образом в области образования, культуры и средств массовой информации.

Ключевые слова: белорусское меньшинство, межвоенная Польша, национальные права, дискриминация.

Образование новых славянских государств после Первой мировой войны и положение славянских национальных меньшинств в межвоенной Европе с самого начала стало предметом самого пристального внимания чехословацкой общественности и учёных-славистов. Уже со второй половины XIX в. Прага являлась признанным и авторитетным центром славистики и славянской общественно-политической мысли. С образованием независимой Чехословакии

интерес чехословацкой общественности к славянским народам заметно усилился, что в значительной степени было связано с внешнеполитическими калькуляциями Праги, отношения которой с соседними государствами, прежде всего с Польшей и Венгрией, были весьма напряженными. Немаловажную роль играли и традиционно сильные славянские симпатии чехословацкой общественности и политической элиты, подчёркивавшей славянский характер своего государства и декларирувавшей проведение «славянской политики», которая, впрочем, была призвана в первую очередь обслуживать геополитические интересы Праги.

Положение белорусов в межвоенной Польше постоянно привлекало пристальное внимание авторитетного пражского славистического журнала «Словански пршеглед» (Славянское обозрение), который в специальной рубрике «Белорусы в Польше» подробно и на регулярной основе информировал чешскую и славянскую общественность о белорусской национальной жизни в Польше на протяжении всего межвоенного периода. Подобный интерес подогревался и крайне напряженными отношениями Варшавы и Праги, которые заметно обострились к концу межвоенного периода, когда польские правящие круги выступили в роли фактического союзника нацистской Германии в ходе Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г.

Примечательно, что автором значительного числа обзорных статей о положении белорусского меньшинства в Польше был известный чехословацкий ученый-славист, основатель и многолетний главный редактор «Слованского пршегледа» Адольф Черны. О солидной репутации данно-

го издания и о его близости к официальным чехословацким кругам свидетельствует и то, что помимо учёных-славистов из Чехословакии и других стран на страницах журнала «Словански пршеглед» часто публиковались программные статьи видных чехословацких публицистов и политиков, в том числе многолетнего министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша, который в 1935 г. сменил Т.Г. Масарика на посту президента Чехословакии. Именно данный журнал стал основной интеллектуальной и информационной площадкой для обсуждения положения белорусского меньшинства в Польше, в котором участвовал целый ряд ведущих ученых-славистов Чехословакии и других стран.

В первом послевоенном номере журнала «Словански пршеглед», изданном после окончания Первой мировой войны и образования независимой Чехословакии, была опубликована пространная статья известного украинского историка и политического деятеля Д. Дорошенко под названием «Белорусы, их движение и литература», в которой отмечалось, что белорусы, вероятно, более других народов Восточной Европы пострадали от ужасов «Великой войны», означавшей колоссальные изменения в исторических судьбах белорусского народа [*Dorošenko*1925, s. 296]. Комментируя белорусское национальное движение после Первой мировой войны, провозглашение Белорусской народной республики (БНР) и её последующее развитие, закончившееся полным фиаско, Дорошенко обращал внимание на отсутствие у нее «реальных сил» и справедливо констатировал, что «всё революционное движение в 1917 г. происходило лишь на поверхности бе-

лорусской жизни; широкие массы оставались пассивными...» [*Dorošenko* 1925, s. 298].

После восстановления независимой Польши в 1918 г. и в ходе последующей польской экспансии на восток, по словам Дорошенко, проявилось «крайне враждебное отношение» поляков к белорусскому движению, которое «своей социалистической направленностью угрожало доминированию польских землевладельцев в данном регионе... Польские власти начали настоящую войну с белорусскими организациями... Тысячи людей были арестованы; из 153 белорусских школ на западе Белоруссии, ранее занятой немцами, осталось только 17» [*Dorošenko* 1925, s. 298]. Дорошенко отмечал, что заключенный в марте 1921 г. Рижский мир между Польшей и Советской Россией совершенно игнорировал этноязыковые реалии, разделив белорусские этнические земли между четырьмя государствами; при этом положение белорусов в составе Польши и в СССР, по его мнению, в значительной степени отличалось. «Словански пршеглед» обращал внимание на то, что после Рижского мира 1921 г. Советская Белоруссия включала лишь небольшую часть белорусской этнической территории и что образование БССР стало, как указывалось в журнале, «чисто политическим маневром против Польши» [*Dorošenko* 1925, s. 299]. Подобным образом комментировалась и последующая политика СССР в белорусском вопросе. Так, последовавшее в 1924 г. территориальное укрупнение БССР за счет присоединения к ней белорусских этнических земель, ранее входивших в состав Советской России, по словам Дорошенко, было не более чем попыткой «московских большевиков» использовать

белорусское национальное движение в своих интересах, превратив БССР «в Пьемонт для белорусского населения Польши» [Dorošenko 1925, s. 296].

Примечательно, что советская политика «белорусизации», проводившаяся в БССР в 1920-е годы, вполне обоснованно оценивалась пражским славистическим журналом как процесс, вызванный главным образом соображениями советской «высокой политики» и призванный стимулировать и укреплять симпатии белорусского населения Польши к Советскому Союзу. В то же время в журнале констатировалась поверхностность и непоследовательность политики «белорусизации», обусловленная, по словам Дорошенко, «молодостью и слабостью белорусского национального движения» [Dorošenko 1925, s. 296]. В качестве примера, в частности, указывалось на то, что в 1924 г. ЦИК БССР состоял из 3 евреев, 3 русских, 2 поляков, 1 латыша и только 4 белорусов, из которых лишь нарком просвещения Игнатовский был, по словам «Слованского пршегледа», «белорусом не только по происхождению, но и по своим национальным взглядам» [Dorošenko 1925, s. 299].

Пристальное внимание «Словански пршеглед» уделял статусу и положению белорусского языка в БССР. Так, «Словански пршеглед» отмечал, что белорусский язык в государственной и общественной жизни Советской Белоруссии играет явно второстепенную роль; недавно открытый Белорусский государственный университет с его 46 профессорами и 3444 студентами является белорусским, как отмечалось в журнале, только по названию,

поскольку «большинство студентов в нем составляют евреи» [Dorošenko 1925, s. 300].

Первые годы пребывания западнобелорусских земель в составе возрожденной Польши привлекли пристальное внимание пражского журнала и оценивались «Слованским пршегледом» в целом критически. «Пока что взаимные отношения представляют собой неутешительное явление, — писал «Словански пршеглед» об отношениях между польскими властями и белорусами в конце 1925 г. — Поляки не доверяют белорусам, подозревая их в большевизме; белорусы не доверяют полякам, опасаясь с их стороны полонизации и экономического господства. Очевидно, будет необходимо больше времени и больше мудрости с обеих сторон, чтобы добиться гармоничного сосуществования...» [Slovanský přehled 1925. R. XVII. Č. 7–8. S. 529]. Однако надежды пражского журнала на «гармоничное сосуществование» двух славянских народов с самого начала оказались несбыточными.

Редакция пражского славистического журнала, будучи хорошо информированной о положении белорусского меньшинства, подробно сообщала чешской общественности о конкретных проявлениях дискриминации белорусов в Польше. Так, «Словански пршеглед» подробно информировал своих читателей о речи белорусского депутата ксендза А. Станкевича в польском сейме, в которой констатировалось, что сельские районы на территории Западной Беларуси «лишены даже той тени самоуправления, которая существовала при царской власти» [Slovanský přehled 1925. R. XVII. Č. 9–10. S. 632]. Станкевич указывал на то, что

местная администрация, включая старост, не избирается населением, а назначается властями и представляет собой в подавляющем большинстве случаев пришлый элемент; при этом, по словам Станкевича, поведение администрации и полиции по отношению к местному населению «напоминает худшие царские времена», а самыми распространенными методами правления являются «террор, провокации, доносы... и массовые аресты. Вопреки законам использование белорусского языка преследуется...» [*Slovanský přehled* 1925. R. XVII. Č. 9–10. S. 632]. По примечательному мнению белорусского ксендза Станкевича, положение польских школ в Советской Белоруссии и в Литве было намного лучше, чем положение белорусских школ в Польше [*Slovanský přehled* 1925. R. XVII. Č. 9–10. S. 633].

Большое внимание «Словански пршеглед» уделял постоянно белорусской прессе в Польше, постоянно отмечая крайне тяжелые условия ее существования и усиливавшуюся дискриминацию со стороны польских властей. По данным пражского журнала, с 1922 по начало 1926 г. польскими властями было по различным поводам постепенно закрыто 13 белорусских газет и журналов; при этом издание газет «Наша будучыня», «Нашае жыццё», «Воля народу» и «Искра» было прекращено в самом начале их существования, еще до выхода в свет десятого номера данных периодических изданий [*Slovanský přehled* 1926. R. XVIII. Č. 1. S. 632].

Пристальное внимание обращал «Словански пршеглед» и на сложные отношения между различными белорусскими политическими группировками в Польше, констатируя

в начале 1927 г. углубление противоречий между двумя основными политическими течениями белорусов в Польше — рабоче-крестьянской Громадой, с одной стороны, и христианскими демократами и крестьянским союзом, с другой стороны. «Словански пршеглед» характеризовал данное противостояние как «борьбу правицы и левицы» [*Slovanský přehled* 1927. R. XIX. Č. 1. S. 58]. При этом Громада в процессе своей политической эволюции, по словам «Слованского пршегледа», все больше приближалась к «правоверному московскому коммунизму». Чехи отмечали, что единственное объединяющее оба направления начало состоит в широко распространенном недовольстве дискриминацией белорусского национального меньшинства, прежде всего в сфере образования [*Slovanský přehled* 1927. R. XIX. Č. 1. S. 59].

В качестве яркого примера нарушений прав белорусов в области образования пражский журнал ссылался на открытое письмо «Общества белорусской школы» маршалу Ю. Пилсудскому. В письме, в частности, говорилось о том, что, несмотря на всевозможные препятствия со стороны польской администрации, населением было подано столько деклараций за белорусские школы, что, в соответствии с законодательством, в прошедшем учебном году должно было быть открыто более 400 белорусских школ. Однако в действительности в явном противоречии с поданными декларациями не было открыто ни одной белорусской школы [*Slovanský přehled* 1927. R. XIX. Č. 1. S. 59].

Большое внимание «Словански пршеглед» уделил разгрому рабоче-крестьянской Громады польскими властями,

сообщив об аресте 15 января 1927 г. ее лидеров Б. Тарашкевича, С. Рак-Михайловского и П. Волошина. По мнению пражского журнала, действия польской администрации против Громады были проведены в рамках целенаправленной антикоммунистической акции, одновременно ударив и по другим важным культурным, образовательным и экономическим структурам белорусов в Польше, включая банк, гимназию и «Общество белорусской школы» [*Slovanský přehled* 1927. R. XIX. Č. 3. S. 133]. Основная причина репрессий польских властей против Громады, по мнению чехов, состояла в том, что попытки создания белорусских «карманных» политических партий пропольской направленности Варшаве в целом не удались, в то время как Громада смогла «объединить в своих рядах более 90 000 организованных членов и была на пути к обретению монопольного политического влияния в Западной Белоруссии. По этой причине, — отмечал «Словански пршеглед», — правая пресса с виленским помещичьим органом «Слово» во главе давно добивалась ликвидации Громады» [*Slovanský přehled* 1927. R. XIX. Č. 3. S. 135].

Вместе с тем «Словански пршеглед» отмечал критическое отношение части польской общественности к официальной политике Варшавы в отношении национальных меньшинств. В начале 1928 г. «Словански пршеглед» привел на своих страницах мнение издававшегося в Вильно польского «Курьера Виленского», который 15 сентября 1927 г. отмечал в одной из своих публикаций, что «ирредентистская деятельность Громады являлась следствием неверной школьной политики властей... в отношении

к белорусскому населению» [*Slovanský přehled* 1928. R. XX. Č. 2. S. 134]. Здесь же пражский славистический журнал информировал о продолжавшейся практике частой конфискации белорусской прессы. Так, за первые несколько месяцев 1928 г. газета «Селянская нива» конфисковывалась властями трижды; первый номер газеты «Сила працы», зарегистрированной в феврале 1928 г., был конфискован сразу же после своего выхода в свет [*Slovanský přehled* 1928. R. XX. Č. 2. S. 135].

Оценивая деятельность белорусского меньшинства в Польше в 1920-е годы, «Словански пршеглед» отмечал, что наиболее весомым успехом на поле парламентаризма было завоевание белорусами в ходе ноябрьских выборов 1922 г. 12 мест в сейме и 3 мест в сенате; однако «больше побед не было; белорусские требования не выполнялись. Сейчас на все белорусское население в Польше имеется лишь 4 гимназии и несколько начальных школ... Поэтому усиливалась оппозиция и наибольшую популярность завоевала рабоче-крестьянская Громада, которая, впрочем, была очень быстро распущена, а ее представители в парламенте арестованы...» [*Slovanský přehled* 1928. R. XX. Č. 5. S. 213].

Критическое отношение «Слованского пршегледа» к белорусской политике польских властей заметно усилилось в 1930-е годы. Чехи связывали усиление дискриминации белорусского меньшинства в Польше с тем обстоятельством, что в сентябре 1934 г. официальная Варшава устами министра иностранных дел Ю. Бека заявила в Женеве о том, что Польша не признает для себя действие международных соглашений о правах национальных мень-

шинств [*Slovanský přehled* 1936. R. XXVIII. Č. 1. S. 22]. Одним из конкретных последствий данного шага стало усиление репрессий в отношении белорусской прессы. «Словански пршеглед» констатировал в 1936 г., что «судебные процессы против белорусских газет стали обыденным явлением. Редактор «Нового шляха» В. Козловский был в 1935 г. осужден на 4 недели тюрьмы и 100 злотых штрафа за стихи, конфискованные в данном издании. По этой же причине был осужден редактор «Шляха моладзи» Найдюк на 2 недели тюрьмы и 50 злотых штрафа... Доктор Ф. Гришкевич за конфискованные стихи и Й. Кепель за статью были осуждены на месяц тюрьмы и 100 злотых штрафа... В чешской прессе уже обращалось внимание на то, — язвительно замечал «Словански пршеглед», — что особой «симпатией» польского правительства пользуются те белорусские деятели, которые учились в Праге. Так, доктор А. Станкевич был лишен места профессора в белорусском отделе государственной гимназии в Вильно и, скорее всего, будет переведен в начальную школу в отдаленной деревне...» [*Slovanský přehled* 1936. R. XXVIII. Č. 1. S. 22]. Единственной положительной новостью из западнобелорусских земель в составе Польши было, по мнению «Слованского пршегледа», решение виленского православного епископа о преподавании Закона Божьего на белорусском языке, принятое 7 октября 1936 г.

Во второй половине 1930-х годов «Словански пршеглед» констатировал общее «падение морали» на западнобелорусских землях, что нашло свое выражение «в убийствах, грабежах и других частых преступлениях» [*Slovanský*

přehled 1936. R. XXVIII. Č. 7. S. 251]. Причины этой деморализации пражский журнал связывал исключительно с тем, что, по его словам, белорусское население «не могло найти справедливости у польских властей... В целом можно утверждать, — заключал «Словански пршеглед», — что белорусы как народ являются в Польше бесправными. Ни польские власти, ни польская общественность не сотрудничают с белорусским меньшинством» [*Slovanský přehled* 1936. R. XXVIII. Č. 7. S. 251].

Последовательный и целенаправленный курс польских властей на полную ликвидацию белорусских национальных организаций и школ в Польше в конце 1930-х годов вызвал крайне критическую реакцию пражского журнала, который справедливо констатировал, что «под предлогом симпатий к коммунизму» или «угрозы для безопасности» имеет место сплошное преследование всего белорусского». В частности, «Словански пршеглед» подчеркивал, что в конце 1936 г. «были ликвидированы «Белорусский институт экономики и культуры» и «Товарищество белорусской школы»; в начале 1938 г. староста Вильно Черниховски принял решение прекратить деятельность Белорусского национального комитета. Одновременно были проведены обыски в редакциях белорусских газет «Христианская думка», «Самапомач», «Шлях моладзи»... Молодой поэт М. Танк за свой поэтический сборник был осужден 9 февраля 1938 г. на 6 месяцев тюрьмы...» [*Slovanský přehled* 1936. R. XXVIII. Č. 7. S. 251].

Ставка официальной Варшавы на усиление репрессий в отношении белорусского меньшинства, столь ярко про-

явившаяся в конце 1930-х годов, вызывала искреннее удивление пражского славистического журнала, авторы которого полагали, что это явно противоречит сложившимся реалиям и политической логике. Вместо того чтобы «опереться на белорусское население Виленщины в условиях претензий Литвы на Вильно и Виленский край», польское правительство, по словам «Слованского пршегледа», «проводит последовательную политику ассимиляции «кресув вхсходних» [*Slovanský přehled* 1936. R. XXVIII. Č. 7. S. 251].

Примечательно, что с мнением пражского славистического журнала, высказанным в конце 1930-х годов, солидарен современный польский исследователь из Белостока Е. Миронович. По мнению Е. Мироновича, «ориентация польского правительства на возможность решения белорусской проблемы путем ассимиляции белорусов и ликвидации белорусских структур оказалась противоречащей интересам государства. Не только советская пропаганда, но и практическая политика властей привела к усилению среди белорусского населения тенденций радикальной антигосударственной оппозиции» [*Mironowicz* 2007, s. 10]. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет поведение белорусского населения Западной Белоруссии в роковой для польского государства день 17 сентября 1939 г.

Показательно в этой связи, что в полностью оккупированной к тому времени нацистами Чехии, превращённой Берлином в протекторат Богемия и Моравия в составе германского рейха, чешское общественное мнение с полным пониманием отнеслось как к вступлению Красной армии в Западную Белоруссию и в Западную Украину 17 сентября

1939 г., так и к последующему включению этих территорий в состав СССР. Так, генеральный консул СССР в Праге Яковлев сообщал 21 сентября 1939 г. в НКВД СССР, что «после вступления Красной армии в Западную Белоруссию и в Западную Украину в кругах чешской интеллигенции... находится понимание советской политики. Некоторые «в шутку» говорят о том, что они завидуют белорусам и украинцам...» [Марьина 2007, с. 138].

Более того, о своём полном «понимании» и даже «одобрении» действий СССР в отношении Польши заявил в разговоре с послом СССР в Великобритании И. Майским 22 сентября 1939 г. и находившийся в эмиграции бывший президент Чехословакии Э. Бенеш [Марьина 2007, с. 137]. Подобная реакция, судя по всему, была результатом надежд чехов на усиление и последующую помощь СССР в освобождении от нацистской оккупации, а также их памяти об античехословацкой позиции Варшавы, столь ярко проявившейся в ходе Мюнхенского сговора в сентябре 1938 года. Однако немаловажную роль в формировании подобных настроений сыграла и последовательная критика национальной политики Варшавы в отношении белорусского и украинского меньшинства на страницах авторитетного в межвоенной Чехословакии славистического журнала «Словански пршеглед».

Источники и литература:

1. Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941. М., 2007.

2. *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007.
3. *Dorošenko D.* Bělorusové, jejich hnutí a písemnictví // *Slovanský přehled* 1914–1924. V Praze, 1925.
4. *Slovanský přehled.* 1925. R. XVII. Č. 7–8.
5. *Slovanský přehled.* 1925. R. XVII. Č. 9–10.
6. *Slovanský přehled.* 1926. R. XVIII. Č. 1.
7. *Slovanský přehled.* 1927. R. XIX. Č. 1.
8. *Slovanský přehled.* 1927. R. XIX. Č. 3.
9. *Slovanský přehled.* 1928. R. XX. Č. 2.
10. *Slovanský přehled.* 1928. R. XX. Č. 5.
11. *Slovanský přehled.* 1936. R. XXVIII. Č. 1.
12. *Slovanský přehled.* 1936. R. XXVIII. Č. 7.

Денисов А.В.

К вопросу об авторстве проекта Минской фабрики-кухни и сроках ее строительства

Минская фабрика-кухня является памятником архитектуры, выполненным в стиле конструктивизма. Подобные здания на просторах СНГ давно являются объектами тщательных исследований [Исаков 2014]. В истории проектирования здания и строительства предприятия существует множество «белых пятен», которые необходимо прояснить. В статье мы сосредоточимся на данных вопросах, потому что в их отношении мнения специалистов расходятся.

В 1988 г. вышел том «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі», посвященный Минску. В материале, посвященном Минской фабрике-кухне, А.А. Митянин указал, что дата постройки здания — 1936 г., имя архитектора указано не было [Мицянін 1988, с. 193–194]. Профессор С.А. Сергачев в своей статье, опираясь на периодические издания 1930-х, указал, что закладка фабрики-кухни в Минске состоялась 8 марта 1930 г., а уже построенное предприятие начало свою работу в январе 1935 г. [Сергачев 2006, с. 10–12].

Французский исследователь Ф. Белла в книге «Минск: Архитектура столицы. 1917–1956» назвал Минскую фабрику-кухню столовой Белорусского государственного университета (БГУ) и присвоил авторство проекта советскому

архитектору И.К. Запорожцу. На наш взгляд, это является ошибкой [Белла 2020, с. 15]. Фабрика-кухня занималась организацией питания как студентов БГУ, так и студентов других учебных заведений Минска, но не входила в структуру БГУ. И.К. Запорожец вместе с архитектором Г.Л. Лавровым работали над проектом комплекса зданий БГУ, но не имели отношения к проектированию фабрики-кухни.

Кто был автором проекта здания Минской фабрики-кухни?

С середины 1920-х гг. в жилищно-коммунальной политике советской власти начали доминировать принципы коллективизма в организации жилого пространства. Началась реализация проектов строительства «домов-коммун», где жильцы проводили свободное от работы время вместе, а квартирам отводилась роль «спальной ячейки». Для коллективного культурного досуга строились клубы и дворцы культуры. Питание также должно было являться коллективным актом. Задачи производства порционной еды и кормления трудящихся были возложены на так называемые фабрики-кухни — крупные предприятия общественного питания, которые включали в себя производственные цеха, торговые помещения и обеденные залы. Фабрики-кухни выполняли важную идеологическую функцию: освобождали женщин-работниц от приготовления пищи на дому. Первая фабрика-кухня была открыта в 1925 г. в Иваново, а затем началось широкое строительство подобных предприятий, в первую очередь в Москве и Ленинграде, а также в других крупных городах республик

СССР [Кузнецова 2009, с. 66–67]. Проекты предприятий, технологические схемы производства, новые механизмы для обработки продуктов разрабатывались паевым товариществом «Народное питание» («Нарпит»), основанным в 1923 г. [Кузнецова 2009, с. 68].

В Минске ситуация с общественным питанием в середине 1920-х гг. была достаточно сложной, существующие столовые не удовлетворяли потребностей населения города, особенно рабочих и служащих. Первые предложения о постройке в столице БССР фабрики-кухни датировались 1927 г. В 1928 г. СНК БССР издал постановление по докладу Белорусской рабочей секции (Белрабсекции) о состоянии и задачах общественного питания. Белрабсекции и Государственной плановой комиссии при СНК БССР (Госплану) было поручено преступить к подготовке типовых проектов для строительства новых крупных столовых [НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 734, л. 30–31]. В начале 1929 г. был рассчитан примерный проект фабрики-кухни, которая должна была снабжать обедами и полуфабрикатами крупные предприятия и государственные учреждения города. К разработке архитектурного проекта здания были привлечены специалисты общества «Нарпит» [НАРБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 285, л. 10].

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации (БГАНТД) в фонде архитектора И.И. Володько находится машинописный список наиболее значимых жилых и общественных сооружений Минска, построенных в 1920–1940-е гг., составленный самим архитектором. У Минской фабрики-кухни от руки вписа-

на фамилия «И.Я. Груберт», а год постройки — 1937-й [ГАНТДРБ Ф. 105. Оп. 1. Д. 59, л. 2]. Нам уже ясно, что год постройки указан ошибочно. Скорее всего, во время составления списка И.И. Володько не располагал многими документами и вносил информацию по памяти. Тем не менее именно этот документ долгое время был важным и в некоторых случаях основным источником информации для историков архитектуры Минска. Но никто из исследователей, занимавшихся проблемой белорусской архитектуры, не мог ничего сказать по поводу фамилии «И.Я. Груберт».

Несмотря на то, что в белорусских архивах отсутствуют документы Минского центрального рабочего кооператива (МЦРК), который занимался строительством новых столовых общественного питания и Минской фабрики-кухни, за 1929–1936 гг., эти процессы широко освещались в центральной республиканской прессе, в газетах и журналах того времени.

6 февраля 1930 г. газета «Чырвоная змена» написала о приезде в Минск инженеров-архитекторов паевого товарищества «Нарпит». На расширенном заседании МЦРК был утвержден проект фабрики-кухни. На страницах газеты был изображен эскиз проекта, указаны имена авторов с фото. Несмотря на то, что газета выходила на белорусском языке, фамилии были даны без расшифровки с явно русскоязычными инициалами: «Губерт I.E.» и «Краснашчокаў Я.М.». Сообщалось, что фабрика-кухня будет построенная в Минске на пересечении улиц Интернациональной и Володарского, будет производить до 24 000 обедов, все производственные процессы в ней будут механизирова-

ны, обеды на верхние этажи будут подаваться на лифтах. Внутри фабрики-кухни планировалось 3 обеденных зала на 1000 человек, магазин для продажи полуфабрикатов и закусочная, специальные комнаты отдыха, красный уголок и библиотека с читальным залом. На плоской крыше планировалась летняя терраса.

Таким образом, над проектом работали два человека: архитектор и инженер. Об архитекторе И.Е. Губерте до настоящего времени информации найти не удалось, но, возможно, он работал в паевом товариществе «Нарпит» и занимался проектами столовых и фабрик-кухонь. О втором авторе, Я.М. Краснощекове, известно больше.

Яков Михайлович Краснощеков (Краснощек) родился в конце 1880-х гг. в украинском местечке Чернобыль Киевской губернии. Его старший брат Александр Краснощеков был активным деятелем социал-демократического кружка в Киеве, профессиональным революционером. Из-за политического преследования Я.М. Краснощеков был вынужден уехать с братом в Америку, где получил образование инженера-конструктора. А.М. Краснощеков продолжал поддерживать связи с социалистами как Америки, так и Российской империи, в том числе с В.И. Лениным и М.С. Урицким.

После февральской революции А.М. Краснощеков вернулся в Россию и вошел в руководство Дальневосточной Республики (ДВР), возглавив правительство этого государственного образования. После ликвидации ДВР в 1921 г. А.М. Краснощеков переехал в Москву, стал заместителем народного комиссара финансов, а в 1922 г. руководил Рос-

сийским торгово-промышленный банком (Промбанк), основными направлениями которого были кредитование промышленности, привлечение инвестиций, денежные переводы из-за границы в Советскую Россию.

Я.М. Краснощеков тоже переехал в Москву, где организовал акционерное общество «Американско-русский конструктор» (АРК), которое получило регистрацию 9 мая 1923 г. Общество занималось строительными работами на всей территории РСФСР. Промбанк финансировал многие проекты АРК. Кроме этого Краснощековы активно привлекали средства из Америки и Великобритании, пользуясь своими связями [Казусь 2009, с. 207].

В сентябре 1923 г. братья Краснощековы и ряд их коллег были арестованы по обвинению в злоупотреблениях и финансовых махинациях. Одним из пунктов обвинения было незаконное выделение средств на строительные проекты АРК. А.М. Краснощеков получил 7 лет заключения со строгой изоляцией, а Я.М. Краснощеков — 3 года тюрьмы и 3 года поражения [Жирнов 2012, с. 47].

После освобождения и возвращения прав Я.М. Краснощеков работал инженером в товариществе «Нарпит», в результате чего оказался в Минске с проектом фабрики-кухни.

В 1936 г. Я.М. Краснощеков был повторно арестован и за связь с иностранцами осужден на 10 лет в Норильском исправительно-трудовом лагере, а А.М. Краснощеков был расстрелян 26 ноября 1937 г.

Как указывает профессор Б. И. Мухачев, после освобождения Я.М. Краснощеков остался в Норильске, опасаясь новых преследований и обвинений [Мухачев 1999,

с. 212–213]. Имя Я.М. Краснощекова, как и имена других репрессированных специалистов, было предано забвению. Вероятно, это послужило причиной того, что И.И. Володько не внес имя одного из авторов проекта фабрики-кухни в список, составленный в 1940-х гг., а ограничился лишь упоминанием фамилии архитектора И.Е. Губерта, написанной как «И.Я. Груберт».

Почему между началом строительства и введением здания фабрики-кухни в эксплуатацию прошел длительный срок?

Строительство фабрики-кухни было поручено Белорусскому отделению Всероссийской центральной государственной строительной конторы ВСНХ РСФСР («Белгосстрой»). После утверждения проекта, начался этап поиска места для строительства здания в Минске. Крупнейшее предприятие общественного питания должно было находиться в центре, по возможности в равной удаленности от районов, где были сосредоточены общественные учреждения и промышленные предприятия.

Как уже отмечалось выше, место строительства фабрики-кухни было определено на пересечении улиц Володарского и Интернациональной. Для начала строительства здания на этом месте необходимо было предварительно снести находящийся на участке дом. Перед МЦРК было поставлено условие построить аналогичный дом в другом месте вместо снесенного [ГАМО. Ф 6. Оп. 1. Д. 211, л. 100]. В условиях, что использование данного участка повлекло бы дополнительные затраты, предложение было отклонено.

На заседании президиума Минского городского совета 29 февраля 1930 г. был определен альтернативный вариант — участок в районе «Свердловского рынка» (современный Михайловский сквер в Минске) [ГАМО. Ф 6. Оп. 1. Д. 211, л. 173]. Удачным казалось близкое расположение железнодорожного вокзала и университетского городка, откуда должны были идти на обед и ужин студенты и работники. Однако по неизвестным причинам и это предложение было отклонено.

Окончательным решением стало начать стройку позади здания бывшего костела святых Симона и Елены (с 1932 г. — Государственный польский театр БССР) по улице Свердлова. На этом участке отсутствовали капитальные здания, рядом велась стройка Дома правительства, располагался университетский городок БГУ. СНК БССР в декабре 1929 г. поднимал вопрос об обеспечении рабочих, занятых на стройке Дома правительства, качественными обедами и предлагал построить отдельную столовую [НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 703, л. 67–68]. Фабрика-кухня, построенная в период 1930–1931 гг., могла бы взять на себя снабжение питанием рабочих этой крупной стройки.

Закладка Минской фабрики-кухни состоялась 8 марта 1930 г. Этот день был выбран не случайно: фабрики-кухни выполняли идеологическую функцию — благодаря автоматизированным столовым советская работница освобождалась от «кухонного рабства» и становилась активным членом общества. Как отмечала пресса: «...это большой скачок к освобождению работницы от домашнего кухонного труда, от возни с кастрюлями после работы и пря-

мой путь к коллективизации нового быта» [*Беларуская работніца...* 1930, с. 12].

Однако уже 31 марта 1930 г. на заседании президиума Минского горсовета депутатов была рассмотрена жалоба МЦРК на «Белгосстрой», который затягивал поставки строительных материалов к объекту строительства фабрики-кухни. Минский совет обязал Экономический совет при СНК БССР принять меры и перевести фабрику-кухню в список объектов первоочередного строительства.

В списке промышленного и ведомственного строительства, утвержденном президиумом ВСНХ БССР 8 августа 1930 г., фабрика-кухня была внесена в группу первоочередных объектов вместе с Домом печати, главным корпусом БГУ, Домом правительства, зданием таможни в Негорелом на советско-польской границе и другими объектами.

В августе 1930 г. журнал «Кааперацыя БССР» поместил материал о строительстве фабрики-кухни с фотографиями. Автор отмечал, что строительство идет быстрым темпом, на стройке занято несколько сотен рабочих, есть строительная техника. По его словам, стройка должна была закончиться максимум в 1931 г. На фото в журнале виден заложенный фундамент и построенный цокольный этаж. Если бы такой темп продолжался, то здание было бы построено в установленный срок [*Гаранскі* 1930, с. 64–65].

К осени 1930 г. возобновились споры между МЦРК и Минским городским строительным трестом («Минскстройтрест») об обеспечении стройки Минской фабрики-кухни необходимыми строительными материалами и рабочей силой. Комиссия, созданная для определения

виновного по срыву сроков строительства, не смогла добиться серьезных изменений. В итоге строительство было заморожено.

В 1931 г. в плане строительства по линии Белорусского союза кооператоров фабрика-кухня была включена в план ударного строительства. Сумма затрат на постройку составила 1 321 000 рублей [ГАМО Ф. 351. Оп. 1. Д. 4, л. 177–178]. Вопреки этому серьезных результатов работы в 1931 г. не наблюдалось.

В 1932 г. в фондах организаций отсутствует информация о строительстве фабрики-кухни, хотя как объект она была включена Белорусским союзом кооператоров в список столовых Минска в 1932–1933 гг. На фабрике-кухне числилось 10 работников, которые получали зарплату в размере 1046 рублей в месяц [НАРБ Ф. 296. Оп. 1. Д. 427, л. 7–9]. Скорее всего, это были представители администрации и персонал, закрепленный за строящимся зданием.

Недостроенная фабрика-кухня была включена во II 5-летний план развития общественного питания (1932–1937 гг.). В этом плане ставились цели улучшения качества и калорийности пищи, снижения цен на готовую продукцию, улучшения качества обслуживания потребителя, увеличения производительности труда и расширение сети ресторанов, кафе и закусочных по всей Беларуси. План, как и все прочие эпохи великих строек, был амбициозным. Предполагалось, что к 1937 г. до 40,2 % городского населения будут питаться в столовых общественного питания (72% рабочих, 100% студентов и 35 % всех школьников). Норма порций увеличится с 382 грамм в 1932 г. до

530 грамм в 1937 г. Запуск и работа фабрики-кухни в Минске должны были сильно увеличить производительность труда в общепите за счет механизации производственных процессов. Фабрика-кухня должна была выпускать 159 блюд на одного человека в год [НАРБ, Ф. 332. Оп. 1. Д. 230, л. 24–26].

И только в 1933 г. фабрика-кухня появилась в плане распределения строительных материалов Минскстройтреста. Начались большие объемы поставок на строящийся объект: 80 тонн цемента, 100 тонн гвоздей, 600 кг изделий из железа, 1000 квадратных метров стекла и других материалов [ГАМО, Ф. 351. Оп. 1. Д. 59, л. 177]. По всей вероятности, пик строительства пришелся на 3–4-й квартал 1933 г. и начало 1934 г. В 1934 г. на Минской фабрики-кухне производились отделочные работы. Из отчетов в ЦК КП(б)Б, датированных июлем 1934 г., известно, что строительство фабрики-кухни возглавлял А. Великоселец. Он жаловался на плохую работу Белорусского промышленного строительного треста («Белпромстройтрест», ранее — «Белгосстрой»), в частности, на его представителей Вассермана и Вайнера [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 7166, л. 33]. А. Великоселец указывал на отсутствие смет строительных работ, которые должны были быть поданы в Москву; приостановление монтажных работ, прокладки канализации и парового отопления. Представители Белпромстройтреста осуществляли работу с нарушениями норм [НАРБ, Ф. 4П. Оп. 1. Д. 7166, л. 35]. Великоселец требовал снять Вайнера с занимаемого поста, обвиняя в некомпетентности и самоуправстве.

Газета «Звезда» 16 августа 1934 г. писала, что строительство фабрики-кухни завершается, а ее открытие должно состояться в 17-ю годовщину Октябрьской революции (25 ноября 1934 г.). Тогда же прозвучала новая цифра о мощности производства — «65 000 блюд в сутки». Предполагалось, что фабрика-кухня будет работать на 50% своих мощностей в 4-м квартале 1934 г.

В назначенную дату фабрика-кухня осталась закрытой. Не заработала она и на протяжении декабря 1934 г. В этот период происходила установка оборудования и комплектовался штат работников.

Администрацией предприятия был разработан план работы на 1935 г. Структуру Минской фабрики-кухни составляли 2 общедоступных зала, студенческий зал, 1 ресторан, билiardная на 5 столов, производственные и вспомогательные цеха (суп плиточный, холодный, кондитерский на 1 печь, вафельный цех, мороженый на 3 мороженицы, мясо-рыбный, овощной, крахмальный, холодильник для хранения продуктов), механическая котельная, бойлерное отделение и транспортный отдел с 2 грузовыми и 1 легкой автомашиной [ГАМО, Ф. 174. Оп. 1. Д. 3, л. 14].

Согласно плану среднегодовой контингент питающихся на фабрике студентов был рассчитан на 4500 человек (3 блюда в день), на партийный актив — 1000 человек (4 блюда в день), на вывоз полуфабрикатов — 3000 штук в день, на прочих потребителей — 477 человек (2,2 блюда). В плане отсутствовала точная информация о целевых потребителях полуфабрикатов и объемах их поставок на предприятия [ГАМО, Ф. 174. Оп. 1. Д. 3, л. 1–3].

Запланированное среднесписочное количество работников, занятых на фабрике-кухне, было 487 человек. Общий годовой оборот по плану должен был составлять 7 441 925 рублей (закрытая сеть, открытая сеть и киоски).

В январе 1935 г. газеты написали об открытии Минской фабрики-кухни, все желающие могли посещать ее обеденные залы и ресторан.

Таким образом, на основе приведенных данных можно сделать следующие выводы. Авторами проекта Минской фабрики-кухни были два человека — архитектор И.Е. Губерт и инженер Я. М. Краснощеков. Этот проект был утвержден на расширенном заседании МЦРК 6 февраля 1930 г., затем публиковался в прессе и был представлен на Всебелорусской строительной выставке в Минске. Если о И.Е. Губерте точной информации найти не удалось, то инженер Я.М. Краснощеков был достаточно известной личностью в 1920-е гг. Но, поскольку в 1936 г. он был арестован по обвинению в шпионаже и вредительской деятельности, его имя было вычеркнуто из упоминаний, а на момент составления списка зданий Минска архитектором И.И. Володько еще не началась кампания реабилитации репрессированных, поэтому Я.М. Краснощеков не был упомянут как автор проекта Минской фабрики-кухни. В списке И.И. Володько указан только И.Е. Губерт, при этом его имя написано как «И.Я. Груберт». Мы склонны считать, что фамилия архитектора именно И.Е. Губерт.

Строительство Минской фабрики-кухни началось 8 марта 1930 г. Однако практически сразу же стройка стала испытывать нехватку рабочей силы и строительных материалов,

о чем несколько раз упоминалось на заседаниях Минского городского совета. Первоначальный срок постройки объекта, конец 1931 г., был сорван, и строительство затянулось. Доступные нам данные позволяют сделать вывод, что серьезных строительных работ в 1931–1932 гг. на объекте не проводилось, строительство было возобновлено в 1933–1934 гг. и к концу 1934 г. было фактически закончено, о чем было объявлено в прессе.

Если сравнивать со строительством других крупных фабрик-кухонь на территории в России, то там тоже были случаи затяжного строительства. Например, 8 марта 1930 г. состоялась закладка фабрики-кухни в Самаре у завода имени Масленникова. Самарская фабрика-кухня, сконструированная по проекту архитектора Е.Н. Максимова, была крупнейшим зданием подобного типа во всем Средневолжском крае. Строительство этой фабрики-кухни № 2 в Самаре было завершено к 1932 г., хотя во время строительства местные организации столкнулись с задержкой рабочих чертежей из Москвы, нехваткой рабочей силы и стройматериалов [Кузнецова 2009, с. 66–72]. В городе Иваново в сентябре 1930 года была заложена фабрика-кухня «Нарпит №2» по проекту архитектора А.А. Журавлева. Стройка тоже затянулась, и объект был построен к 1932 г.

План строительства Минской фабрики-кухни предусматривал «рекордно» быстрые сроки (окончание в 1931 г.), однако на практике первоначальный срок был превышен более чем на 3 года. На наш взгляд, к затягиванию сроков привела совокупность разных факторов, среди которых нехватка специалистов и строительных материалов в респуб-

лике, перебои с финансированием и перераспределение сил и средств на другие важные объекты. В 1932 г. секретарь ЦК КП(б) Беларуси Н.Ф. Гикало распорядился ускорить строительство Дома правительства в Минске и направить на его стройку основные ресурсы. Стоит обратить внимание и на то, что строительством фабрики-кухни в различные периоды занималось несколько организаций: «Белгосстрой» в 1930 г., «Минскстройтрест» в 1931–1933 гг., «Белпромстройтрест» в 1934 г.

Таким образом, основное строительство Минской фабрики-кухни было завершено к концу 1934 г., а ее начало ее работы как предприятия общественного питания — январь 1935 г.

Источники и литература:

1. Беларуская работніца і сялянка. № 10. 1930. С. 12.
2. Белла Ф. Минск: Архитектура столицы. 1917–1956. М.: Кучково поле, 2020. 192 с.
3. Гаранскі С. Па шляху дасягненняў // Кааперацыя БССР. № 6(7). 1930 С. 64–65.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф 6. Оп. 1. Д. 211. Л. 100.
5. ГАМО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАМО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАМО. Ф. 351. Оп. 1. Д. 59.
8. Государственный архив научно-технической документации Республики Беларусь (ГАНТДРБ) Ф. 105. Оп. 1. Д. 59.
9. Жирнов Е. Дело о злоупотреблении доверием партии // Коммерсантъ Деньги. №7. 2012. С. 47.

10. *Исаков А.С.* Особенности архитектуры трех ленинградских фабрик-кухонь 1920–1930-х годов // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. № 3. 2014. С. 15–20.
11. *Кузнецова Е.А.* Фабрика-кухня. Социальный заказ в советской архитектуре 20–30-х годов XX века // Баландинские чтения. История и археология. 2009. С. 66–72.
12. *Мицянін А.А.* Фабрыка-кухня // Збор помнікаў гісторыі і культуры. Мінск. Мн.: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1988. С. 193–194.
13. *Мухачев Б.И.* Александр Краснощеков. Историко-биографический очерк. Владивосток, 1999. С. 212–213.
14. НАРБ. Ф. 4П. Оп. 1. Д. 7166.
15. НАРБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 427.
16. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 703.
17. НАРБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 427.
18. НАРБ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 230.
19. *Сергачев С.А.* Фабрика-кухня в Минске // Архитектура и строительство. 2006. № 1. С. 10–12.

Кулинок С.В.

Документы о деятельности партизанских формирований РСФСР в фонде Белорусского штаба партизанского движения

В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранится фонд № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения» (БШПД), который включает в себя более 11 тыс. единиц хранения и в настоящее время является одним из самых актуальных и востребованных для исследователей, занимающихся изучением военной истории. Осознавая ценность и значимость партизанских документов для истории, еще в марте 1944 г. заместитель начальника БШПД И. Ганенко разослал во все партизанские соединения БССР сообщение, в котором указывал: «В целях накопления для истории документов, отражающих развитие партизанского движения Белоруссии, тщательно собирайте их. По возможности отправляйте в штаб или храните на месте. Закладывайте указанные материалы в надежно укрытые места для последующего изъятия по освобождению районов от оккупантов» [НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 357, л. 163].

Первые документы будущего фонда БШПД начали формироваться летом 1943 г. 19 июля 1943 г. на имя директора Партийного архива ЦК КП(б)Б Ф. Попова было направлено сообщение от начальника секретного отдела БШПД М. Королева, в котором отмечалось: «По указа-

нию ЦК КП(б)Б посылаем Вам дела партизанских бригад и отрядов, доставленные через опергруппу Калининского фронта из тыла врага для архивного хранения» [НАРБ. Ф. 1450 (3500). Т. 1, л. 1]. Всего за 1943 г. было осуществлено 17 передач документов. Особые условия хранения касались разведывательных документов, которые начали поступать в декабре 1943 г. В сопроводительном письме из БШПД от 11 декабря 1943 г. указывалось: «Препровождая Вам для архивного хранения литерные дела разведывательного отдела БШПД в количестве пяти пачек, согласно прилагаемой описи, прошу Вас хранить их совершенно отдельно от всех материалов не вскрытыми пачками до особого нашего указания. Не исключена возможность их потребности в штабе» [НАРБ. Ф. 1450 (3500). Т. 1, л. 57–58]. Работа по передаче партизанских документов на хранение активно продолжалась и в 1944 г. и была связана с деятельностью группы по ликвидации дел БШПД.

На момент объединения Партархива Института истории партии при ЦК КПБ и Белгосархива и образования НАРБ (1995 г.) в фонде насчитывалось 23 описи и 10 619 дел. В 2004 г. было начато усовершенствование описей фонда, поскольку заголовки дел не соответствовали содержанию документов, крайние даты и количество листов в делах также требовали уточнения. В результате проведенной работы фонд № 1450 состоит из 24 описей и 11 108 единиц хранения [НАРБ. Ф. 1450 (3500). Т. 1, л. 63].

Цель данной статьи обзорно рассказать об основных видах и группах документов по истории партизанских соединений РСФСР, отложившихся в фонде БШПД, а также

представить новые выявленные документы (около 60), касающиеся партизанского движения на территории Молвотицкого района¹ Ленинградской области в 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны на территории БССР развернулось массовое всенародное партизанское движение. Активная борьба с оккупантами велась не только в Беларуси, но и на порубежных территориях, где формирования белорусских «лесных солдат» тесно взаимодействовали с партизанскими соединениями из России, Украины и Прибалтики. Боевое содружество партизан советских республик проявилось в постоянных организационных контактах, взаимопомощи оружием и боеприпасами, совместном проведении операций на коммуникациях противника, против его опорных пунктов и карательных экспедиций, создании партизанских краев и зон.

Взаимодействие белорусских и российских партизанских сил было самым масштабным как по территории совместной деятельности, так и по продолжительности во времени, по числу совместно созданных партизанских групп, отрядов, бригад, временных соединений, по количеству и значимости совместно проведенных операций. По данным белорусского историка Анатолия Кривороты за период с 1941 по 1944 г. общее количество совместно организованных отрядов белорусскими и российскими партизанами составило 124, бригад — 35. Совместными усилиями было организовано 67 ударов по коммуникациям противника, 52 — по опорным пунктам оккупантов, 57 совместных

¹ Район существовал с 1927 по 1963 г.

боевых операций в период проведения карательных экспедиций нацистов [Криворот 2017, с. 247, 267–289].

Безусловно, такая активная оперативно-разведывательная деятельность российских партизан, которая очень часто велась на территории БССР, привела к тому, что был сформирован значительный корпус документов по их истории, который вошел в состав фонда № 1450. Партизанские материалы имеются как в подлинниках, так и в копиях. Встречаются черновики и умноженные оригиналы, а также машинописные и рукописные тексты, которые создавались перьевой ручкой и карандашом. Внешний вид некоторых документов несет на себе последствия партизанской жизни — многочисленные следы грязи, пребывания в воде, тексты размыты и плохо читаемы. В соответствии с принятой в источниковедении классификацией источники фонда № 1450 можно отнести в основном к документальным — материалам делопроизводства и статистическим материалам. Согласимся с мнением белорусского историка Е. Я. Павловой о том, что «большая часть находящихся на хранении в НАРБ источников, с точки зрения кодировки и форм фиксации информации является письменной и так или иначе связанной с делопроизводством» [Павлова 2011, с. 108].

Архивные дела неравноценны по количеству отложившихся в них материалов. В ряде случаев документы о деятельности партизанских формирований РСФСР входят в состав единиц хранения (дел) вместе с документами партизанских формирований Беларуси и их руководящих органов (представительств, штабов и др.) [НАРБ. Ф. 1450.

Он. 1. Д. 894, Д. 900, Д. 910, Д. 911, Д. 931, Д. 936, Д. 940], [НАРБ. Ф. 1450. Он. 4. Д. 17]. Например, отчеты и донесения командования партизанских формирований Калининской, Смоленской и Витебской областей о боевой и диверсионной деятельности и численном составе за период с июня 1943 г. по август 1944 г. сформированы в одно дело [НАРБ. Ф. 1450. Он. 1. Д. 910, л. 1–150]. По аналогичному принципу сформированы и автобиографии партизан вышеназванных партизанских областей [НАРБ. Ф. 1450. Он. 1. Д. 943, л. 1–40; 22, л. 1–36], а также наградные документы на них [НАРБ. Ф. 1450. Он. 1. Д. 932, л. 1–29]. Такое формирование дел обусловлено территориальным фактором (географической близостью областей), а также тем, что в определенные периоды времени российские и белорусские партизанские формирования могли находиться в подчинении одного руководящего органа.

Вместе с этим отметим, что большая часть документов все-таки сформирована по принципу «отрядности», то есть с включением материалов по одному конкретному партизанскому формированию [НАРБ. Ф. 1450. Он. 1. Д. 895, л. 1–80; 14, л. 1–105]. Например, в отдельное дело выделен корпус документов о деятельности 17-й партизанской бригады Смоленской области за май — октябрь 1943 г. (отчеты и донесения командования о боевой, разведывательной и диверсионной работе; оперативной обстановке в Руднянском и Касплянском районах; рапорты командования о предоставлении отпусков; характеристики на личный состав и др.) [НАРБ. Ф. 1450. Он. 1. Д. 912, л. 1–196]. Документы, связанные с боевой и диверсионной деятельностью,

политмассовой работой на оккупированных территориях с данными по личному составу 1-й Смоленской, и 16-й Смоленской также сведены в отдельные дела [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 915, л. 1–33; 15, л. 1–35].

Укажем на то, что весь корпус документов поддается различным видам классификации (видовой, хронологической, тематической, по месту создания и др.), что позволяет выделять группы документов в зависимости от целей и задач дальнейших исследований.

Для характеристики выявленных нами документов разделим их на три условные группы:

1) Материалы, связанные с боевой, разведывательной и диверсионной деятельностью российских партизанских соединений.

2) Документы по личному составу «народных мстителей».

3) Картографический (иллюстративный) материал.

К первой группе можно отнести: «Описания боевых операций, проведенных партизанскими бригадами Калининской и Смоленской областей» (апрель 1942 — декабрь 1943 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 934, л. 1–17], «Заявки Смоленского партизанского полка на вооружение, боеприпасы, медикаменты» (март — июнь 1944 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1035, л. 1–6]; «Документы о боевых действиях 1-й Смоленской партизанской бригады» (июль — декабрь 1943 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 864, л. 1–7]; «Документы о боевой и диверсионной деятельности партизанской бригады Стрелкова (Смоленская область)» (июль — август 1942 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 50, л. 1–50]; «Докумен-

ты о боевой, диверсионной и политмассовой деятельности 16-й Смоленской партизанской бригады (июнь 1943 — май 1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 61, л. 1–177]; «Справка об истории возникновения, организации, боевой, диверсионной, политмассовой деятельности 16-й Смоленской бригады» (август 1944 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 62, л. 1–55]; «Документы о боевой, диверсионной, политмассовой деятельности Смоленского партизанского полка» (август 1943 — июнь 1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 63, л. 1–129]¹; «Документы об истории организации, возникновения, боевой и диверсионной деятельности 1-й Смоленской партизанской бригады» и «Отчет о боевой деятельности 1-й Смоленской партизанской бригады за февраль — 1 октября 1943 г.» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 64, л. 121–129; 40, л. 1–2]; «Документы о боевой, диверсионной и политмассовой деятельности 1-й Смоленской партизанской бригады» (январь 1943 — июль 1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 67, л. 1–137]; «Документы об организации и действиях Молвотицкого партизанского отряда Ленинградской области» (август — декабрь 1941 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 893, л. 1–142]. Кроме того, ряд сведений о деятельности Смоленского партизанского полка и 16-й Смоленской партизанской бригады встречается в оперативных сводках БШПД за 1944 г. [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 961, л. 1–9, 20–31, 34–45, 48–70, 72–77, 82–100, 135–157], [Оперативные сводки... 2019, с. 57–59, 73, 99, 115, 155, 170, 171, 206, 218, 268, 296].

¹ В этом же деле представлены №№ 1–8, 10–24 партизанской газеты «Народный мститель».

Документы по личному составу представлены в следующих делах: «Список личного состава 3-го отряда 2-й бригады Смоленской области» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 930, л. 40–47], «Автобиографии и списки агентурных работников 1-й Смоленской бригады» (август 1943 — июль 1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 38, л. 210–239], «Списки личного состава Смоленского партизанского полка Витебской области» (февраль 1942–1944 гг.; июнь 1942–1944 гг.; 16 июля 1943 г.; май 1944 г.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 219, л. 1–99], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 362, л. 1–158], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 364, л. 1–105], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 379, л. 1–70], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 13. Д. 172, л. 3–68]; «Список личного состава 16-й Смоленской партизанской бригады Витебской области» (1941–1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 363, л. 1–298], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 382, л. 1–190]; «Список личного состава 1-й Смоленской партизанской бригады Витебской области» (191–1944 гг.) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 384, л. 1–194], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 410, л. 1–46], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 438, л. 1–116], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 345, л. 1–112], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 346, л. 1–130]. Отдельно отметим такую группу документов, как личные листки по учету кадров на рядовой и сержантский состав вышеназванных партизанских формирований [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 151, л. 1–578], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 152, л. 1–444], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 153, л. 1–363], [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 194, л. 1–258]. В этих документах концентрированно представлены основные биографические данные на партизан, в том числе описания их боевых

подвигов, характеристики и т.д. Еще одна группа документов представлена материалами группы БШПД по учету партизанских потерь. Это списки потерь Смоленского партизанского полка [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 6. Д. 198, л. 1–19] и 16-й Смоленской партизанской бригады [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 6. Д. 184, л. 1–59]. Изучение и анализ этих документов позволят установить численность данных российских партизанских соединений на различных временных этапах, получить данные о понесенных потерях, а также установить биографические данные на отдельных партизан.

Картографические и изобразительные материалы по обозначенной проблеме представлены следующими документами: «Карта Демидовского района Смоленской области» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 934, л. 18], «Карта Починковского района Смоленской области» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 936, л. 287], «Карта дислокации партизанских формирований Витебской и Смоленской областей на 1 февраля 1943 г.» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 63, л. 1], «Оперативная карта выхода из окружения 3-го отряда (ком. И.Р. Шлапачков) 1-й Смоленской бригады на 3–8 мая 1944 г.» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 254, л. 1], «Оперативная карта Полоцка и прилегающих территорий с указанием дислокации 16-й Смоленской бригады и Смоленского партизанского полка и направлений ударов военно-полицейских сил противника» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 255, л. 1].

Хочется более подробно остановиться на документах, связанных с деятельностью партизанских отрядов на территории Молвотицкого района Ленинградской области осенью-зимой 1941 г. Первый вопрос, который возникает,

как эти документы оказались в фонде БШПД? Ведь регион деятельности этих отрядов не являлся сопредельной с БССР территорией. Не было единого органа управления партизанского движения. В начале войны эти вопросы курировали органы НКВД/НКГБ (особенно кадровое обеспечения движения Сопротивления). В июле 1941 г. при Главном Политическом Управлении Красной Армии и политуправлениях фронтов были созданы отделы, а в политотделах армий — отделения, которые должны были заниматься вопросами организации партийно-массовой работы среди населения оккупированных территорий, а также руководить партизанским движением [*Партизаны...* 2008, с. 194–195].

Тем не менее в фонде № 1450 НАРБ хранится уникальный корпус документов (более 60) [*НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 893, л. 1–142*], касающихся различных аспектов партизанского движения на территории Молвотицкого района. Абсолютное большинство выявленных документов — рукописные оригиналы, и только 10 — машинописные оригиналы или копии. Физическое состояние документов удовлетворительное, только некоторые из них имеют механические повреждения. Видовое разнообразие документов также весьма значительно: различные донесения (9), докладные записки (11), списки личного состава (6), отчеты различного уровня (4), протоколы партийных собраний и опросов бойцов (8), рапорты, акты, заявления, сведения о вооружении отряда, лист учета партизанских отрядов, справки и др. Такое разнообразие позволяет говорить о различных аспектах партизанской борьбы: материально-

техническое обеспечение отрядов, характеристика личного состава, политмассовая работа с бойцами и населением, боевая и диверсионная работа, взаимоотношения между бойцами и командирами, достижения и трудности в деятельности отрядов. Хронологические рамки выявленных документов охватывают период с 30 августа по 30 декабря 1941 г.

Из выявленных документов можно заключить следующее: партизанский отряд «Боевой» (командир — В. Я. Федотков, начальник штаба — Алексеев) состоял из 4 рот и насчитывал 170 человек, из них 158 мужчин и 12 женщин (90 членов и кандидатов в члены ВКП(б), 20 членов ВЛКСМ, 60 — беспартийных). На вооружении бойцов отряда было 170 винтовок, 5 пулеметов, 200 гранат, 20 000 патронов и 300 бутылок со смесью. Личный состав «Боевого» был обеспечен продуктами питания на 2–3 месяца активных действий [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 893, л. 1].

Интересным представляются данные из отчета о работе отряда в тылу противника. Приведем некоторые фрагменты: «В течение 8, 9, 10 сентября мы с трудом прошли линию фронта и достигли места, установленного для отдыха... Установить связь с отрядом т. Громова не удалось, ввиду того, что последний, преследуемый немцами, ежедневно менял место своего нахождения... На совещании с командным составом 22.9.41 было принято решение разыскать и соединиться с отрядом тов. Фадеева и Пахомова. На розыски... отрядов пришлось потратить 7 дней... Отряд тов. Пахомова найти не удалось, он уже был распущен и вышел в советский тыл... В проводимой массово-политической

работе было уделено большое внимание опровержению враждебной немецкой агитации, которую немцы ведут среди населения, заявляя, что «Ленинграду капут», «Москва окружена», «Красная армия почти разгромлена»... За данный период времени нашими отрядами проведено в тыл и указаны маршруты выходящим из окружения 900 красноармейцам. Эти товарищи, при оказанной им помощи с нашей стороны, безусловно сумели выйти в советский тыл и влиться в ряды Красной Армии... Уничтожена одна немецкая автомашина и ранено 2 человека немца на дороге Молвотицы-Велилы. Уничтожена одна автомашина и радиостанция, оставленные нашими частями в тылу. Больше никаких боевых действий не велось. Причинами отсутствия боевых действий нашими отрядами явилось: во-первых, отсутствие продуктов питания. Личный состав был вынужден ходить по деревням и собирать хлеб и картофель. Во-вторых, слабой требовательностью со стороны меня, как командира, проводить боевые действия, за что я должен понести ответственность... Дисциплина в отрядах... стояла на крайне низком уровне. Вместо выполнения указаний командиров были пререкания и разговоры. Иногда дело доходило до того, что люди отказывались от нарядов, спали на посту, нарушали порядок несения караульной службы. С приходом в отряд № 2 мне стало известно, что в отряде, кроме командира и политрука, [действует] «Совет отряда», который после принятия решений командиром, обсуждает правильность и целесообразность этого решения. Этот «Совет» был распущен мною немедленно» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 893, л. 3–5]. Обращает на себя

внимание то, что командир отряда В. Федотков, который и подготовил этот отчет, не боится говорить о наличии отрицательных фактов в своей работе и не снимает личную ответственность с себя как с командира.

Изучая освещение деятельности партизанские отрядов на территории Молвотицкого района в 1941 г., в сети интернет удалось обнаружить отдельные публикации [Егорова 2009], [Евлампиев 2015], из которых можно сделать вывод о том, что эта проблема изучена недостаточно глубоко и объективно. В этой связи представляется, что выявленные в НАРБ документы, при их соответствующей научной обработке и вводе в научный оборот, позволят более глубоко и полно исследовать вопросы с историей партизанской борьбы на территории области в тяжелый период осени-зимы 1941 г.

Подводя итог, укажем, что в фонде БШПД выявлен значительный корпус документальных источников по истории деятельности российских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь это документы о деятельности партизанских соединений, воевавших на белорусско-российском порубежье и на территории БССР (Смоленский партизанский полк, 1-я и 16-я Смоленские бригады). Видовое разнообразие документов позволяет всесторонне изучать деятельность указанных формирований в годы войны, определить их вклад в дело общей Победы, а также выявить новые факты боевого сотрудничества партизан Беларуси и России. Для мемориализации и увековечения памяти воинов-партизан из РСФСР могут активно привлекаться документы по лич-

ному составу из фонда БШПД: листки по учету кадров, наградные документы, документы группы потерь БШПД, списки личного состава.

Всего в фонде № 1450 выявлено более 50 единиц хранения (дел), в которых сконцентрированы значительные объемы документальных источников по истории деятельности партизанских формирований РСФСР. Кроме того, значительный объем материалов представлен единичными или небольшими группами документов в других единицах хранения.

Также отметим, что значительный объем информации о деятельности партизанских соединений из РСФСР сосредоточен в документах объединенных архивных фондов партизанских соединений (по областям БССР), однако это вопрос для отдельного исследования.

Источники и литература:

1. *Егорова С.П.* 75 лет назад началось освобождение Молвотицкого района от немецко-фашистских захватчиков. Режим доступа: http://novarchiv.org/2009-02-10-12-35-07/ganinio_svobozhdeniemolvotickogorajona-2017-03-16. Дата доступа: 11.02.2019 г.
2. *Евлампиев Н.В.* «Молвотицкие партизаны» / Н. В. Евлампиев. Новгород : Виконт, 2015.
3. *Криворот А.А.* Взаимодействие партизанских формирований Беларуси и России в тылу группы армий «Центр» 1941–1944 гг. / А. А. Криворот. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 384 с.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Дело фонда № 1450 (3500). Т. 1.
5. НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 357.
6. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 893.
7. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 894.
8. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 895.
9. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 900.
10. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 910.
11. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 911.
12. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 912.
13. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 915.
14. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 923.
15. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 930.
16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 931.
17. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 932.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 934.
19. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 936.
20. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 940.
21. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 943.
22. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 948.
23. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 961.
24. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1035.
25. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 38.
26. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 219.
27. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 362.
28. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 363.
29. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 364.
30. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 384.
31. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 864.
32. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 410.
33. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 438.
34. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 17.
35. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 50.
36. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 61.

37. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 62.
38. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 63.
39. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 64.
40. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 66.
41. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 67.
42. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 345.
43. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 346.
44. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 379.
45. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 5. Д. 382.
46. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 6. Д. 184.
47. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 6. Д. 198.
48. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 151.
49. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 152.
50. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 153.
51. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 194.
52. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 13. Д. 172.
53. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 63.
54. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 254.
55. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 24. Д. 255.
56. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь — июль 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев, С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. Минск: НАРБ, 2019. 382 с.
57. *Павлова Е.Я.* О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны* : зб. Вып. 6. 2011. С. 103–119.
58. Партизаны в битве за Москву. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство Патриот, 2008. 607 с.

Король В.А.

Смерть Сталина и реакция жителей
Советской Белоруссии

В статье освещается реакция жителей БССР на смерть Сталина (5 марта 1953 г.). Выявлены основные траурные мероприятия, проходившие в Республике, показано отношение государственной пропаганды и СМИ, а также рядовых жителей страны к данному событию. В статье использованы многочисленные архивные материалы, в том числе и фотодокументы, статьи из газет и журналов того времени, а также воспоминания и мемуары непосредственных свидетелей событий.

Ключевые слова: БССР, культ личности, Сталин, СССР, тоталитарный режим.

Прошло уже более 67 лет с момента смерти Иосифа Сталина, но до настоящего времени не утихают споры относительно его личности. 5 марта 1953 г. умер человек, ставших одним из самых противоречивых и неоднозначных персоналий не только отечественной, но и мировой истории. Смерть «вождя народов», несомненно, была знаковым событием, которое ознаменовало окончание целой эпохи в истории СССР.

Именно на конец 40-х — начало 50-х гг. XX века пришёлся апогей «культа личности» Сталина. Государство поддерживало массовую веру населения в вождя, укрепляя

таким образом авторитет советской власти. Как писала российская исследовательница Елена Зубкова: «Сталинский режим также очень эффективно использовал разные механизмы воздействия на сознательность граждан — от пропаганды к террору, — чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, которые работали на поддержание авторитета режима» [Зубкова 2000, с. 4].

Наиболее ярким примером «культа» в послевоенное время стали торжества в честь 70-летия Сталина в декабре 1949 г., которые прошли с большим размахом по всему Советскому Союзу, в том числе и в БССР. Во всех крупных и малых городах республики проводились праздничные мероприятия: митинги, концерты, конференции и встречи. 21 декабря 1949 г. (официальный день рождения Сталина) был объявлен выходным днём. Минск был празднично украшен, играл духовой оркестр, а венчал праздничные мероприятия торжественный салют.

Белорусские писатели создали коллективное стихотворное «Пісьмо Вялікаму Сталіну», которое было напечатано во многих белорусских газетах и заканчивалось следующими словами:

*У дзень твайго сямідзесяцігоддзя,
Яшчэ цясней яднаем мы рады,
Да камунізму мы з табою пойдзем,
На подзвігі гатовыя заўжды.
Ты наша сонца, наша красаванне,
Жыві ж, наш бацька любы, многа год.
Прымі ж ад сэрцаў чыстых прывітанне,
Што беларускі шле табе народ!* [Барыс С. 2007, с. 36]

Кроме того, тогда же было напечатано стихотворное поздравление товарищу Сталину от белорусского народа, издана книга «Большой вождь и учитель коммунистической партии и советского народа» [*Вялікаму Сталіну... 1949*], поэт Аркадий Кулешов написал произведение «Слово о вожде народов» [*Вялікі правадыр 1949*], народный художник БССР Иван Ахремчык написал картину «Партизаны на приёме у Сталина», а скульптор Сергей Селиханов создал скульптурную композицию «Сталин и его мать».

От рабочих Беларуси товарищ Сталин получил разнообразные подарки: портрет вождя, инкрустированный деревом в золотом орнаменте, мозаичный портрет Сталина, сделанный из почти 150 тысяч кусков дерева разных пород, 12-гранный стол из 2345 деталей, 12-гранная скатерть с гербом республики, велосипед из отникелированных и позолоченных деталей от Минского мотовелозавода и др.

Однако через 3,5 года вождя не стало... 5 марта 1953 г. И. В. Сталин умер.

Большая часть населения БССР, впрочем, как и всего Советского Союза, встретили смерть вождя как настоящее личное горе. По словам российского исследователя Юрия Аксютина, «можно, конечно, сомневаться в искренности авторов такого рода слововыражений и искать мотивы их не столько в любви, сколько в стремлении непоколебимо засвидетельствовать свою правоверность. Но нельзя сомневаться в том, что они отображали царившие тогда настроения простых людей» [Аксютин Ю. В. 2010, с. 19].

Во всех союзных республиках СССР, в том числе и БССР, были подготовлены траурные мероприятия. В Центральный

комитет КПБ, Совет Министров БССР и другие советские и государственные органы приходили сотни писем, телеграмм с соболезнованиями от жителей Беларуси. С 6 по 9 марта 1953 г. в СССР объявлялся траур, во время которого отменялись кинопоказы, спектакли, концерты и другие развлекательные мероприятия. На всех зданиях государственных, общественных и кооперативных учреждений, на промышленных предприятиях и жилых домах с 7–8 часов утра были вывешенные траурные флаги, а также портреты Сталина в чёрной рамке. [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 817, л. 25]. С 7 марта 1953 г. на Центральной площади Минска у монумента Сталина был выставлен почётный караул, к памятнику началось возложение цветков и венков [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 817, л. 211]. Во всех областных и районных центрах у памятников Сталину было установлено дежурство партийного и советского актива [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 817, л. 216].

8 марта 1953 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о том, что 9 марта 1953 г., в 12.00 согласно московскому времени, пройдёт артиллерийский салют в Москве, в столицах союзных республик, в городах-героях Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе, а также в Калининграде, Львове, Хабаровске и Владивостоке. Ровно в 12 часов должна была остановиться работа всех предприятий и движение железнодорожного, водного и автомобильного транспорта по всей территории СССР, за исключением предприятий непрерывного производства. Также планировалось проводить товарища Сталина в последний путь трёхми-

нутным гудком на фабриках, заводах, на судах речного и морского флота.

В Советском Союзе прощание с вождём было организовано согласно единому сценарию: траурные митинги, шествия, выступления ораторов с обещаниями «сплотиться вокруг партии» и словами хвалы «большому корифею наук», «отцу и учителю». В те мартовские дни не было принципиальной разницы между событиями в Москве, Минске, Киеве или Владивостоке.

В БССР по всей республике прошли многочисленные траурные мероприятия, которые впечатляют своими масштабами. Уже к 7 марта 1953 г. в республике прошло 14 733 траурных митинга и собрания рабочих, участие в которых приняли свыше 2 млн человек, 63 тысячи человек выступили с речами, было послано более 12 тысяч писем и телеграмм с соболезнованиями [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 817, л. 39].

Почти на каждом государственном учреждении, предприятии, учреждении образования проводились траурные митинги. Вот только некоторые примеры: митинг на Минском автомобильном заводе собрал около 8 тысяч человек; на Минском тракторном заводе — около 8 тысяч человек, в Минском политехническом институте имени Сталина — более 2 тыс., на Минской обувной фабрике имени Кагановича — около 3 тысяч человек; в Брестском пединституте — около 900 студентов, преподавателей и сотрудников института; на Гомельском заводе сельскохозяйственного машиностроения — около 3500 человек; в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина — свыше

2300 студентов, на Могилевской швейной фабрике имени Володарского — 1500 человек [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 838, л. 84, 132, 168].

На данных мероприятиях выступали разнообразные ораторы: партийные и советские руководители, деятели науки и культуры, а также самые обычные рабочие и колхозники. Лейтмотивом всех этих выступлений был посыл: обещание сплотиться вокруг партии, продолжить дело Сталина и преодолеть все трудности, ответить на его смерть перевыполнением планов и т. д. [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 838, л. 29]. Так, выступая на траурном собрании членов колхоза «Путь к коммунизму» Хойникского района Полесской области, колхозница Е. Маленок сказала: «Если бы можно было спасти товарища Сталина, жертвуя своей жизнью, я бы отдала её без колебаний, хотя она дорога в наше столетие, столетие коммунизма. Но поверьте, дорогие колхозники, жизнь Сталина дороже всего в мире!» [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 838, л. 31]. На траурном собрании членов колхоза имени Жданова Василишского района Гродненской области выступающий колхозник В. Шестак сказал: «...Пусть заокеанские поджигатели войны не думают, что большая потеря посеет панику и печаль в наших рядах, не выйдет! Мы ещё теснее сплотим свои ряды, ещё лучше будем работать, и никакие происки американо-английских поджигателей войны нам не страшны» [НАРБ, ф. 4-н, воп. 96, спр 838, л. 38].

Из каждого репродуктора играла траурная музыка, транслировались выступления на траурных митингах. Специально ради этого к уже существовавшим в рес-

публике 1157 репродукторам было дополнительно установлено ещё 255 динамиков [НАРБ, ф. 4-п, воп. 96, спр 817, л. 30].

На смерть вождя было написано огромное количество траурных стихотворений. При этом писали их не только профессиональные поэты, но и любители. Так, например, на митинге рабочих Малоритского райпромкомбината своё стихотворение прочитал столяр из местной мастерской А. И. Вольнец:

*Лежишь Ты в гробу, как живой,
Лишь тесно ресницы сомкнулись,
Отец наш, любимый, родной,
Мы от смерти Твоей ужаснулись.*

*Вчера ты был с нами в живых,
Великою думой объятый,
Чтобы мир укрепить для живых,
Спассти от врагов проклятых.*

*Перед Тобою склоняем головы мы,
С жалостью в сердце и болью,
Отец наш, твои мы сыновья,
Объяты великою скорбью.*

*Клянемся у стен мы твоих
Хранить твое имя святое,
Под солнцем имён нет других,
Как имя твое дорогое.*

*Доколе будет земля
И люди в живых на ней будут,
Имя святое Сталин
Никогда не забудут.*
[НАРБ, ф. 4-п, воп. 96, спр 838, л. 98].

На смерть вождя откликнулся беларусскоязычным стихотворением и ученик минского педучилища И. Колесник:

*Навошта мы ўзналі аб гэтым?
Мы хочам пабыць у Маскве:
Не вераць працоўныя свету,
Не вераць, што ён не жыве.*

*Якой мы любоўю глыбокай
Любілі і любім яго!
Карэйскі салдат І неапальскі докер —
Працоўныя свету ўсяго.*

*Сцяг ленінскі нёс ён заўсёды
Да шчасця праз буры і гром,
Клянемся мы партыі роднай —
Яго ў камунізм данясём.*

*Памёр правадыр. Але геній
Заўжды будзе Сталіна жыць,
Як сонца, усім пакаленням
Ён свеціць і будзе свяціць.*

На страницах газет и журналов выступили известные в БССР люди: поэты и писатели (Максим Танк, Максим Лужани, Михась Лыньков, Якуб Колас, Петр Глебка, Анатолий Острейко и др.), легендарный партизан Минай Шмырев, президент Академии наук БССР Василий Купревич, народные артисты СССР Лариса Александровская и Павел Молчанов и др.).

Однако, как справедливо отметила Елена Зубкова, «общественное мнение в Советском Союзе было двуликим и сложным, как и сама жизнь в стране, где наказывались не только действия, но также слова и даже мысли. Поэтому люди часто говорили на собрании одно, а в разговорах с близкими людьми — совсем другое» [Зубкова 2000, с. 222]. Потому большой проблемой является выяснение настоящих настроений, которые господствовали тогда в советском обществе в связи со смертью Сталина.

В те времена проведение социологических опросов было невозможно, потому нам пришлось пользоваться современными данными. Например, большой интерес вызывают исследования, проведённые на факультете истории, политологии и права Московского педагогического (теперь Московского государственного областного) университета. Во время исследований респондентам (опрашивались, правда, только жители России) был задан вопрос: «Как вы и ваше окружение реагировали на сведения о болезни и смерти Сталина?» В итоге 25% опрошенных в 1997 г., 50% опрошенных в 1998 г. и 45% опрошенных в 1999 г. ответили, что «болезненно», «с болью в сердце» и т. д. Восприняли это событие как трагедию и как невыносимую

потерю соответственно 8, 5 и 7 % опрошенных. При этом отмечали, что много кто, или даже все плакали, 15, 22 и 16 % опрошенных ощущали растерянность и не представляли себе, как подальше жить без него, 18, 11 и 12 % опрошенных. И только 8, 2,5 и 3 % опрошенных предчувствовали будущие перемены или даже почувствовали их уже тогда [Аксютин 2010, с. 19–22]. При всей спорности этих цифр они, по-видимому, все же отображают настроения, царившие в тогдашнем советском обществе (в том числе и в Беларуси).

Обратимся к воспоминаниям современников тех событий. Дочка белорусского поэта Аркадия Кулешова Валентина так описывает реакцию своего отца на смерть Сталина в мартовские дни 1953 г.: «Когда же 5 марта 1953 года я услышала по радио, что умер Сталин, и бросилась в кабинет к отцу, он жестоко отрезал: «Не смей плакать!»» [Лашкевич 2010].

«Дарэчы, цікава было наглядаць, як сустрэлі гэтую навіну (смерць Сталіна. — В. К.) у сценах альма-матар — можна сказаць, у цэнтры інтэлектуальнага жыцця рэспублікі. Кідалася ў вочы, што асабліва перажывалі студэнткі, яны па-сапраўднаму рымзалі. Гледзячы на іх, цяжка было стрымаць усмешку. У дзень пахавання дыктатара ва ўсе групы прыйшлі прадстаўнікі парткамітэта і рэктарата. Па камандзе выкладчыка ўсе ўсталі і 5-хвілінным маўчаннем ушанавалі памяць дарагога бацькі савецкага народа. У гэты час бесперапынна гукі заводскія гудкі. На тым усе мерапрыемствы скончыліся, і заняткі аднавіліся. Праўда, на нашым аддзяленні не абышлося без непрыемнага для прыхільнікаў

Іосіфа Джугашвілі здарэння. Адзін «маласвядомы» студэнт сказаў пару непачцівых слоў у адрас улюбёнца народа. За гэта яго ледзь не выключылі з універсітэта. Многія ахвотнікі відовішчаў дабіліся дазволу і паехалі ў Маскву на пахаванне правадыра. З нашага курса таксама ездзіў адзін хлапец, тонкі і высокі — вспоминает Фёдор Кардаш, в те годы студент факультета журналистики БГУ [Кардаш 2005, с. 65].

Вот как описывает свои чувства писатель Василий Быков, который служил тогда на Сахалине: «Хутка вярнуўшыся, падпалкоўнік з каменным тварам аб’явіў: «Памёр таварыш Сталін. Устаць!»». Усе ўсталі, моўчкі ўзіраючыся ў барадаты твар падпалкоўніка, і я сказаў сябе тады ў думках: «Слава табе, Госпадзі». Усе, аднак, тую навіну выслухалі моўчкі, ніхто не заплакаў. Былі абыякава-стрыманыя і пасля, на перапынку. Пачаліся траўрныя пастраенні, мітынгі, палымяна-жалобныя прамовы палітначальства ды яго падбрэхачаў. Курсанты-афіцэры маўчалі. Мы адчувалі, што нешта павінна змяніцца і прагнулі, каб змянілася ў лепшы бок. У горшы ўжо не было куды [Быкаў 2009, с. 540].

В то же время минский журналист Ефим Садовский записал в своём дневнике такие свои впечатления от событий того времени: «Памёр той, хто так патрэбны кожнаму з нас. Немагчыма паверыць. Гэтага не можа быць. Гэта сон. Кашмарны сон. Хутчэй прачнуцца [Бон 2009, с. 92].

Поэт Микола Аврамчик вспоминал про события марта 1953 г. так: «Калі памёр Сталін, мы з Саюза пайшлі да помніка кветкі ўскладаць. Гляджу, няма Андрэя (Макаёнка. — В.К.) і майго сябра Аляксея Русецкага — яны жылі

ў адной кватэры. Дзён праз пяць сустракаю Макаёнка і пытаюся, чаго яго не было. «А ты быў?» — «Быў». — «Ну, і дурань! А мы сядзелі і пілі з гэтай нагоды!». Уявіце сабе: у 1954 (на самай справе ў 1953. — В. К.) годзе палітрук з намеснікам парторга Саюза пісьменнікаў пілі ад радасці, што Сталін памёр!» [Лашкевіч, Гайко 2010].

Писатель Владимир Короткевич, который в марте 1953 г. ездил в Москву на похороны Сталина, вспоминал: «У 39-м вярнуўся з турмы адзін з маіх дзядзькоў, стары камуніст, перад арыштам — загадчык камчацкім аблана... нягледзячы на мой узрост, ён нічога ад мяне не хаваў... Таму і на пахаванне Сталіна паехаў і падбіў на паездку хлопцаў з пакоя, не з-за скрухі, а каб бачыць уласнымі вачамі. І ўбачыў. І, разам з хлопцамі, дапамагаў санітарам выцягваць з ціскальні людзей... А гэта ўжо не пакідала ніякіх сумненняў і выклікала адно жаданне: «Хутчэй бы пакончылі з усім гэтым»... Ніякіх сумненняў у яго «зоркасці», да шчасця, ужо на другім курсе ў мяне не было» [Караткевіч 1991, с. 389].

В то же время существовали достаточно большие группы населения, которые относились к смерти вождя по-другому, чем остальные жители БССР. Такой группой населения были репрессированные. Многие из них действительно встретили смерть Сталина как надежду на лучшую жизнь, как возможность перемен. Так, например, бывшая ссыльная С.А. Ляховская вспоминала: «Як Сталін памёр, ужо зусім іншае жыццё стала. Адразу. Мы ўжо не баяліся. Мы баяліся слова сказаць [Раманава, Хоміч 2008, с. 120]».

Бывший узник лагерей А.И. Юршевич вспоминал, как встретили известие про смерть Сталина в лагере: «Сталін

памёр, усе маўчалі, ніхто не засмяяўся. Ніхто не заплакаў. Як мёртвыя чакалі. А як прыйшлі ў баракі, то ўжо радыя былі! Усе чакалі перамен да лепшага. Усе чакалі, што што-небудзь пераменіцца. Каторыя на смерць радыя былі, да пабеды, да пабеды, а каторыя плакалі. Плакалі па Сталіне. [...] Розныя былі. Былі вот такія, што з нашых беларусаў, з Саюза Беларускай Моладзі, што плакалі. Былі такія, плакалі, слязьмі плакалі па Сталіне. Я не плакала. Мне было без розніцы. Каго вінаваціла? Думала, што ўлады пра гэта не ведаюць, што з нас гэтак здекваюцца. Але гэтага не можа быць, каб так знішчалі народ, і каб улады гэтага не ведалі» [Раманава І., Хоміч С. 2008, с. 121].

Основные траурные мероприятия происходили в столице СССР — Москве, где в Колонном зале Дома Союзов для прощания было выставлено тело Сталина. На его похороны 9 марта 1953 г. в Москву приехала делегация и от Белорусской ССР. 9 марта 1953 г. на всей территории БССР было организовано слушание радиотрансляции с похорон Сталина.

В самой же республике главные траурные мероприятия были организованы в Минске. С самого утра 9 марта 1953 г. людей на улицах Минска было так много, что они заполнили весь центральный проспект столицы — проспект имени Сталина. Оттуда люди направлялись к памятнику Сталину на Центральной площади, где возлагали цветы и венки. На венках были написаны следующие слова: «Дорогому отцу и учителю», «Гениальному вождю и полководцу», «Родному и любимому Иосифу Виссарионовичу» и др. Всего возле монумента И. В. Сталину в этот день побывали свыше

200 тысяч человек. Людей в этот день на улицах и площадях Минска находилось так много, что была большая опасность возникновения давки, как в Москве на Трубной площади.

В статье под названием «Мінск у жалобе» журналист «Звязды» Тарас Ходкевич писал следующее: «Сакавіцкі вецер, пранізаны лёгкімі сцяжынкамі, калыша над фасадамі жылых дамоў, над уваходамі ў прасторныя карпусы заводаў і фабрык, чырвоныя сцягі з чорнымі стужкамі. Заўсёды палымнеючыя і заклікаючыя, сцягі ў гэтыя дні схіляюцца ў вялікай жалобе, якая агарнула ўсю Савецкую краіну... Спыняюцца людзі перад партрэтамі, углядаюцца ў родныя абрысы бацькоўскага твару, і сэрцы іх сціскаюцца невымерна глыбокім болем. Вялікі смутак, адчуванне самай цяжкай утраты спавівае думы і пачуцці... Радыё разносіць над горадам жалобную музыку. Смуткуе Мінск, смуткуе ўся Беларусь, як і ўся неабдымная краіна... Але смутак наш мужны!» [Хадкевіч Т. 1953].

Равно в 12 часов по московскому времени в столице БССР, как и во всем Советском Союзе от Балтики до Курильских островов, на 5 минут был остановлен весь городской транспорт, приостановили свою работу фабрики и заводы, завывли гудки предприятий, отдавая трёхминутный салют вождю, загремели пушечные залпы. Так прощалась с вождём Советская Белоруссия.

Таким образом, смерть Сталина в марте 1953 г. стала одним из наиболее значительных событий того времени. С его смертью завершилась целая эпоха, которая, с одной стороны, вместила в себя грандиозные достижения в промышленности и образовании, победу над фашизмом, пре-

образование СССР в сверхдержаву, но, с другой стороны, именно в данный период достигли своего апогея массовые политические репрессии, а политический режим приобрёл яркие черты тоталитарного государства.

Население БССР в большинстве своём отнеслось к смерти вождя достаточно болезненно. Мифы и стереотипы относительно личности Сталина и механизма его власти были разрушены лишь после XX съезда КПСС в 1956 г., в годы Перестройки и 1990-е гг. Однако, несмотря на это, и теперь отношение к личности Иосифа Сталина со стороны общественного мнения и элит бывших республик СССР, в том числе и белорусского, остаётся неоднозначным и противоречивым.

Источники и литература:

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Барыс С. Сталін і савецкае грамадства // Репрессивная политика советской власти. 2007. № 2. С. 30–45.
3. Бон Т.М. Доўгае парыванне са Сталіным, або Дзённік Яфіма Садоўскага // Беларускі гістарычны агляд. Т. 16. 2009. С. 92.
4. Быкаў В. Поўны збор твораў у 14 т. Т. 8. Мінск–Масква, 2009. 576 с.
5. Вялікаму Сталіну ў слаўную гадавіну з дня нараджэння ад беларускага народа. Мінск, 1949. 18 с.
6. Вялікі правадыр і настаўнік Камуністычнай партыі і савецкага народа. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя палітычнай літаратуры, 1949. 35 с.

7. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 / РАН. Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2000. 230 с.
8. *Караткевіч У.* Збор твораў у васьмі тамах. Кн. 2. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. 495 с.
9. *Кардаш Ф.* У цянётах акупацыі // *Лідскі летапісец*. № 1–2 (29–30). 2005. С. 53–78.
10. *Лашкевіч К. Гайко М.* Класікі без глянцу. Мікола Аўрамчык: «Дзяржаўная ідэалогія без мовы — глупства!» (25.05.2010) // Тут.бай [Электронны ресурс] / Режим доступа: <http://news.tut.by/culture/171142.html>. Дата доступа: 30.11.2020.
11. *Лашкевіч К.* Класікі без глянцу. Чым Куляшоў быў нязручны чэкістам (15.06.2010) // Тут.бай [Электронны ресурс] / Режим доступа: <http://news.tut.by/culture/173284.html>. Дата доступа: 30.11.2020.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п, воп. 96, спр. 817, арк. 28.
13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4-п, воп. 96, спр. 838, арк. 28.
14. *Раманава І., Хоміч С.* Адаптацыя былых рэпрэсіраваных да вольнага жыцця // *Номо Historicus* 2008. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. Вільня, 2008. С. 105–127.
15. *Хадкевіч Т.* Мінск у жалобе // *Звязда*. 1953. 9 сакавіка.

МНЕНИЕ

Макоўчык М.М.

Надпраўда

Эсэ прысвечана разгляду пытання “надпраўды”, ці рэальнасці вышэй за з’явы свету, у супастаўленні з асэнсаваннем новага паняцця post-truth (постпраўды) заходняй масавай культуры.

Ключавыя словы: надпраўда, постпраўда, post-truth, масавая культура, ідэалогія, інфармацыя

Усё можна падзяліць на вечнае і часовае. Вечнае — прынцыпы і ідэі; ісціна, любоў, свабода, прыгажосць, якія не могуць знікнуць, нават калі яны не праяўленыя і не могуць быць успрынятыя зараз. Часовае — успрыманае пачуццямі, з’явы свету, якія сапраўды знікаюць незваротна. Так і з мовамі — ёсць нязменныя сакральныя мовы, якія звязаныя непарыўна з гэтым светам вечнага, і ёсць мовы гутарковыя, якія змяняюцца кожны дзень для бягучых патрэбаў жыцця па-за вечнымі прынцыпамі і ідэямі. Сярод сакральных моў ёсць санскрыт — мова Ведаў, у якіх адлюстравана вечнае, — і сам санскрыт адлюстроўвае вечнае і высокае, — і ёсць пракрыты¹ — яго вытворныя, што аддзяліліся ў нейкі момант у некаторым асяроддзі, мноства з якіх ужо знікла і сёння можа быць знойдзена толькі ў тэкстах.

¹ Фактычна гаворка ідзе пра ўсе індаеўрапейскія мовы. Было б вельмі цікава разгледзець гісторыю іх паходжання, але гэта заслугоўвае асобнай аб’ёмнай працы.

Рэдактары Оксфардскага слоўніка прызналі словам 2016 года паняцце “*post-truth*” [*Oxford’s Word... 2016*], якое было вызначана як “тое, што апісвае абставіны, у якіх аб’ектыўныя фактары менш значныя ў фарміраванні грамадскага меркавання, чым звяртанні да эмоцый і асабістых перакананняў”.

Такім чынам, гаворка ідзе пра праўду, яе ўспрыманне і значэнне. Дхармашастра, якая змяшчае традыцыйныя веды аб каштоўнасцях і ўладкаванні грамадства, кажа пра гэта наступнае:

*Трэба гаварыць праўду, гаварыць прыемнае, не варта гаварыць непрыемную праўду, не варта гаварыць прыемную хлусню — такая вечная дхарма*¹ [*Законы Ману 2002, с. 157*].

Цытата выбудоўвае іерархію паняццяў, дзе першай называецца і стаіць менавіта праўда, што адразу ж забараняе яе прамое скажэнне і робіць тым самым феномен *post-truth* недапушчальным у традыцыйным грамадстве.

Далей, калі гэта найважнейшая ўмова выконваецца, гаворыцца «прыемнае»². Напрыклад пры разуменні, чым некая з’ява, якую заведама можна апісаць з розных пазіцый, важная і пазітыўная для суразмоўцы менавіта ў пэўным аспекце, варта гаварыць з ім пра гэты, а не пра іншы бок пытання, альбо не гаварыць зусім. Наступная частка гаворыць, што калі няма магчымасці паведаміць суразмоўцу прыемнае, не варта без неабходнасці казаць непрыемную праўду. Пра парушэнне гэтай частцы кажуць «сыпаць соль на рану».

¹ mānavadharmaśāstra, 4.138.

² “Прыемнае” тут — пераклад санскрыцкага слова *priya*, сэнс якога, зразумела, не ў “прыемным” у нейкім маральным ці пачуццёвым сэнсе, а ў падыходным, дарэчным, адпаведным.

І чацвёртая частка — не варта казаць прыемную хлусню, якая характарызуе імкненне таго, хто гаворыць, да часовага жаданага эфекту, бо гэтае імкненне абавязкова мае наступствы з прычыны самадастатковасці самога факту здзяйснення.

Дык як жа цяпер асэнсаваць паняцце *post-truth*? Мабыць, канструктары дадзенага тэрміна мелі на ўвазе прыстаўку *post* у значэнні “пасля” ў сітуацыі, калі праўда ставіцца ніжэй за перакананні ды эмоцыі. Таму гаворка ідзе пра стан, які складаецца пасля таго, як этап падмены каштоўнасцяў ўжо пройдзены. Але ці ёсць нешта, што сапраўды важней праўды, “надпраўда”, рэальнасць якой на самой справе вышэй праўды ці “аб’ектыўнай рэальнасці»?

Так. Гаворка пра вельмі важнае разуменне адрознення традыцыйнага мыслення ад сучаснага. У традыцыйным светапоглядзе ўспрыманне заўсёды залежыць ад суб’екта, і ніякая «ісціна факту» немагчымая, бо любы ўспрыманы аб’ект існуе ў свядомасці таго, хто яго ўспрымае, і толькі там. Менавіта на гэта паказвае Генон, калі кажа аб перакульванні паняццяў «аб’ектыўнае» і «суб’ектыўнае»¹ [Генон

¹ «Суб’ект есть «тот, кто познает»; объект есть то, «что познается», и их соотношение и есть само познание. Однако в современной философии значение этих терминов, а особенно их производных «суб’ективный» и «объективный» изменилось до такой степени, что они получили употребление диаметрально противоположное, и некоторые философы неразборчиво взяли их в их очень различных смыслах; точно так же их использование часто создает серьезные неудобства с точки зрения ясности и, во многих случаях, предпочтительно их избегать, сколько возможно», — піша Рэнэ Генон у сваёй працы “Чалавек і яго станаўленне згодна Веданце” [Генон 2004, с. 129].

Праблема перакульвання паняццяў “аб’ектыўнае” і “суб’ектыўнае” вельмі шырокая і таксама заслугоўвае асобнага разгляду. Гэтая праблема істотная і ў дадзеным разглядзе, але спыняцца на ёй цяпер было б залішнім.

2004, с. 129] у сучасным мысленні, што прывучана пастуляваць існаванне «аб’ектыўнай рэальнасці, якая не залежыць ад свядомасці». Сам той, хто ўспрымае, — вось адзіная і вышэйшая рэальнасць, якая існуе непарушна, у адрозненне ад аб’ектаў, што з’яўляюцца такімі або іншымі менавіта ва ўспрыманні такога ці іншага суб’екта, і для розных суб’ектаў ніколі не могуць быць цалкам ідэнтычнымі. Гэта фундаментальна пазбаўляе іх уласнай нязменнай рэальнасці і прытым не мае нічога агульнага з псіхалогіяй або ацэначнымі меркаваннямі.

Тое ж адрозненне існуе паміж сапраўднай метафізікай, у якой суб’ект — адзіная рэальнасць, і сучаснай філасофіяй, якая аперуе загадзя прынятымі аб’ектамі і канструкцыямі і тым самым уводзіць метафізічна немагчымую “аб’ектыўную рэальнасць”, што ўспрымаецца як самастойная існая толькі ў сувязі з прыняццем суб’ектам такога пункта гледжання. Такім чынам, надпраўда — рэальнасць суб’екта, якая прыныцпыва не можа не быць адноснай і знаходзіцца заведама вышэйш за любую праўду ці аб’екты ўспрымання. Гэта не шстойлівы тэрмін, а проста адно слова з мноства, якім можна апісаць тыя ці іншыя аспекты гэтай звышіндывідуальнай рэальнасці.

Ці можна атаясаміць або правесці нейкую справядлівую паралель паміж надпраўдай і *post-truth*? Не. Першае паняцце размешчана ў кропцы вышэй з’яў свету, з якой яны не адмаўляюцца і не ігнаруюцца, а проста разглядаюцца заўсёды ў той ці іншай ступені адноснымі¹. Другая кропка

¹ Санскрыцкае паняцце *tāuṇ* у апісанні свету ні ў якім разе не зна-

гледжання, у якой магчыма паняцце *post-truth*, — ніжэй за гэтую адносную рэальнасць. Больш за тое, у гэтай кропцы падобная адносная рэальнасць ўспрымаецца як «аб'ектыўныя фактары», і гаворка ідзе пра спробу іх ігнараваць і не лічыцца з імі, што абсурдна, бо яны ўсё роўна з'яўляюцца тут «рэальнымі», неадольнымі і дзейнымі, адпаведна пазбегнуць іх загадзя, у канчатковым выніку, нельга. Эмоцыі спыняцца, асабістыя перакананні змяняцца, і тады ранейшае ігнараванне з той жа сілай абярнецца супраць таго, хто хацеў сябе падмануць.

Вернемся да чацвёртай умовы і паняцця «прыемная хлусня», якое ўключае парушэнне ўсіх папярэдніх. Зараз відавочна, што менавіта яна і называецца *post-truth*. Больш за тое, само з'яўленне гэтага тэрміна быццам легітымізуе прыемную хлусню як некаторую норму, і прыклады такой маніпуляцыі ў еўрапейскіх мовах можна назіраць ужо не ў першы раз¹.

чыць «ілюзія», яно літаральна перакладаецца як «магутнасць»; магутнасць суб'екта рабіць аб'екты такімі ці іншымі, што і фармуе гэтую адносную рэальнасць аб'ектаў. У процівагу гэтай магутнасці свядомасць сучаснага чалавека навучаецца культурай і метадамі ўспрымання, якія былі засвоены, бачыць аб'екты пэўнымі і ніяк інакш, што і надае ім ілюзію самастойнага існавання ва ўспрыманні назіральніка.

Але нават ўжыванне *māyā* у сэнсе «ілюзіі» не значыць проста прызнанне свету ілюзорным, ўсе аб'екты ў ім, зразумела, валодаюць сваёй больш ці менш адноснай і істотнай для назіральніка рэальнасцю і размяшчаюцца ў градыенце ад нізіннага і нягоднага да сакральнага і непарушнага.

¹ Можна прыгадаць шмат прыкладаў, ад з'яўлення тэрміна «матэрыялізм» да узніклых наватвораў на хвалі дыскурса «меньшсцяў» у XX-XXI ст. Чужарожныя культуры ідэі патрабуюць для легітымізацыі новых слоў, каб ненармальнае і злачыннае пачало выглядаць як нармальнае, але «новае».

З пункту гледжання свабоды — ці з’яўляецца чалавек, які кіраваны эмоцыямі і перакананнямі, менавіта свабодным? Відавочна не, бо магчымасць усвядомленага выбару — прыкмета свабоды, а тут яна адсутнічае. У той жа англійскай мове паняцці *liberty* і *freedom* адрозніваюцца, як адрозніваюцца ў беларускай свабода і ўсёдазволенасць.

Маніпулятыўны і несвабодны характар паняцця выдае і адзіны ўстояны з гэтым прыметнікам тэрмін — *post-truth politics*. Гэта тая самая палітыка, у якой паняцці праўды і справядлівасці наогул амаль выкраслены са свядомасці, бо заўсёды можна сказаць, што эмоцыі большасці, меншасці ці каго-заўгодна яшчэ важнейшыя за любыя факты, і спрабаваць прыняць уласныя пачуццёвыя памкненні і перакананні як бясспрэчныя падставы для зацвярджэння чаго-небудзь.

Канстытуцыі, верагодна, усіх без выключэння краін ўтрымліваюць нормы аб свабодзе меркаванняў і іх выказвання. Фактычна, мы ўсё часцей назіраем сітуацыю, пры якой гэта становіцца немагчымым па прычыне таго, што законныя погляды чалавека проста камусьці непрыемныя і таму іх выказваць нельга. Сучасная культура прывучае чалавека да прымусовага ўспрымання і не нагадвае, што тое, як ён ацэньвае з’явы свету — фундаментальна яго і толькі яго выбар. Адпаведна, “абраджацца” ці не якой-небудзь з’явай — заўсёды ва ўладзе чалавека, і менавіта таму ў асноўных законах краін мы бачым свабоду выказвання думак.

Свет з такой *post-truth politics* — свет, у якім ёсць маніпулятары і тыя, кім яны кіруюць, прычым другія вольныя толькі ў вузкіх дазволеных рамках прымусовага для іх ўспрымання.

У іх не проста адабрана права выбіраць, а адабрана само паняцце пра яго наяўнасць. Цалкам магчыма, што само слова “палітыка” паходзіць праз грэцкую мову ад санскрыцкага кораня *pāl*, які значыць “абараняць”¹ і санскрыцкія тэксты пастаянна кажуць, што “абарона падданных — вось галоўны абавязак цара”.

Вось іншыя “словы года” з гэтага ж свету — свету нестабільнасці, неўсвядомленасці і прымусовага ўспрымання. У 2017 годзе такім словам стала *youthquake* [‘*Youthquake*’... 2017] — значная змена, якая выклікана моладдзю, прычым не паляпшэнне, а менавіта змена², у 2015 — *etaji* [Oxford’s 2015], карцінкі ў мабільным тэлефоне, у 2014 — *vape* [Oxford’s 2014] — дыміць электроннай цыгарэтай, і гэтак далей. У якім свеце жыве Оксфардскі слоўнік і ў які перасяляе нас такія “словамі года”? Падобна на тое, што нічога вечнага і сапраўднага ў гэтым свеце няма, і няма нават думкі, што яно магчыма. Іншае выслоўе кажа: “Хворы, які

¹ Яго прынятае тлумачэнне як «гарадскія справы» таксама магчыма, але ў дадзеным выпадку цяжка быць цалкам упэўненым з-за фанетычнай блізкасці. Але галоўнае ў іншым — палітыка гэта не проста «нейкія справы», бо палітыка гэта кіраванне грамадствам, якое не можа быць нейтральна “гарадскім”, у традыцыйным мысленні яно заўсёды мэтанакіравана, і менавіта на гэтыя мэты і указвае больш старажытны санскрыцкі корань і тлумачэння. Найбольш прынятае паходжанне слова *pólis* ад санскрыцкага *pura* (горад) магчыма, але таксама магчыма і верагодна паходжанне ад кораня *pāl*

² «Европейцы, с тех пор как они начали верить в «прогресс» и «эволюцию», хотя произошло это, надо сказать, немногим более века назад, предпочитают видеть признак неполноценности в таком отсутствии перемен, в то время как мы видим здесь уравновешенное состояние, в достижении которого западная цивилизация потерпела неудачу», — гаворыцца ў кнізе Рэнэ Генона “Агульныя ўводзіны ў вывучэнне індускіх вучэнняў” [Генон 2013, с. 29].

ведае, што ён хворы, не хворы” [Дао де Цзин, с. 87]. Менавіта таму паэзія і тэксты традыцый, якія прызнаюць, што ўспрыманы намі свет заганны¹, гавораць ў нейкім выглядзе пра “страчаны рай”², пра тое, што свет без зла дзесьці ёсць, хай і не тут і цяпер.

Провидение сильнее всех воителей вселенной.

Лишь когда настанет время, я покину мир мгновенный.

Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни брэнной.

Тот, кто это понимает, тверд душою неизменной [Руставели, с. 549].

Ці кажуць нам сучасная мова і сучасная культура пра тое, што свет заганы магчымы і знаходзіцца вакол нас? Бадай што, не. Такое разуменне амаль выцеснена ідэямі “прагрэсу” і “эвалюцыі”, якія распаўсюджваюцца ва ўсіх сферах. Традыцыйныя тэксты і паэзія кажуць інакш не для простага сцвярджэння, яны паказваюць і накіроўваюць чытача да паляпшэння свету праз унутранае ўдасканаленне і пераасэнсаванне.

Ці павінен інстытут, чыё імя ў свеце з’яўляецца сінонімам навукі, аддаваць прыярытэт часовым паведам замест фундаментальнага, напрыклад, выбіраючы слова года? Безумоўна не. Навошта ўвогуле патрэбна навука, якая не робіць свет вакол чалавека лепшым? Старажытныя культуры разумелі гэта і стваралі навукі, якія змянялі чалавека знутры, а не звонку. Кітайская ваза або персідзкі

¹ “Увесь сьвет ляжыць у зьле” (1Ян 5:19) [Біблія 2002, с. 1402].

² Кожная духоўная традыцыя мае паданне аб залатым векку ці раі, які быў у пачатку, але страціўся тым ці іншым чынам, і мае ідэю яго пошуку ды аднаўлення у некаторай форме.

дыван, якія ствараліся цягам дваццаці-трыццаці гадоў, цэ-
няцца менавіта за тое, што з’явіліся ў адрозным свеце, све-
це нязменнага, свеце іншых каштоўнасцяў. Справа цалкам
не ў “працаёмкасці”.

Менавіта вечнае з’яўляецца надпраўдай ў строгім сэн-
се гэтага слова, і гэтая надпраўда вышэй за любыя пера-
менлівыя “аб’ектыўныя абставіны”, і менавіта яе шукаюць
падчас вывучэння сваёй свядомасці, старажытных моў або
традыцыйных навукі і культуры. На наша шчасце, сучасная
масавая культура, якая стала для многіх сёння дрэнным
памочнікам, нямоглая падмануць сумленнага шукальніка,
які не спыніцца, пакуль не здабудзе страчанае.

Істочнікі і літаратура:

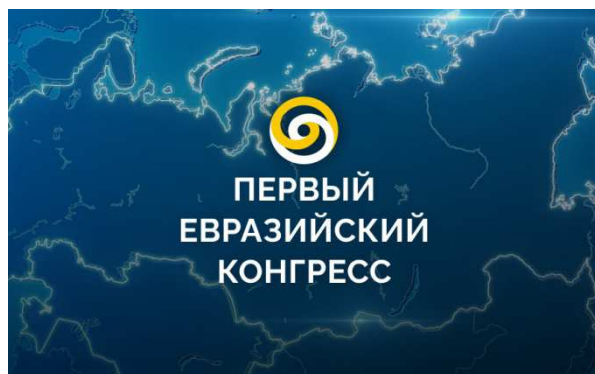
1. Біблія. Кнігі Сьвятога Пісаньня Старога і Новага Запавету. Ка-
нанічныя. Пераклад В. Сёмухі. Duncanville, 2002.
2. *Генон Р.* Общее введение в изучение индуистских учений. Пере-
вод Маковчика М.В. Москва, 2013.
3. *Генон Р.* Человек и его становление согласно Веданте. Москва,
2004.
4. *Дао де Цзин.* Перевод и прим. Ян Хин-Шуна. Санкт-Петербург,
2008.
5. Законы Ману. Перевод С.Д. Эльмановича. Москва, 2002.
6. *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. Вступ. ст., сост. и под-
гот. текста и примеч. А.Г. Барамидзе и С.С. Цаишвили. Перевод
Н.А. Заболоцкого. Ленинград, 1988.
7. Oxford’s Word of the Year for 2016 Is ‘Post-Truth’ // TIME
USA [Электронны рэсурс] / Рэжым доступу: <https://time>.

- com/4572592/oxford-word-of-the-year-2016-post-truth/. Дата доступа: 27.06.2020.
8. Oxford's 2014 Word of the Year Is Vape // TIME USA [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://time.com/3590093/oxfords-2014-word-of-the-year-is-vape/>. Дата доступа: 27.06.2020.
 9. Oxford's 2015 Word of the Year Is This Emoji // TIME USA [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://time.com/4114886/oxford-word-of-the-year-2015-emoji/>. Дата доступа: 27.06.2020.
 10. 'Youthquake' declared word of the year by Oxford Dictionaries <https://www.bbc.com/news/uk-42361859> [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-42361859>. Дата доступа: 27.06.2020.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шеховцова Е.П.

Первый евразийский конгресс

4 декабря 2020 г. в Центре международной торговли в Москве состоялся I Евразийский конгресс, организованный при поддержке Евразийского банка развития. Главные темы конгресса — это перспективы формирования Большой Евразии, оценка потенциала экономической интеграции, возможности выравнивания уровней развития экономик и благосостояния граждан стран ЕАЭС.

С приветственным словом к участникам конгресса выступил Председатель Правления Евразийского банка развития **Николай Подгузов**: «Государства ЕАЭС неразрывно связаны между собой: нас объединяют общая история, традиции, культура, победы. И это является залогом прочного сотрудничества в будущем. Нас также объединяет общий экономический потенциал, который существенно превышает сумму наших экономик, взя-

тых по отдельности». Реализовать этот потенциал для всего пространства ЕАЭС — такую сверхзадачу ставит Николай Подгузов перед собой и Евразийским банком развития на среднесрочную перспективу. «Я бы очень хотел, чтобы новый год стал началом эры партнёрства, кооперации и сотрудничества, потому что именно вместе мы можем добиться значимого результата, реализовать экономический потенциал, а значит — сделать жизнь людей в наших государствах лучше», — резюмировал Председатель Правления ЕАБР.

На открытии работы конгресса в видеообращении выступил Председатель Правительства Российской Федерации **Михаил Мишустин**. «Главная задача ЕАЭС — добиться благополучия во всех странах союза, — считает М.В. Мишустин, — а также сделать всё необходимое для динамичного развития экономик и сохранить устойчивость во время кризиса». Также он высказал мысль, что к четырем свободам (свободам движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы) должна добавиться и пятая свобода — движения информации. «Именно цифровые технологии, их внедрение — главный фактор формирования единого экономического пространства», — отметил Мишустин. Кроме этого, премьер предложил коллегам по ЕАЭС активнее реализовывать соглашение о маркировке товаров.

На совместной панели с ВЭБ.РФ «**Сквозные**» **интеграционные проекты** Николай Подгузов отметил, что «Сквозные» интеграционные проекты — это то, что обеспечивает экономический каркас нашего союза, то, что помогает реализовывать идеологию ЕАЭС. Это, например,

транспортные коридоры — как цифровые, так и физические. Это дорога Европа — Западный Китай, система продовольственной безопасности, система ОРЦ и почтовая система — это то, что позволит максимально быстро перемещаться товарам».

Участниками сессии стали:

Айк Карапетян — Генеральный директор, ЗАО «Айпост»; **Андрей Жишкевич** — Председатель Правления ОАО «Банк развития Беларуси»; **Андрей Костин** — Президент — Председатель Правления, ПАО «Банк ВТБ»; **Евгений Дитрих** — Генеральный директор, ПАО «ГТАК»; **Максим Акимов** — Генеральный директор, Председатель Правления, АО «Почта России»; **Николай Подгузов** — Председатель Правления, Евразийский банк развития; **Олег Белозёров** — Председатель Правления — Генеральный директор, ОАО «РЖД»; **Александр Зарацкий** — Первый заместитель Генерального директора, ПАО «Россети».

Игорь Шувалов, модератор сессии и председатель правления государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» ответил важную роль ЕАБР в ЕАЭС: «Нужно концентрировать капитал, договариваться, и банк, который берет на себя эту роль и претендует на лидерство, — это банк ЕАБР, — должен браться за самые важные проекты, которые будут иметь влияние минимум на территории двух государств, входящих в ЕАЭС».

ЕАБР рассматривает разработку и запуск «сквозных» интеграционных проектов в качестве своего стратегическо-

го приоритета. Реализовать данную стратегию возможно только в рамках партнерства с национальными банками развития стран и крупными финансовыми игроками. Участники евразийского конгресса рассмотрели следующие ключевые темы: трансграничная инфраструктура, создание сквозных цепочек добавленной стоимости, цифровизация евразийского пространства и общий финансовый рынок.

При этом, как отметил Николай Подгузов, важны не только деньги, но и экспертиза, подчеркнув роль экономики знаний. Одним из выводов сессии стали слова модератора о том, что капиталу на сегодняшний день не хватает проектов.

На **панели главных экономистов и международных финансовых организаций** обсудили общие вызовы, перед которыми оказались в этом году страны ЕАЭС и ЕС. Участниками дискуссии стал международный состав экономистов: **Андрей Клепач** — Главный экономист, ВЭБ. РФ; **Беата Яворчик** — Главный экономист, Европейский банк реконструкции и развития; **Григорий Марченко** — Советник Председателя Правления, Евразийский банк развития; **Наталия Орлова** — Главный экономист Банка, Руководитель центра макроэкономического анализа АО «АЛЬФА-БАНК»; **Петр Гришин** — Руководитель группы макроэкономического анализа и долговых рынков, АО ВТБ Капитал; **Рольф Штраух** — Главный экономист, Европейский стабилизационный механизм; **Эрик Берглоф** — Главный экономист, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Модератором панели выступил **Евгений Ви-**

нокуров, Главный экономист ЕАБР и Евразийского фонда стабилизации и развития который обсуждал с компетентным составом дискуссии следующие вопросы:

- Возможно ли выравнивание уровней экономического развития и доходов населения и какие механизмы могут быть для этого использованы?
- Какие подходы в экономической политике приоритетны с точки зрения наиболее полной реализации потенциала экономической интеграции?
- Как раскрыть потенциал интеграции через совместные инфраструктурные решения? ЕАЭС в мировой экономике: как использовать экономическое соседство с Европейским союзом и Китаем? Какова роль международных финансовых институтов и банков развития в решении этих задач?

Григорий **Александрович Марченко** вспомнил об истоках идеи создания евразийского экономического интеграционного объединения и том рейсе, которым он вместе с Нурсултаном Назарбаевым летел в Москву в 2001 году, где была озвучена идея создания единого евразийского пространства. С того момента уже сложилась успешная инфраструктура: это и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), и Евразийский банк развития (ЕАБР), и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). Но на этом, считает Григорий Марченко, не нужно останавливаться, и евразийскому пространству необходима перезагрузка. «Сейчас необходима перезагрузка и параллельно, возможно, возвращение к корням», — говорит Григорий Александрович. Среди основных направлений, в которых необхо-

димо двигаться, спикер выделил совмещение конкуренции и сотрудничества: «Когда рынок быстро растёт — в чем-то нужно конкурировать, в чем-то сотрудничать». В ходе панельной дискуссии было анонсировано подписание соглашения о создании коалиции банков развития. Банки развития в основном ограничены национальными рамками, в то время как у ЕАБР есть компетенции трансграничного сотрудничества и в сквозных проектах. Ещё одним направлением, которое необходимо развивать, Марченко назвал государственно-частное партнёрство, принципом которого должна выступать бюджетная эффективность. «Всё это требует внесения изменений в законодательства стран ЕАЭС», — добавил Марченко.

Ещё один тезис Григория Марченко, который во время дискуссии был поддержан также Главным экономистом ВЭБ.РФ Андреем Клепачем, касался важности расширения ЕАЭС. Речь идёт в первую очередь об Узбекистане и Монголии. «Выстраивать большие трансграничные кооперационные компании в Центральной Азии без Узбекистана даже технологически сложно», — говорит Марченко. Относительно четырёх свобод ЕАЭС (свободы передвижения товаров, труда, услуг и капитала), основное внимание должно быть направлено на либерализацию и дальнейшее сотрудничество в сфере услуг и капитала, показатели которых значительно ниже, чем в сфере передвижения товаров и услуг. В резюме выступления Григорий Марченко отметил: «Евразийская интеграция — она, во-первых, состоялась и, во-вторых, приносит конкретные результаты. Это безусловный факт,

нужно сконцентрироваться на том, чтобы дальше двигаться в этих направлениях».

Главный экономист Европейского банка **Беата Яворчик** акцентировала в своём выступлении внимание на последствиях пандемии и её влиянии на экономику: «Анкетирование средних и крупных предприятий показало, что некоторые из них ушли в онлайн даже в таких странах, как Казахстан, Киргизстан и Узбекистан, где электронные продажи среди населения не были очень популярны». Поэтому, считает Беата, нельзя недооценивать скорость происходящих изменений, которые несут новые вызовы для государств. Эти вызовы касаются также того, что частные долги с углублением кризиса будут становиться государственными, правительства будут вынуждены спасать частный сектор через национализацию, но при этом возникают возможности для коррупции. Если говорить об интеграции, Беата Яворчик считает, что нужно выходить за рамки Евразийской интеграции: «Если страны ЕАЭС хотят получить большую часть мирового рынка, придётся подумать об изменении климата. Так же как распространение коронавирусной инфекции было проблемой Китая, а стало проблемой всех, так же изменение климата станет проблемой всех». В Европе эта проблема становится очень серьезной, население вынуждено занять более нейтральную позицию в отношении потребления углеводорода, к примеру: это сырьё становится более дорогим, вводятся дополнительные налоги и т.д. Инвесторы, подчёркивает Беата, сейчас проявляют желают работать с теми странами, которые думают о климате. **Рольф Штраух**, Главный экономист Европейского стаби-

лизационного механизма, также поддержал тезис Беаты Яворчик о том, что давление по принятию более устойчивого экологического производства по всему миру будет расти. Также он подчеркнул, что на современном этапе во время экономического кризиса возникают огромные вызовы для всех стран мира, и более или менее успешно реагировать на эти вызовы можно только совместно, через сотрудничество. Рольф Штраух рассказал о мерах Евросоюза, направленных на преодоление кризиса: в частности, о выделении кредитов с низкими и порой отрицательными процентными ставками.

Относительно Евразийского экономического союза Рольф Штраух отметил, что его нахождение между двумя самыми крупными экономиками земного шара как создаёт преимущество, так имеет и негативную сторону — ЕАЭС находится фактически на периферии двух экономических сил, что, в свою очередь, может сказаться негативно на выходе Евразийского региона из кризиса, вызванного пандемией. Тенденцией текущего этапа является необходимость развития несырьевых рынков и информационных услуг. Государствам нужно думать, подчёркивает Рольф Штраух, о новых компетенциях и о финансовых «мускулах», которые будут предоставлены частному сектору, нужно реализовывать более эффективную работу государственно-частного партнёрства. Многие шаги тесно связаны с повышением компетенций в сферах цифровизации и цифровой экономики.

Руководитель группы макроэкономического анализа и долговых рынков АО ВТБ Капитал Пётр Гришин отметил, что экономический кризис 2020 года принципиаль-

но отличим от экономических кризисов 1998-го, 2008-го и 2014-го годов, если оценивать их с точки зрения роли России в регионе. Если ранее Россия выступала мощным источником распространения негативных шоков, то сейчас, как констатирует Пётр Гришин, Россия вследствие достижений в макроэкономической области стала поставщиком стабильности в регионе.

Главный экономист ВЭБ.РФ Андрей Клепач вернулся к тезису Григория Марченко о том, что интеграция состоялась. А те вызовы, которые поставила перед нами пандемия, лишний раз доказывают, что мы больше ценим то, что начинаем терять. В первую очередь тезис касался нехватки офлайн-общения. При этом связка экономик, как отмечает спикер, в кризис продолжала работать. Вопрос в том, как дальше развиваться интеграции, как будут развиваться наши страны в долгосрочной и среднесрочной перспективе: мы будем сближаться, будем находить новые формы интеграции и взаимодействия или будут усиливаться центробежные тенденции? — ставит вопрос Андрей Клепач. «Если мы посмотрим на последние годы, то увидим, что торговля с другими странами и с тем же Китаем развивалась быстрее, чем взаимная торговля (стран-участниц ЕАЭС), при этом за время пандемии взаимная торговля упала всё-таки меньше, чем торговля с внешними странами», — отмечает спикер. Одним из рисков Андрей Клепач выделяет то, что ЕАЭС будет развиваться медленнее, чем мировая экономика. Задача ускорения темпов важна. Важно также, как уже было отмечено в дискуссии, расширение ЕАЭС. Присоединение к ЕАЭС Узбекистана, Таджики-

стана, Монголии дало бы огромный импульс, это расширило бы рынок почти на треть. Но здесь, считает Андрей Клепач, возможно, стоит идти не путём педалирования существующих правил и форм, а институционализировать статус ассоциированного члена. Второе, что выделил выступающий, это важность совместных проектов. Пока мы видим больше двусторонних проектов России с членами ЕАЭС, нежели общих проектов. Задача развития общих проектов поставлена перед банками развития.

Выводом дискуссии является то, что страны Евразийского экономического союза, хотя и различаются существенно по масштабам, экономическому и ресурсному потенциалу, по структуре промышленности, сегодня сталкиваются с общими глобальными вызовами. Много уже сделано: сформирован общий товарный рынок, функционирует единый рынок труда, работают евразийские финансовые институты, ЕАБР и ЕФСР. Важно поддержать темпы развития интеграции и координировать общие подходы по текущим острым глобальным вызовам. На повестку дня встают и новые задачи. Актуален вопрос выравнивания уровня экономического развития и доходов населения. Актуальна и повестка интеграции на уровне бизнеса: формирование эффективных цепочек добавленной стоимости, рост экспорта на основе кооперации, использование возможностей экономического соседства с ЕС и КНР.

На молодёжной сессии **«Стратегии вовлечения молодежи в процессы евразийской интеграции»** обсудили вопросы вовлечения молодежи в интеграционные процес-

сы: наиболее перспективные направления и сферы работы с молодежью с точки зрения дальнейшего развития ЕАЭС, роль человеческого капитала в развитии евразийской экономической интеграции, а также взгляд академического сообщества на вовлечение молодежи в процессы евразийской интеграции.

Участниками секции стали: **Андрей Петухов** — Первый заместитель Председателя Ассоциации молодежных правительств Российской Федерации; **Виктор Шахматов** — Эксперт Дирекции цифровых инициатив Евразийского банка развития; **Вячеслав Сутырин** — главный редактор Eurasia.Expert, проректор по международным связям Государственного академического университета гуманитарных наук; **Дмитрий Шатунов** — Заместитель Председателя Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации; **Константин Колпаков** — советник Генерального секретариата МИД России, Председатель Совета молодых дипломатов МИД России; **Константин Сидорков** — Директор по стратегическим коммуникациям ВКонтакте; **Левон Шагинян** — Медиаменеджер; **Олег Фирер** — Чрезвычайный и Полномочный Посол Гренады в Российской Федерации; **Станислав Суровцев** — Проректор по социальной работе и молодежной политике МГИМО (У) МИД России; **Татьяна Селиверстова** — начальник отдела международной деятельности Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), **Вартанова Елена Леонидовна** — декан факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. **Николай Подгузов** обратился к участникам молодежной

секции. «В строительстве союза важна преемственность поколений — сказал он. — У нас есть общая история, традиции, общая жизнь, общие победы, однако молодые люди сегодня живут реалиями отдельных квартир». Задача молодежного совета, как ее видит Подгузов, состоит в том, чтобы обеспечить преемственность. «Важна консолидация в понимании того, что ЕАЭС — это благо для людей, это их экономическая состоятельность, — подчеркнул Подгузов, — необходимо доносить людям о более высоком потенциале этого пространства — задача для всех нас. ЕАЭС строится сейчас с опорой на современные технологии, новые знания, кому, как не молодёжи, в эти процессы интегрироваться, их применять и развивать». В резюме Николай Подгузов высказал уверенность, что из молодёжного совета вырастут новые лидеры, которые будут чётко понимать преимущества и все позитивные моменты нашего интеграционного объединения, будут формировать государственные политики наших стран исходя из того, что вместе лучше, чем по отдельности».

Председатель Молодежного совета ЕЭК, Директор Департамента протокола и организационного обеспечения ЕЭК **Данияр Турусбеков** выступил модератором сессии. Он отметил, что в последние годы работа с молодёжью прочно вошла в повестку крупнейших международных организаций и интеграционных объединений.

Константин Колпаков, советник Генерального секретаря МИД, поделился опытом конструктивного взаимодействия с Молодёжным советом ЕЭК и высказал важный тезис: «Форум ради форума — не совсем правильная фор-

мула, каждый форум должен иметь какой-то положительный результат, далекойдущий, ставящий стратегические задачи на 10–15 лет». В планах на самое ближайшее время, как отметил Константин Колпаков, создать ассоциацию молодых дипломатов ЕАЭС: «Пандемия отложила реализацию создания ассоциации, но работа в этом направлении ведётся».

Данияр Турусбеков поделился также положительными результатами взаимодействия с Федеральным агентством по делам молодежи «Росмолодёжь» на примере бизнес-игры «Сделано в ЕАЭС», проведённой совместно с Федеральным агентством по делам молодежи в рамках Международного молодежного форума «Евразия Global» в 2020 году в Оренбурге. Бизнес-игра, рассказывающая о потенциале ЕАЭС, получила большой отклик и интерес со стороны молодёжи. Начальник отдела международной деятельности Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодёжь) **Татьяна Селиверстова** подчеркнула важность синергии различных молодёжных организаций и высказалась о том, что «Росмолодёжь» рассматривает Молодежный совет Евразийской экономической комиссии как стратегического партнёра в рамках реализации международной молодёжной повестки, и предложила включение в совместную работу проектного офиса «Россия и центрально-азиатский регион», в рамках которого проходит взаимодействие с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном. В своём выступлении Татьяна Селиверстова отметила, что декабрьское заседание совета глав субъектов РФ под председательством

Министра иностранных дел РФ Сергея Викторовича Лаврова впервые будет посвящено теме развития международного межрегионального молодёжного сотрудничества: «Впервые на таком высоком уровне будет подниматься вопрос включения молодёжной повестки в международное сообщество, в развитие международных программ и проектов».

Чрезвычайный и Полномочный Посол Гренады в Российской Федерации **Олег Фирер** поделился опытом поддержки на политическом и дипломатическом уровне молодёжных инициатив и участия молодёжи в важных для государства проектах в Гренаде. «Премьер-министр Гренады взял под личное курирование молодёжное направление», — рассказал Олег Фирер. В своём выступлении он также высказал открытость к диалогу, взаимодействию с ЕАЭС и к поддержке интеграционных площадок.

На молодежной секции присутствовал также **Константин Сидорков**, начавший карьеру с создания радио в 12 лет. Сейчас он является директором по стратегическим коммуникациям ВКонтакте. Константин рассказал о новых разработках и перспективах развития социальной сети ВКонтакте и прошедшем в рамках пандемии онлайн-фестивале «VK Fest 2020». Недавно ВКонтакте открыла своё представительство в Казахстане, Константин сообщил, что сейчас открыта вакансия регионального представителя ВКонтакте в Узбекистане.

Станислав Суровцев, проректор по социальной работе и молодежной политике МГИМО (У) МИД России,

продолжил тему углубления интеграции с Узбекистаном. В 2018 году МГИМО открыл в Ташкенте свой филиал, где сейчас по целой группе направлений готовят специалистов-международников. Станислав поделился идеей создания университетского хаба в Центральной Азии. Также в своём выступлении Станислав подчеркнул роль волонтерства в интеграционных процессах на примере проведенной в Киргизии в 2018 году волонтерской миссии с целым рядом мастер-классов, интерактивов и лекций, направленных на приобретение компетенций в сфере волонтерского сопровождения мероприятий. В МГИМО на сегодняшний день обучается более 300 студентов из государств — членов ЕАЭС.

Говоря о расширении ЕАЭС, к которому на конгрессе в своих выступлениях часто возвращались спикеры, Данияр Турусбеков подчеркнул, что уже в декабре может быть принято решение о предоставлении статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС Узбекистану и Кубе. Такой статус в ЕАЭС уже предоставлен Молдове.

В вопросах сотрудничества с академической средой слово было представлено **Вартановой Елене Леонидовне**, декану факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Елена Леонидовна высказала тезис о том, что никакой интеграции не будет, если будет информационная вражда, в этой связи медийную и информационную сферы крайне важно развивать. Положительным кейсом здесь служит программа, которая реализовалась в МГУ для специалистов из стран СНГ по обучению принципам освещения интеграционных процессов. Программа включала в себя как теоретические,

так и практико-ориентированные знания, но сейчас она не реализуется и не финансируется. «Нужно думать о том, — считает Елена Леонидовна, — как найти новые формы, чтобы встраивать евразийскую молодёжь в подобные проекты, ведь исследования показывают, что традиционные СМИ стран ЕАЭС практически не освещают интеграционную повестку». Важно понимать, что в дистанционных онлайн-формах, в которые сегодня перешел практически весь мир, это сделать даже проще, нежели в офлайн-формате. Елена Леонидовна акцентировала внимание на важности сотрудничества с академической и образовательной средой: «Это та основа, на которой строится дальнейшее развитие интеграции, ведь студенты, которых мы готовим сегодня, — это будущие лидеры в политической, экономической, культурной, бизнес-сфере. Если мы уже сегодня у них сформируем не столько интерес, который они проявляют, сколько знание, на основе которого они будут развивать интеграцию, то, я думаю, мы сделаем тем самым очень важное вложение в человеческий капитал». Задачей ближайшего будущего Елена Леонидовна видит объединение кафедр и факультетов журналистики разных университетов и создание новых медиа, где студенты стран ЕАЭС смогли бы рассказывать друг другу о себе, создавать новый положительный контент, возможно, с критикой, но конструктивной.

Медиаменеджер **Левон Шагинян** также коснулся проблемы работы с новыми медиа на примере государственных структур, которые очень неохотно подходят к вопросу формирования своего имиджа и в принципе к присутствию в соцсетях и новых медиа. Сайты, буклеты и классические

СМИ, как подчеркнул Левон Шагинян, перестают быть источниками, к которым люди обращаются за получением информации. Например, проведённое в России исследование показало, что о деятельности главы одного российского города более 80% молодёжи не знало в принципе ничего. «Необходимо развивать личные бренды и интересный контент в социальных сетях», — резюмировал Левон. И это, по его мнению, может произойти только через привлечение к реализации этой задачи молодёжи и специалистов в сфере Digital.

Дмитрий Шатунов, заместитель Председателя Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, поддержал тезис Левона Шагиняна о важности работы с молодёжью посредством социальных сетей: у Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации нет сайта, вся деятельность Молодёжного парламента освещается на странице @molparlamrf в Instagram. Относительно поддержки и участия в интеграционной повестке Дмитрий отметил два направления, в которых Молодёжный парламент принимает активное участие: Молодежная межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств и Молодёжная Палата при парламентском собрании Союза Беларуси и России. На данный момент не существует единой Молодёжной организации, которая бы объединяла молодых парламентариев. С целью работать в данном направлении Молодежный парламент при Государственной Думе проводит не первый год различные мероприятия,

среди которых подписание в 2015 году договора о создании совета молодых парламентариев «Евразийский диалог», куда вошли Армения, Беларусь, Россия и Таджикистан. Эти страны ежегодно проводили мероприятия и заседания, после чего было принято решение выведения данной площадки на международную арену, тогда был проведён «Первый международный конгресс молодёжных парламентов мира». Это мероприятие стало подспорьем в создании Молодёжных парламентов и в странах — участницах ЕАЭС.

Важные тезисы, касающиеся молодежного направления евразийской интеграции, привёл **Вячеслав Валерьевич Сутырин** — главный редактор Eurasia.Expert, проректор по международным связям Государственного академического университета гуманитарных наук. Если задаваться вопросом, для чего интегрировать молодёжь в проекты Евразийского экономического Союза, то ответов, по мнению Вячеслава Валерьевича, здесь может быть несколько. Во-первых, это кадровое обеспечение, необходимость наполнять кадрами те интеграционные структуры, которые существуют. Во-вторых, молодёжь нужно вовлекать в конкретные проекты и стартапы. И третье — это Коммуникационные стратегии, привлечение молодёжи к созданию общих смыслов, реализации широких коммуникаций, которые направлены на укрепление бренда евразийской интеграции. Среди методов привлечения молодежи к интеграционным процессам на евразийском пространстве Вячеслав Валерьевич выделил метод создания возможностей (возможностей трудоустройства или образования). «Как показывает опрос общественного

мнения на евразийском пространстве, для молодёжи наших стран образование — наиболее приоритетная тема, когда мы говорим о международном сотрудничестве», — добавил В. Сутырин.

Вторым методом он выделил общение и возможность завести новые знакомства: «Для молодёжи общение имеет особую ценность, особенно если говорить о международном сотрудничестве». Среди инструментов Вячеслав Валерьевич отметил в первую очередь мероприятия (зимние и летние школы, хакатоны и пр.). «Тенденция конкурсной механики — это то, что сейчас интересно, то, что помогает активно взаимодействовать с молодёжью», — подчеркнул В. Сутырин.

Говоря о важности поддержки со стороны ЕЭК и ЕАБР межвузовского взаимодействия, Вячеслав Сутырин озвучил имеющуюся проблему: «Я понимаю, что в мандат евразийской комиссии не входят вопросы образования. Имеет смысл, с одной стороны, ставить вопрос расширения мандата, и, с другой стороны, — можно вести речь и о бизнес-образовании». Также Вячеслав Сутырин подчеркнул важность создания специализированных площадок, которые были бы интересны для молодёжи, для реализации общественных культурных и бизнес-проектов. Таким примером может являться конкурс молодых международных им. А.А. Громыко, а также повышение курсов квалификации преподавателей белорусских университетов, которое проходит параллельно с первым евразийским конгрессом на площадке МГИМО, программа называется «Международные отношения и евразийская интеграция».

В рамках сессии «**Цифровая Евразия: новая стратегия роста**» обсуждался вопрос цифровизации как одного из ключевых направлений проектной деятельности ЕАБР и работа Фонда цифровых инициатив, направленная на поддержку трансграничных цифровых проектов.

Участниками сессии стали: модератор сессии, заместитель Председателя Правления, Евразийский банк развития, **Тигран Саркисян**, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации **Алексей Оверчук**, вице-премьер, министр Правительства Республики Армения **Мгер Григорян**, заместитель Генерального секретаря ООН и исполнительный секретарь Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) **Армида Алисджабана**, председатель Государственного комитета информационных технологий и связи Кыргызской Республики **Алтынбек Исмаило**, министр цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан **Багдат Мусин**, генеральный директор АНО «Цифровая экономика» **Евгений Ковнир**, генеральный директор «Астана Хаб» **Магжан Мадиев**, директор по цифровой трансформации «DIGITAL EUROPE» **Рей Пинто**, Генеральный и HR-директор Яндекс в России **Елена Бунина**.

Участники обсудили перспективы масштабирования и реализации совместных цифровых инициатив. Особое внимание было уделено вопросам устранения препятствий на пути реализации совместных инициатив и масштабирования успешных решений, реализованных в национальных экономиках и системах. На повестке также стояли вопросы

вызовов пандемии, обсуждались перспективные цифровые продукты для минимизации издержек в кризисных и форс-мажорных ситуациях. На тему «четырёх свобод» ЕАЭС участники дискуссии также посмотрели в контексте цифровизации. В рамках сессии Фонд цифровых инициатив Евразийского банка развития (ЕАБР) подвел итоги объявленного в начале сентября этого года конкурса на лучшие цифровые решения по противодействию распространению и преодолению негативных последствий пандемии COVID-19 на евразийском пространстве. Победителями стали: проект B2BCloud, представленный российской компанией «СмартСтаффинг», проект ForumVR от компании «10Tech» из Казахстана, проект «Онлайн Доктор», разработанный российской компанией «Мобильные медицинские технологии», и, наконец, проект OnlineEventSpace от компании «ПЛЮС ТДИ», представляющей Республику Беларусь.

Представители делегаций из Армении и Беларуси, прибывшие на Евразийский конгресс, стали первыми участниками запуска нового проекта под названием «Путешествую без COVID-19», анонсированного ранее курирующим работу Фонда заместителем Председателя Правления ЕАБР Тиграном Саркисяном.

На панельной дискуссии **«Общий финансовый рынок: возможности и риски»** обсуждались вопросы роли банков развития в условиях меняющейся финансовой среды, конкуренция банков развития и коммерческих банков на евразийском пространстве и механизмы их взаимодей-

ствия. На повестке также стояла проблема гармонизации финансового законодательства для формирования общего финансового рынка и перспективные решения для расчетно-платежных операций.

Модерировал дискуссию **Тигран Саркисян** — Заместитель Председателя Правления Евразийского банка развития. Участвовали в дискуссии: **Алексей Моисеев** — Заместитель Министра финансов Российской Федерации; **Алла Бакина** — Директор Департамента национальной платежной системы Центральный Банк Российской Федерации; **Алексей Панферов** — Заместитель Председателя Правления — вице-президент Корпоративного блока, ПАО «Совкомбанк»; **Андрей Жишкевич** — Председатель Правления ОАО «Банк развития Беларуси»; **Владимир Мау** — ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **Владимир Потапов** — Главный исполнительный директор (СЕО) ВТБ Капитал Инвестиции, старший Вице-президент банка ВТБ; **Григорий Марченко** — Советник Председателя Правления, Евразийский банк развития; **Денис Шулаков** — Первый вице-президент АО «Газпромбанк»; **Нурлан Мамытов** — Председатель Правления, Российско-Кыргызский Фонд развития; **Олег Смоляков** — Первый заместитель Председателя Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка; **Рено Селигманн** — Директор и постоянный представитель, Представительство Всемирного банка в Российской Федерации.

Общий финансовый рынок должен быть сформирован в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе к 2025 году. Участники дискуссии обсудили проблему необходимости ускоренной гармонизации финансового законодательства и активного сотрудничества всех участников интеграционного процесса. Единая финансовая инфраструктура и общий финансовый рынок являются необходимыми условиями для реализации интеграционных проектов. В этой связи приобретает особую актуальность понимание глобальных трендов и влияния современных технологий на финансовый сектор и деятельность банков развития.

На секции **«Трансграничная инфраструктура и формирование сквозных цепочек добавленной стоимости»** обсуждались вопросы развития транспортно-логистической сферы на пространстве ЕАЭС, инвестиционные программы в этой области, вопрос добавочной стоимости на пути транзитных цепочек поставок и создание механизмов развития региональных предприятий, вовлеченных во внешнеэкономическую деятельность промышленности на Евразийском пространстве.

Обсуждали данные вопросы **Алексей Андреев** — генеральный директор АО «ДСК «Автобан», **Владимир Татарчук** — председатель совета директоров, Главный управляющий партнер «Proxima Capital Group»; **Денис Ильин** — старший управляющий директор, Евразийский банк развития; **Олег Панкратов** — генеральный директор «ВТБ Инфраструктурный Холдинг»; **Руслан Искаков** —

Председатель Правления АО «KazakhExport»; **Санжар Муканбетов** — министр экономики Кыргызской Республики; **Юрий Корсун** — заместитель председателя Правления Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ». Модерировал дискуссию **Илья Копелевич** — Главный редактор радиостанции «Business FM».

В силу своих территориальных масштабов все евразийское пространство, простирающееся от тихоокеанского побережья до Балтийского моря, от китайско-казахстанской границы до Баренцева моря, имеет необъятный потенциал для развития транспортно-логистической инфраструктуры, развития «хабовой» инфраструктуры и предоставления экономически эффективных логистических решений. Участники панели обсудили требования и ожидания рынка по транспортно-логистическим решениям, а также инвестиционные потребности по развитию трансграничной инфраструктуры. Вклад промышленности в ВВП стран — членов ЕАЭС варьируется от 14–15% в Армении и Кыргызстане до около 30% в России и Казахстане. Для этого сектора характерно развитие сложных сетей производственной кооперации, связывающих зачастую географически удаленные друг от друга предприятия. Исторически такие связи поддерживаются между производителями промышленной продукции в нашем регионе: наиболее ярким примером является кооперация между предприятиями России и Беларуси. Поддержка и развитие взаимодействия между индустриальными секторами экономик ЕАЭС является, возможно, наиболее многообещающим направлением укрепления интеграции в рамках Союза с точки зрения

масштабов, глубины и устойчивости результатов, которые могут быть получены.

Заключительная панель «**К Большой Евразии через сопряженность государств, бизнеса и людей**» собрала представительных участников из всего евразийского континента. Вопрос «Жив ли лозунг “от Лиссабона до Владивостока” применительно к развитию интеграционных процессов в Большой Евразии?» обсуждали **Кирилл Барский** — посол по особым поручениям МИД России; **Михаил Мясникович** — Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии; **Максим Решетников** — Министр экономического развития Российской Федерации; **Игорь Моргулов** — Заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации; **Александр Шохин** — Президент, Российский союз промышленников и предпринимателей; **Антонио Фаллико** — Председатель Совета директоров «АО Банк Интеза»; **Владимир Чижов** — Постоянный представитель Российской Федерации при Европейском союзе; **Д.Б. Венкатеш Варма** — посол Индии в Российской Федерации; **Йохан Вандерплаетсе** — Председатель Правления Ассоциации Европейского Бизнеса, Глава Shneider Electric в РФ и СНГ; **Кайрат Келимбетов** — Председатель Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Управляющий Международного финансового центра «Астана»; **Маркус Эдерер** — посол Европейского союза в Российской Федерации; **Михаэль Хармс** — Исполнительный директор Восточного комитета германской экономики. Модерировал

панель **Андрей Слепнев** — Член Коллегии (Министр) по торговле, Евразийская экономическая комиссия.

Посол Индии в Российской Федерации **Д.Б. Венкатеш Варма** отметил, что для Индии концепция Евразийского союза не нова, подчеркнул, что Индия имеет на сегодняшний день хорошие двусторонние отношения практически со всеми странами евразийского региона. Также, отвечая на вопрос панели о Большой Евразии «от Лиссабона до Владивостока», Д.Б. Венкатеш Варма отметил, что это отличная платформа для диалога, имеющая огромный потенциал. Индия, по словам посла, выступала бы за расширение границ евразийского союза, включающего в себя и восток, и запад, и юг, и север. «Для Индии этот проект очень важен, — подчеркнул **Д.Б. Венкатеш Варма**, — основой должен стать взаимовыгодный экономический рост, не для того чтобы кого-то поработать, но чтобы развивать, учитывая региональные особенности». **Йохан Вандерплаетсе**, председатель Правления Ассоциации Европейского Бизнеса и глава Shneider Electric в РФ и СНГ, отметил, что ЕАЭС — это очень успешная интеграционная попытка, что за 5 лет сделано очень многое. «Мы всегда выступаем за то, что помогает бизнесу работать. <...> Единая огромная экономическая зона — в этом всегда много плюсов для всех, и для конечного получателя в том числе». Йохан Вандерплаетсе подчеркнул, что Европа проигрывает, когда игнорирует евразийский регион, в первую очередь перед Китаем. «У Covid-19 нет границ, но и мы должны действовать на взаимосвязь, чтобы не было границ», — отметил в своём выступлении Йохан Вандерплаетсе.

Кирилл Барский курирует проект Большой Евразии и высказал уверенность, что при всех вызовах и проблемах партнёрство, заложенное в сути проекта Большая Евразия, позволит противопоставить растущему разобщению общие интересы. «Уверенность эта основана на глубоком анализе того, что происходит в мире и на евразийском континенте», — подчеркнул Барский. Он отметил, что на фоне проблем и кризисов растёт взаимозависимость стран друг от друга, возрастают тенденции к объединению и сотрудничеству.

Участники панели пришли к выводу, что восстановление после пандемии открывает новые возможности по более тесной кооперации как государств, так и делового сообщества в Евразии.

* * *

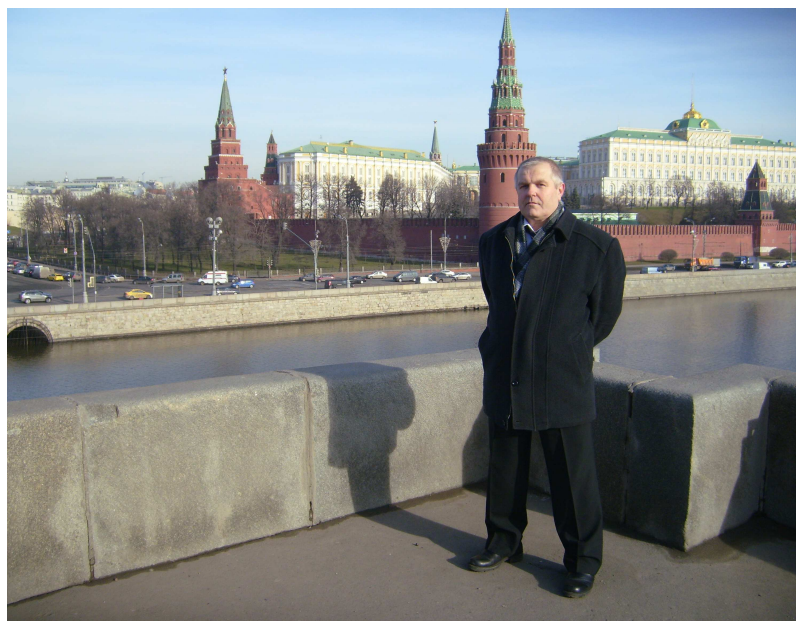
Первый евразийский конгресс затронул все важные аспекты сложного контекста, в котором сейчас находятся страны Евразийского экономического союза и весь мир. Без сотрудничества и диалога едва ли можно пройти эффективно ту трансформацию, в которой мы находимся. Вопросы не только экономического сотрудничества, но и гуманитарного не раз поднимались на конгрессе участниками. Остро встаёт вопрос преемственности в связи со сменой поколений, в которую мы входим. Новое поколение мыслит категориями отдельных квартир, как подчеркнул Николай Подгузов. Необходимо активное развитие молодёжного направления евразийской интеграции. Вопросы

образования также должны стать направлением, курируемым ЕЭК при поддержке ЕАБР. И в гуманитарной, и в экономической сферах особое значение имеет тема цифровизации, которой касались на всех панелях и секциях конгресса. 2020 год является катализатором тех изменений, которые неизбежны. Евразийскому экономическому союзу необходимы ясные стратегии развития и механизмы встраивания в новые реалии и подобные диалоговые площадки, без сомнения, являются необходимым средством на пути разрешения и глобальных, проблем и отдельных вопросов, от которых зависит жизнь людей стран евразийского региона.

IN
MEMORIAM

Петр Шорников

Феномен Назарии

24 ноября 2020 года в Кишиневе на 63-м году жизни скончался выдающийся молдавский ученый, доктор истории, кандидат исторических наук, габилитированный доктор политических наук, профессор, автор 260 научных работ, исполнительный директор Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» Сергей Михайлович Назария.

Сергей Назария родился 11 сентября 1958 года. Как личность он сформировался в школе советских времен. Русским языком владел как вторым родным. В 1980 году

окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета. Служил в армии офицером-политработником. В 1992 году защитил диссертацию доктора истории (кандидата исторических наук), а в 2004 году — габилитированного («полного») доктора политических наук на тему «Российская Федерация в контексте политических процессов современности».

В 1989 году молдавское общество было расколото на молдавистов — сторонников молдавской национально-культурной идентичности и молдавской государственности и румынистов/унионистов, выступающих за отказ от самоназвания «молдаване», лингвонима «молдавский язык» и за присоединение Молдавии к Румынии. Число румынистов невелико, но они располагают поддержкой из-за рубежа и контролируют систему образования, большую часть СМИ, пользуются поддержкой компрадорской части бюрократии и интеллигенции. Поэтому характеристику любого ученого-историка приходится начинать с раскрытия его гражданской позиции. Назария работал в системе четко определенных им самим национально-политических координат — как патриот Молдавии.

Как публицист Сергей Михайлович стал известен уже в «лихие» 90-е годы, но на общественную арену вышел в 2001 году, когда к власти в Молдове пришла Партия коммунистов. В июне он был назначен заместителем министра образования и сразу выступил за организацию более глубокого изучения русского языка в молдавских школах. К автору этой статьи замминистра подошел в читальном зале

Центральной Национальной библиотеки: «Петр Михайлович, здравствуйте. Я — Назария. Мы можем поговорить?»

Он был в курсе парламентской борьбы 90-х годов за сохранение в Молдове функционального пространства русского языка и возвращение в программы учебных заведений курса «история Молдавии». Нерешенными проблемами системы образования, полагали молдависты, оставались также преподавание курсов «румынский язык» и «румынская литература». Но Назария начал беседу с констатации: «Наши ”румыны” отбирают у молдаван русский язык». Эту политику он, перейдя на молдавский, охарактеризовал как «ындобиточире» (оскотинивание) нового поколения молдаван: из них готовят безграмотный рабочий скот для Европы. Рассказал об имеющихся у него планах увеличения числа часов преподавания русского языка в молдавских школах. Но преподавать русский язык, особенно в сельских школах, уже некому, в 90-е годы учителя разъехались. Что можно сделать?

Я ответил, что треть населения Молдовы — русские и другие русскоязычные, работают русские школы, выходят газеты, передачи московского телевидения смотрят все, и русский язык молдаване сохраняют. Это — не решение вопроса, возразил Сергей Михайлович, знание литературного языка может дать только школа. Молдаванам необходимо хорошее знание русского языка, треть учеников русских школ — молдаване, часть молдавской молодежи стремится получить на русском языке высшее и профессиональное образование. Как помочь этим молодым людям?

При следующей беседе Сергей Михайлович рассказал о враждебности аппарата министерства образования предлагаемым им мерам по улучшению изучения русского языка и о своих и немногих коллег попытках что-то осуществить. Позднее другой заместитель министра, О.А. Бабенко, вспомнил, как они с Назарией заверяли министра: «Вы только разрешите, мы сделаем!» Однако министр оказался национал-коммунистом прорумынского толка. Президенту В.Н. Воронину он доложил о нехватке учителей русского языка — и умыл руки. Коллегия министерства образования отказалась от реализации предложений Назарии явно по политическим причинам. В январе 2002 года ему пришлось из министерства уйти. Затем «ушли» и Олега Бабенко.

Назария разговаривал, читал лекции, набирал тексты на молдавском и русском языках. Как преподаватель Института международных отношений специализировался на истории Второй мировой войны, истории Бессарабии периода румынской оккупации, истории советско-румынских отношений, борьбе СССР и других стран против фашизма. Разрабатывал учебники по истории Молдавии. Уже к 2012 году его знали как автора около 150 научных работ, изданных в Молдавии, России, Белоруссии, Румынии, на Украине, среди которых были 20 учебников и монографий.

Извращенная трактовка событий прошлого, полагал ученый, есть попытка программирования такого же будущего. Национал-радикалы Румынии уже в конце 50-х годов добились свертывания начатых профессором Михаилом

Роллером исследований военных преступлений румынских нацистов, а в «эпоху» Н. Чаушеску взяли курс на реабилитацию диктатора Иона Антонеску и его режима. С 1990 года и особенно в первые годы нового века попытки «оправдать» геноцид евреев их нелояльностью румынскому государству были предприняты и румынистами Молдавии. Назария выступил против переписывания истории. «Тем, кто героизирует нацистов и Антонеску, — публично заявлял он, — руки не подаю». Выступал с обличительными интервью и статьями, а в 2005 году выпустил монографию **«Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944)»**, в которой раскрыл румынский «вклад» в уничтожение евреев.

Издание книги встретило положительный отклик в кишиневской прессе и стало в Молдове событием общественной жизни; ученые и журналисты использовали ее материалы в публикациях на темы истории Молдавии времен Великой Отечественной войны. Критика политики истории, проводимой в Румынии, усилилась и на Западе. Бухарест принял меры косметического свойства. Были снесены десять из 11 установленных в стране памятников Иону Антонеску, выделены средства на издание документов и материалов о Холокосте. Но с выпуском нескольких книг тему сочли закрытой. А преступления, совершенные в годы войны румынской армией, полицией, спецслужбами против молдаван, русских, украинцев, не заинтересовали румынских историков. Курс на героизацию сообщников Гитлера был продолжен. Критику попыток снять с правящих кругов Ру-

мынии ответственность за их преступления, совершенные на территориях Молдавии и Украины, Назария продолжил в других работах.

В Молдову с 1990 года шел из Румынии поток литературы, призванной посеять русофобию; в Кишиневе на румынские гранты издавались составленные по румынским лекалам учебники истории. С.М. Назария вскрывал научную несостоятельность и шовинистическую направленность этой продукции, называя поименно компрадоров от исторической науки:

«Проживавшие веками (с V века) на территории Молдовы славяне представлены [в учебниках истории] как мигранты, никак не повлиявшие на «коренное население». История Древней Руси представлена относительно нейтрально, но политика России — как «агрессивная и экспансионистская», начиная с Прутского похода Петра Великого в Молдавию в 1711 году. Как повод для пропаганды ненависти к России и всему русскому Освободительные русско-турецкие войны представлены как бедствие для коренного населения: «Россия пытается замаскировать свои агрессивные намерения, провозглашая себя защитницей христиан, поработенных мусульманами» (Dragnev D., Varta I. *Istoria românilor. Epoca modernă. Partea I. Manual pentru clasa a VII-a*”. Chişinău, 2011). Далее: «Российские войска вели себя как настоящие оккупанты»; «Российская военная оккупация во время войны (1828–1829 гг. — С.Н.) была ужасающей и сопровождалась многочисленными актами произвола, насилия, принудительного труда, реквизиций, эпидемий, эпизоотий и даже голода» (Dragnev D.,

Varta I. Istoria românilor. Epoca modernă. Manual pentru clasa a XI-a de liceu).

Описывая русско-турецкие войны, авторы стремятся внушить ученикам русофобские настроения: «После 1829 года по своим разрушительным эффектам опасность российского присутствия в Княжествах значительно превосходила турецкую в любое время до и после этого». В другом учебнике автор винит Россию в том, что она «сыграла отрицательную роль в судьбах стран и народов, попавших в ее сферу влияния, затормозив их развитие». Ученики узнают, что «в XIX–XX веках наиболее разрушительной силой была Российская, а затем Советская империи, которые преследовали цель истребить румынскую нацию» (Vizer B. Istoria contemporană a românilor. Manual pentru clasa a IX-a. Chișinău, 2011). Приводятся «данные» об «экономических обязательствах, навязанных румынским княжествам оккупационной царской армией (в 1768–1854 годах)» в размере «200 миллионов лей золотом, то есть 64 516 кг золота» (Dragnev D. Istoria românilor. Epoca modernă. Partea II (1850–1918). Manual pentru clasa a VIII-a). Получается, русским следовало бы эти средства вернуть румынам!»

Содержание учебников истории, используемых в учебных заведениях Молдовы, заключал С.М. Назария, «противоречит европейским демократическим принципам, рекомендациям Совета Европы, носят антигосударственный, ксенофобский характер и сильно мифологизированы. Неприемлем сам принцип исследования/ обучения истории как истории народа, а не государства. При этом авторы не

признают существования молдавского народа, в учебниках используется синтагма расистского характера “румынский род”. Другие народы представлены как враги, мигранты и колонизаторы, а румыны — как жертвы других этнических сообществ. Тем самым у нового поколения формируют неуважение ко всем этническим и религиозным группам Молдовы».

Концепция курса «история румын», полагал историк, порочна потому, что обязывает авторов-румынистов игнорировать молдавскую этнокультурную самобытность и полиэтнический состав населения Молдавии в прошлом и в настоящее время. В первые годы XXI века, когда в обществе оживилась надежда на возврат в программы учебных заведений истории Молдавии вместо курса «история румын», от которого в 2000 году отказалась даже система образования Румынии, С.М. Назария выступил деятельным и принципиальным проводником этих требований. «История как предмет преподавания в школах и вузах, — публично заявлял он, — является не просто научно-мировоззренческой дисциплиной, как, скажем, физика, химия, биология и т.д., но играет и нравственно-политическую роль в деле воспитания будущих граждан того или иного государства». «Начиная с 1990 года наша история мистифицируется и заменяется румынской при прямом участии властей. Гуманитарная политика отдана на откуп соседнему государству. Докатились до позорища: нам как колонии румыны пишут и издают учебники. Молдавские учебники — образчик мистификаций и фальсификаций». Чтобы научить студентов критически мыс-

лить, предлагал на одной лекции излагать две концепции событий истории.

Полагая, что политические «ошибки» правительства во многом объясняются неосведомленностью министров и чиновников, Назария публично ставил вопрос «о создании национального исследовательского (аналитического) центра, который бы занимался всем кругом вопросов, имеющих отношение к международному развитию, внешней политике Молдовы, с целью выработки концептуальных установок и практических рекомендаций». Власть осталась глуха к этому призыву, и историк учредил экспертную структуру — Центр стратегического анализа и прогноза «East — West» Республики Молдова и стал высказываться по вопросам текущей политики от его имени.

Потрясения 2009 года подтвердили предупреждения ученого относительно влияния преподавания истории на сознание нового поколения. Как политолог, он жестко, но объективно оценивал поведение и «масс», и власти. Уличные беспорядки 7 апреля 2009 года, когда были подожжены резиденция президента и здание Парламента, уничтожен парламентский архив, он прокомментировал так: «Живём как овцы, голосуем как бараны, протестуем по-скотски [...] И даже если всё, что произошло 7 апреля в центре Кишинёва, спровоцировано “некими тёмными силами” (надеюсь, что их представят обществу), в конечном итоге во всём виновата действующая власть. Это она своим правлением породила этот беспощадный бунт». Бунт стал первым актом государственного переворота.

То обстоятельство, что противникам молдавской государственности удалось манипулировать молодежью, Назария объяснил как историк: «Молодые люди были воспитаны во враждебном духе по отношению к собственному государству, и этим была предопределена их реакция на символы Молдавского государства. Разгром парламента и президентуры означал в головах этих людей ликвидацию “неправедного государства”, “ошибки истории” и восстановление “исторической справедливости” в виде “воссоединения” Бессарабии с Румынией. Это, бесспорно, в значительной степени было воспитано курсом “Истории румын”».

В целях защиты исторической памяти молдавского народа С.М. Назария инициировал создание Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova». В 2012 году Ассоциация обратилась в суд с иском против Министерства просвещения, требуя отменить приказ № 124 министра «В связи с организацией исторического образования в доуниверситетской системе образования» как противоречащий закону и европейским демократическим нормам, а также имеющий антигосударственную направленность. Истцы требовали убрать из школьных программ ксенофобскую «историю румын», не признающую молдавский народ и оскорбляющую национальные чувства других проживающих в Молдове народов.

Разбирательство иска румынисты затянули до 2015 года. Как и следовало ожидать, судебная система Молдовы сорвала попытку защитить государственные интересы и оградить молодежь от этнополитического перефор-

матирования по румынским стандартам. Но обращение Ассоциации в суд вызвало многократные комментарии в СМИ. А Назария высказал констатации, звучащие как приговор: «Молдова — идеологически оккупированное государство» и «У нас навязанная история». Они и сегодня определяют мнение общественности о проводимой в стране политике истории. Ученый стал одним из ведущих идеологов молдавского Сопротивления прессингу соседнего государства.

Будущее Молдовы Назария видел в союзе с Россией. Европейские искания молдавских «либералов» и «демократов» комментировал так: «У нас один стратегический курс — интеграция в Европу посредством сближения со всеми европейскими государствами, однако нашим стратегическим партнёром навсегда остаётся Россия». Работая над укреплением российско-молдавских отношений, критиковал и молдавское направление политики России. «После распада СССР, — отмечал он, — российские власти, фактически «бросили Молдову на произвол судьбы», полностью «передоверив» гуманитарную политику в отношении некогда братской республики странам Запада во главе с США, исполнительницей воли которых на территории Молдавии является Румыния». Как противник унионизма, Назария осуждал заявления российских «демократов» о Молдове как несостоявшемся государстве и прогнозы о ее скором крахе. Но истоки современной русофобии в Молдове усматривал в политике Румынии.

С началом XXI века историческая наука этой страны продолжила курс на оправдание ее участия в войне против

СССР. Подобная литература поступала и в Молдову. Мы с Сергеем Михайловичем не раз обсуждали вопрос: «Что делать?» Историки-патриоты выступали в периодической печати, публиковали научные статьи, но повлиять на ситуацию могло только издание книг. На это требовались деньги. Исполнительный директор Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» решил вопрос. Деньги на издание тома по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны, сообщил он, найдутся. Книга должна быть издана в первую очередь на молдавском языке. В 2013 году на молдавском, а на следующий год и на русском языке под редакцией С.М. Назарии была издана монография **«Молдавия в годы Второй мировой войны»**. Редактор не всегда был согласен с суждениями автора, о чем оставил свидетельства в сносках, но на роль цензора не претендовал.

Более 30 экземпляров молдавского варианта книги Сергей Михайлович отправил по почте университетам Румынии. Из Клужского университета «Бабеш», со смехом рассказал он, книгу вернули с припиской «Литературой такого рода не интересуемся». А через несколько дней с ним один за другим связались трое профессоров этого университета и попросили выслать им книгу Шорникова. Рецензий на монографию, даже «разгромных», не последовало. Но с этого момента, отмечал Назария, тематика истории Бессарабии, Буковины и «Транснистрии» времен Второй мировой войны выпала из сферы интересов румынских историков; за семь лет не издано ни одной монографии, да и научных статей не видно.

Оружием истории С.М. Назария владел мастерски. Его стиль — ярко публицистичный, его научные работы написаны живо и с иронией, но всегда доказательно. Его главные монографические труды — **«Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология»** (2007 г.), **«Вторая мировая война: генезис, ход и итоги»** (2010 г.), **«Бессарабский вопрос в эпоху мировых войн и его интерпретации в историографии: от возникновения до Парижских мирных договоров (1917–1947)»** (2018 г.), курс лекций **«История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время»** и написанный в соавторстве с Виктором Степанюком **«Бессарабский вопрос в историографии. 1917–1947»** (2017 г.), — построены на критике фальсификаций и фальсификаторов истории.

В науке политкорректность достигается в ущерб истине. С попытками установить в Молдове идеологическую цензуру Назария не мирился. Анализ трактовок вопросов истории оппонентами проводил без умолчаний и реверансов, последовательно вскрывая несостоятельность их концептуальных построений, основанных на замалчивании «неудобных» фактов и бездоказательной трактовке событий прошлого. Из трудов С.М. Назарии явствует системный характер фальсификации истории Бессарабии румынской историографией.

Сквозная тема его научных работ — Бессарабский вопрос. Его возникновение, полагал ученый, «не было только результатом советско-румынского территориального спора. Он не являлся лишь следствием стремления румын-

ской элиты к созданию “Великой Румынии”. Без поддержки западных держав, стремившихся подавить мировой коммунизм, Румыния никогда бы не перешла к реализации “объединения всех румынских земель”. Ей позволили владеть Бессарабией в качестве платы за “борьбу с большевизмом”. Однако США никогда не признали законность этого акта». Построения историков-румынистов, показывал он, не выдерживают напоминаний о неправомерном характере румынской интервенции и аннексии Бессарабии Румынией в 1918 году, об установленной оккупантами в крае «Бессарабской системе» произвола, террора и грабежа, о Бессарабском освободительном движении и молдавском национально-культурном сопротивлении. Бессарабский вопрос, настаивал историк, возник не в 1812-м, а в 1918 году, когда Бессарабия была аннексирована Румынией, и окончательно урегулирован в 1947 году, когда Румыния признала послевоенные границы и тем самым официально отказалась от территориальных притязаний к СССР и другим соседним государствам.

С.М. Назарией дана также критическая оценка достижений исторической науки Молдавии в осмыслении ключевых событий молдавской истории XX века, роли проводимой в республике политики истории в деформации исторического сознания молдаван, их геополитической переориентации, осуществляемой румынской историографией и местными адептами концепции румынизма. Им разоблачена научная необоснованность ряда положений, внедряемых в общественное сознание авторами-румынистами с целью разрушить молдавскую национальную

идентичность и тем самым подорвать главную опору молдавской государственности.

Как авторитетный ученый и человек ответственный, Назария пользовался доверием коллег-историков. Ему удалось мобилизовать их на решение государственно-значимых задач. Под его руководством Ассоциация «Pro-Moldova» начала работать с результативностью научного института. При активной поддержке С.М. Назарии и под грифом Ассоциации были изданы сборник документов и материалов (составитель И.Ф. Грек) **«Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861 гг.)»** (Кишинев, 2012) и две монографии В.Я. Гросула: **«Молдавское движение до и после образования Румынии (181–1866 гг.)»** (Кишинев, 2014) и **«Бессарабия в международных отношениях нового времени»** (Кишинев, 2018). Был реализован и проект С.М. Назарии — **«Книга для чтения по новой и новейшей истории Молдовы»** (Кишинев, 2015), в которой выступил также и соавтором.

В 2018–2020 годах С.М. Назария как научный редактор принял участие в подготовке к изданию серии книг о защите национального равноправия и молдавской государственности в 90-е годы XX века, написанных автором этой статьи: **«Соратники: Идеологи и политики Молдавии конца XX в.»**, **«Общинное дело. Материалы к истории русского этнокультурного движения в Молдавии»**, **«Споры смутных времен. Страницы политической истории Молдавии. 1989–1992»** и **«Операции по разминированию. К истории молдавского парламентаризма. 1989–1998»**. Сергей Михайлович критиковал автора за публикацию материалов,

содержащих нападки унионистов на патриотов Молдовы. Но согласился, что публикация сведений, раскрывающих позицию оппонентов, необходима для создания возможно более полной и достоверной картины исторических событий. Последняя работа была подписана к печати за четыре дня до смерти редактора.

Особой заслугой С.М. Назарии следует признать подготовку и издание под грифом Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» на молдавском и русском языках трехтомного труда **«История Молдовы»** с древнейших времен до нашего времени (**«Страна Молдова в эпоху средневековья (XI–XVII века), «Молдавия в новое время (XVIII век — 1917 год), «Молдавия в новейшее время (1917 год — начало XXI века)»**) (Кишинев, 2016)). Ему принадлежит идея написания, он был координатором проекта. Авторский коллектив, начиная с идеологов молдавизма Владислава Гросула и Василия Стати, — представлял собой лучшие силы исторической науки Молдавии. Привлечь к подготовке такого труда четыре десятка историков мог только Сергей Михайлович. Сам он выступил автором параграфов, посвященных политическому и социально-экономическому положению Бессарабии (Восточной Молдовы, Пруто-Днестровского междуречья) в системе Румынского королевства, а также положению национальных меньшинств. Эта книга — самое развернутое обоснование исторической концепции молдавизма.

Сергей Михайлович выступал организатором и ведущим научных конференций, участвовал в редактировании, рецензировании и популяризации их материалов. К участию

в проводимых Ассоциацией научных форумах привлекал и коллег из Румынии. В 2013 году на конференции, посвященной Сталинградской битве, уже после окончания пленарного заседания обратился к румынским гостям с целой речью: «Ну скажите, какое сражение выиграла за 150 лет румынская армия? Взяли под Плевной деревню Гривица? Да, взял полк, укомплектованный молдаванами. Справа — русские, слева — русские, как не взять? 16-й год — сто дней разгрома. Австрияков, турок и болгар остановили русские, спасли Румынское государство. Сорок первый год, Одесса. Знаете, кто первым пустил там румынам большую кровь? Наша 95-я Молдавская стрелковая дивизия! Город защищали всего четыре советские дивизии, 35 тысяч солдат. Антонеску выставил почти в десять раз больше, 320 тысяч. Город взяли через два месяца, положив 70 тысяч румын, — когда русские сели на корабли и ушли в Крым. Вместе с немцами румыны дошли до Сталинграда, сдались русским, а потом вернуться в составе дивизии «Тудор Владимиреску». Эти побеждали, даже в Яско-Кишиневской операции участвовали. Русская дивизия справа, русская дивизия слева — как не победить?

— Если бы румыны служили в русской армии, — ответил румынский историк Флорин Пинтеску, — мы бы тоже побеждали!

Пятьдесят молдавских участников конференции иронически рассмеялись. Но наутро Назария позвонил мне по телефону:

— А ведь Пинтеску дал гениальный ответ. Какие сражения выиграла самостоятельно эстонцы, латыши, литовцы,

казахи, грузины, мы, молдаване, украинцы, все прочие? А в составе русской, Советской армии воевали и побеждали! Чем румыны хуже?

Пообщавшись с румынскими историками на научных конференциях в Бухаресте в 2017 и 2019 годах, Сергей Михайлович отмечал наличие в Румынии жесткой идеологической дисциплины. Румынские историки понимают, что говорить о существовании румынского народа во времена Буребисты и Децебала оснований нет, что «темное тысячелетие» остается темным, знают, кто и когда изобрел этноним «румыны», название государства «Румыния», но они живут и работают в этой стране и вынуждены придерживаться исторической концепции румынизма. Критик мифологии румынизма профессор Бухарестского университета Лучиан Боя был подвергнут грубым нападкам и едва ли не остракизму, последователей у него нет. О результатах исследований российских и молдавских историков в Румынии знать и тем более упоминать «не принято».

В Молдове также предпринимались попытки табуирования для исследования определенных тем истории. Как показал опыт Назарии и некоторых других историков, преследуемых по суду оппонентами, недовольными оценками их псевдонаучного «творчества», научная критика — жанр исследований рискованный. Возможны ли вообще публичные дискуссии с людьми, которые разоблачение своей научной недобросовестности трактуют как личное оскорбление и угрожают судебными исками?

Новейший «бессарабский» румынизм, полагал Назария, обанкротился еще в 90-е годы XX века. Дискутировать

с его пропагандистами в расчете на выработку компромиссных, но корректных в научном плане трактовок истории бессмысленно. Убедить в своей правоте — приводя соответствующие аргументы — можно только искренне заблуждающихся людей. А таковых, полагал он, среди авторов учебников, в которых молодежи навязывают мифологизированное прошлое их страны, чернят Россию и советский период молдавской истории, не имеется. О чем с ними дискутировать?

Сергей Назария выявил традицию концептуального двоемыслия, заложенную в 20-х — 30-х годах XX века Константином Стере, Александру Болдуrom, Штефаном Чобану, Петру Казаку, Иваном Пеливаном, Николаем Костенко, другими историками, литераторами, журналистами Бессарабии. Дабы не конфликтовать с властью, на уровне деклараций они признавали государственную идеологию Румынии. Вместе с тем они обосновывали реальность молдавской национальной идентичности, популяризовали ее артефакты и показали в своих трудах, что у молдаван была своя, молдавская история, отличная от румынской, есть своя культура, молдавское национальное сознание, молдавская речь, отличная от офранцузенного румынского литературного языка, малопонятного молдаванам. Они избегали тиражировать пропагандистскую ложь о положении Бессарабии в составе Российской империи, а Болдур, напомнил Назария в одном интервью, признал: «Идея отделения Бессарабии от России была полностью враждебна бессарабскому общественному мнению». Таким образом, даже в условиях румынской

оккупации молдавская школа исторических исследований существовала.

Сегодня, разъяснял Назария, в Молдове школы историков-румынистов нет. Есть грантоеды, иллюстрирующие постулаты заказчиков. Воспитанные в социально-культурной среде Молдавии, владея, в отличие от румынских коллег, русским языком, будучи знакомы с научной литературой, изданной на русском языке, они сознают научную несостоятельность исторической концепции румынизма. Их работы построены без учета ключевых принципов научного исследования — историзма и необходимости оценивать всю совокупность известных фактов, в том числе противоречащих авторской концепции, а также воззрений не только единомышленников, но и оппонентов.

Наиболее титулованные из историков-румынистов были специалистами по «истории КПСС» и составляли идеологическую службу правящей партии. Характеризуя их, Назария, случалось, переходил на личности. В статье «О принципиальности и объективности некоторых ведущих историков» он саркастически упомянул председателя парламента Молдовы в 1991–1994 годах: «Александр Константинович Мошану долгие годы заведовал кафедрой новой и новейшей истории в Молдавском госуниверситете, был деканом истфака и одним из ведущих советских специалистов по истории социалистического и марксистского движения в Румынии. Несколько лет был секретарем партийного бюро истфака и заместителем секретаря парткома Молдавского госуниверситета по идеологии, членом ЦК КПМ, и даже был избран делегатом XXVIII съезда КПСС».

С позиций национальной порядочности высказывался идеолог молдавизма по столь важному в Молдове национальному вопросу. «Молдавские правоохранительные органы, — заявил он от имени Ассоциации «Pro-Moldova» в мае 2012 года, — проводят политику двойных стандартов в деле применения законодательства в области обеспечения прав национальных меньшинств. Наша ассоциация подала иск в суд в связи с пропагандой ксенофобии и национальной розни в учебниках по истории. Такие же иски подали представители гражданского общества. В нарушение всех процедурных норм сроки были затянуты до бесконечности. В общем-то, фактически, государство наше пытается саботировать принятие каких-либо решений в этом вопросе. В принципе у нас в стране идет политика по терроризированию антифашистов и защите фашистов. Классический пример тому — марши легионеров, которые берутся под защиту полиции, правительства, возбуждение уголовных дел против тех, кто протестует против этих маршей». Далее Назария осудил попытку властей привлечь к суду участников «Лиги русской молодежи» за то, что вынесли на главную площадь Кишинева георгиевскую ленту.

Назария был частым гостем круглых столов, пресс-конференций и видеомостов, организуемых в кишиневской студии Sputnik Молдова. Но в Молдове особую известность он снискал как комментатор политических событий, автор телевизионных передач на темы молдавской истории и ведущий диалогов с учеными и политиками, публикуемых на интернет-сайте Moldovenii.md, во многом ему обязан-

ном своей популярностью в республике. Историки знают, а все видят: ученый убежден в том, что говорит, и знает о чем пишет, и он прав.

Сергей Назария сознавал ответственность историка за судьбы Родины, обладал гражданским мужеством, мыслил и поступал как подлинный государственный деятель. Оппоненты также понимали, что нападки на него окажутся для них саморазоблачительными, и от полемики воздерживались, ограничиваясь навешиванием на историка злобных ярлыков. Чьи-либо попытки в будущем «обосновывать» тезисы, несостоятельность которых вскрыта в научной литературе, выведет их авторов за рамки науки. Чтобы избежать этого, они обязаны будут рассмотреть оценки, данные событиям Назарией, а значит, способствовать популяризации памяти о нем и, главное, правды истории.

С.М. Назария — яркий представитель интеллектуальной элиты. Но есть ли в Молдове элита национальная? Молдавская партноменклатура, возвращенная в условиях СССР, в кризисные годы оказалась граждански безответственной и политически недееспособной. Попытки отстаивать национально-государственные интересы Молдавии, принятые в 90-е годы Аграрно-демократической партией, к формированию новой элиты не привели. Творческая интеллигенция не доросла даже до ранга «креативного класса». Румынисты появились как компрадорская анти-элита, враждебная интересам молдаван и существующей государственности. К подлинной национальной элите принадлежал Сергей Назария как представитель части

научного сообщества, сохраняющей концептуальный суверенитет, способность мыслить и действовать исходя из подлинных интересов своего народа и государства. Поддержка деятельности Назарии растущей частью общества свидетельствует о том, что национальная элита в Молдавии все-таки формируется.

Гражданская позиция и научные заслуги Сергея Михайловича получили признание. За вклад в развитие российско-молдавских отношений он награжден российским Орденом дружбы (2013 г.), а за особые заслуги перед Молдавским государством — высшей наградой Молдовы орденом Республики (2018 г.), приравненным к Золотой Звезде Героя Советского Союза.

В 2015 году у Назарии диагностировали рак. Последние пять лет жизни он работал, борясь с мучительной болезнью, предвидя неизбежное. Его смерть — тяжелая потеря для исторической науки, всего молдавского общества.

Память о патриоте, подвижнике исторической науки и общественном деятеле сохранится. Изучение его научного наследия и роли, сыгранной им в идеологической борьбе в Молдавии начала XXI века, постижение феномена Сергея Назарии только начинаются.

* * *

Редакция научного журнала «Белорусский исторический обзор» и Ассоциация историков Второй мировой войны имени профессора О.А. Ржешевского выражает искренние соболезнования родным и близким С.М. Наза-

рии. В нашей памяти Сергей Михайлович Назария всегда останется талантливым ученым, которого отличали широкий кругозор, ясное понимание прошлого и настоящего, доброе отношение к младшим коллегам, активный творческий поиск, неприятие внешнего давления и борьба за самостоятельное развитие молдавской науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вашкевич Андрей Фридрихович, заведующий отделом новейшей истории Гродненского государственного историко-археологического музея.

Герасимчик Василь Владимирович, магистр исторических наук, выпускающий редактор научного журнала «Белорусский исторический обзор».

Денисов Антон Владимирович, кандидат исторических наук, доцент. Доцент кафедры истории белорусской государственности БНТУ. Сфера научных интересов: социально-политическая, научная и культурная жизнь БССР в 1920–1930-е гг., взаимоотношения интеллектуалов и власти.

Король Вадим Леонтьевич, кандидат исторических наук. Научные интересы: история Русской Православной Церкви в Беларуси во второй половине XX в., церковно-государственные отношения. Автор ряда статей по данной тематике.

Кулинок Святослав Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь. Автор монографии

и более 150 научных статей. Сфера научных интересов: историография, источниковедение и история Великой Отечественной войны, архивоведение.

Лютик Дмитрий Владимирович, историк. Работает в системе образования. Сфера научных интересов: военная история и фортификация XX века. Является автором и со-автором 8 научных книг, посвящённых событиям Первой и Второй мировых войн.

Маковчик Максим Валерьевич, магистр философии, преподаватель санскрита, экономист, финансовый директор, переводчик.

Романов Сергей Львович, историк. Научные интересы: история культуры и искусства Беларуси XIX — начала XX веков, краеведение.

Соловьянов Андрей Петрович, кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института истории НАН Беларуси (Беларусь). Научные интересы: история Беларуси.

Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, профессор Минского филиала Российского государственного социального университета. Научные интересы: «русинский вопрос» в XX веке.

Шеховцова Екатерина Павловна, магистр философии, аспирант Института философии РАН, специалист Департа-

мента научных изданий Государственного академического университета гуманитарных наук.

Шорников Петр Михайлович, доцент Приднестровского Государственного университета. Автор около 300 научных (включая 10 монографий) и более 400 научно-популярных публикаций. Сфера научных интересов: история Молдавии периода Великой Отечественной войны, этнополитические процессы, история Молдавской Церкви.

ВНИМАНИЮ
АВТОРОВ

Научный журнал «Белорусский исторический обзор» учрежден Институтом истории НАН Беларуси, Институтом российской истории РАН и Фондом «Историческая память» с целью способствовать развитию исследований по изучению Беларуси в ее современных границах, включая труды по проблемам международных отношений, этнографии, истории, социологии, культурологии, археологии и другим наукам гуманитарного цикла.

Приоритетное значение в журнале отдается публикации рецензий (рубрика с соответствующим названием) на уже вышедшие труды по белорусистике. Обращаем внимание авторов на то, что рецензия должна отражать место рассматриваемого труда в советской, белорусской, российской и зарубежной историографии данного вопроса. Мы приветствуем оценки новизны проблемы и источниковой базы, достоверности, глубины, содержательных и композиционных достоинств и недостатков, сопоставление позиции автора рассматриваемой книги с суждениями по данным вопросам представителей других школ. Следует избегать поглавного пересказа труда, сосредоточившись на анализе достоинств и недостатков в освещении заявленной проблемы автором книги, по-

казав перспективы, которые открыл для исследователей рассматриваемый труд.

Вместе с тем в нашем журнале есть рубрики для публикации результатов эмпирических исследований (рубрика «Статьи»), суждений по злободневным проблемам белорусоведения (рубрика «Мнение»).

I. Редакционная политика

1. Предоставляемый в редакцию авторский материал не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 авторского листа, рецензии — 0,2 авторского листа.

Представленная в редакцию журнала рукопись должна соответствовать тематическому профилю журнала, отвечать международным стандартам научных публикаций и быть оформленной в соответствии с установленными правилами. Она также должна представлять собой изложение результатов оригинального авторского научного исследования, быть вписанной в контекст отечественных и зарубежных исследований по этой тематике, отражать умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач. Все тексты должны быть написаны литературным языком, отредактированы и соответствовать научному стилю речи. Некорректность подбора и недостоверность приводимых авторами фактов, цитат, статистических и со-

циологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений может стать причиной отклонения присланного материала (в том числе — на этапе регистрации).

2. Не принимаются к публикации статьи, содержащие признаки как фальсификации результатов научных исследований, исходных данных и сведений, так и плагиата — представления в качестве собственных чужих идей и достижений, использования чужих текстов без ссылки на источник. Также не принимаются к публикации, содержащие элементы автоплагиата (т.н. «перепечатки» уже опубликованных тем же автором статей).

3. Все таблицы и рисунки в статье должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Если данные заимствованы из другого источника, на него должна быть дана библиографическая ссылка в виде примечания. Весь графический материал принимается только в виде, редактируемом инструментами Word.

4. Список литературы к статье должен содержать только те труды, которые упомянуты в статье. Искусственное расширение списка литературы за счет не упомянутых в основном тексте трудов запрещено.

5. Список литературы должен содержать не менее 1/4 трудов, вышедших по проблеме статьи за последние 10 лет.

6. В списке литературы возможны ссылки на публикации научных трудов в сети Интернет. Количество таких источников не должно превышать 1/4 общего количества трудов в списке литературы. Ссылки на интернет-порталы,

на которых отсутствует научное редактирование материалов (например, Википедию), запрещены.

7. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов. Отказ автора от редакционных изменений может стать причиной отклонения статьи.

8. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Зарегистрированные статьи рассматриваются редакцией и при формальном и содержательном соответствии требованиям журнала направляются на анонимное экспертное рецензирование.

II. Правила рецензирования статей

Автор направляет в редакцию статью в соответствии с требованиями к научным статьям, предъявляемым для публикации в журнале.

Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов редакционной коллегии или рецензенту.

При оценке статьи рецензент учитывает: соответствие тематике журнала, научную новизну и значимость представленных результатов, соответствие правилам подготовки статей; обоснованность результатов; правильность использования результатов других авторов; правильность ссылок; качество изложения и оформления.

В заключении рецензии обязательно указывается одна из следующих рекомендаций: возможность публикации в журнале (в представленном виде или после соответствующей доработки согласно замечаниям рецензента) или нецелесообразность публикации.

Сроки рецензирования рукописи статьи должны составлять не более 7 дней с момента ее получения рецензентом.

Окончательное решение о публикации или отклонении статьи, равно как очередность размещения в журнале принимается редакционной коллегией.

В случае, если мнения редколлегии и рецензента не совпадают, статья направляется на дополнительное рецензирование.

Редколлегия представляет авторам статьи копию рецензии (без указания рецензента).

Статья, направленная авторам на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткий срок с соответствующим письмом, содержащим ответы на все замечания и поясняющим все сделанные в статье изменения.

Статья, задержанная на срок более 3 мес. или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Автор несет полную ответственность за научное содержание статьи и точность данных, приведенных в списке литературы.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации редактор информирует об этом автора. Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.

III. Этика научных публикаций

Редакционная коллегия научного журнала «Белорусский исторический обзор» руководствуется в своей работе международными этическими правилами научных публикаций, включающими правила порядочности, конфиденциальности, надзора за публикациями, учет возможных конфликтов интересов и др. В своей деятельности редакция следует рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), а также опирается на ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

1. Обязанности авторов

Стандарты отчетности. Мы ждем от авторов представления достоверных результатов проделанной работы, а также объективного обсуждения значимости исследования. Положенные в основу исследований данные должны быть четко изложены в письменном виде. Статья должна содержать достаточное количество информации для проверки и повторения экспериментов другими исследователями. Мошеннические или заведомо неправдивые заявления приравниваются к неэтичному поведению и являются неприемлемыми.

Доступ к данным и их хранение. Авторы могут попросить предоставить исходные данные для редакционного обзора. Они должны быть готовы предоставить открытый доступ к таким данным, если это представляется возможным, и в любом случае должны быть готовы сохранять ис-

ходные материалы в течение разумного периода времени, прошедшего после их публикации.

Оригинальность и плагиат. Авторы должны предоставлять только оригинальные работы. При использовании текстовой или графической информации, полученной из работ других лиц, необходимы ссылки на соответствующие публикации или письменное разрешение автора. Любого рода плагиат расценивается как неэтичное поведение и является неприемлемым.

Множественные, повторные и конкурирующие публикации. Авторы должны указать, что их работа публикуется впервые. Если элементы рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу и указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование неприемлемы, они могут быть использованы только как основа для новых выводов. Подача статьи в более чем один журнал одновременно расценивается как неэтичное поведение и является неприемлемой.

Подтверждение источников. Авторы обязаны признавать вклад других лиц, оказавших влияние на характер представленного исследования. Обязательно наличие библиографических ссылок на использованные работы. Информация, полученная в частном порядке, путем разговора, переписки или обсуждения с третьими лицами, не должна использоваться без получения открытого письменного разрешения от их источника.

Авторство работы. Авторство должно быть ограничено теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию заявленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть перечислены в качестве соавторов. Те, кто принимал участие в некоторых существенных аспектах исследовательского проекта, должны быть отображены в списке участников проекта. Автор должен гарантировать, что имена всех соавторов и участников проекта помещены в списки соавторов и участников и что все соавторы ознакомились с окончательным вариантом научной работы и одобрили ее, а также дали свое согласие на ее публикацию.

Раскрытие информации и конфликт интересов. Все авторы должны раскрывать в своих работах информацию о любых финансовых и других значительных конфликтах интересов, которые могут повлиять на результаты исследования или их интерпретацию. Все источники финансовой поддержки проекта должны быть раскрыты.

Существенные ошибки в опубликованных работах. Если автор обнаруживает существенную ошибку или неточность в своей опубликованной работе, он обязан незамедлительно уведомить об этом редактора или издателя журнала и оказать им помощь в устранении или исправлении ошибки. Если редактор или издатель узнает от третьего лица, что опубликованная работа содержит существенные ошибки, автор обязан незамедлительно убрать или исправить их или же представить редакции доказательства правильности исходной статьи.

2. Обязанности редакции

Решение о публикации статьи. Представление статьи на рассмотрение подразумевает, что она содержит полученные авторами новые нетривиальные научные результаты, которые ранее нигде не публиковались. Каждая статья рецензируется. Рецензирование проходит по «слепой» схеме, когда рецензенты знают автора, но автор не знает рецензента. Эксперты имеют все возможности свободно высказать мотивированные критические замечания относительно уровня и ясности изложения представленного материала, его соответствия профилю журнала, новизны и достоверности результатов. Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия окончательного решения о публикации статьи. Ответственность за решение о публикации полностью лежит на редакции журнала. Редакция принимает решение о публикации, руководствуясь политикой журнала, с учетом действующего законодательства в области авторского права. Редакция оценивает рукописи исключительно по их научному содержанию, безотносительно расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства и политических взглядов авторов. Статья, в случае принятия к опубликованию, размещается в открытом доступе; авторские права сохраняются за авторами.

Конфиденциальность. Редактор и все сотрудники редакции не имеют права раскрывать информацию о представленных работах никому, кроме соответствующих авторов, рецензентов, других редакционных консультантов и, при

необходимости, издателя. Редактор и сотрудники редакции не имеют права использовать неопубликованные материалы, использованные в предоставленной рукописи, в собственных исследованиях без письменного согласия автора.

Конфликт интересов и разрешение этических конфликтов. В случае конфликта интересов в результате конкурентных отношений, сотрудничества или других отношений и связей с одним из авторов, компаний или учреждений, связанных с представленными рукописями, редактор передает рукопись для рассмотрения другому члену редколлегии.

Редакторы должны запрашивать от всех участников процесса раскрытия существующих конкурирующих интересов.

Если конкуренция интересов была выявлена после публикации статьи, редакция обязана обеспечить публикацию поправок. При подаче этической жалобы относительно предоставленной рукописи или опубликованной статьи редактор должен предпринимать разумные ответные меры во взаимодействии с издателем (или обществом). Каждое сообщение о факте неэтичного поведения будет рассмотрено, даже если оно поступило спустя годы после публикации статьи. Если жалоба поддерживается, следует публикация соответствующих исправлений, опровержений или извинений.

3. Обязанности рецензентов

Вклад в редакционные решения. Экспертная оценка помогает редактору в принятии редакционных решений

и посредством сотрудничества редактора и автора может помочь автору в улучшении его работы.

Оперативность. Любой избранный для оценки работы рецензент, который считает, что его квалификации недостаточно для рассмотрения исследования, представленного в научной работе, или знает, что скорость ее рассмотрения будет слишком низкой, должен уведомить об этом редактора и отказаться от процесса рассмотрения.

Конфиденциальность. Любая рукопись, поданная на экспертизу, должна рассматриваться как конфиденциальный документ. Недопустимо показывать ее другим рецензентам или обсуждать с иными экспертами без предварительного разрешения главного редактора.

Стандарты объективности. Отзывы о научных работах должны быть объективными. Личная критика автора неуместна. Рецензенты обязаны выражать свои взгляды четко и аргументированно.

Подтверждение источников. Рецензенты должны выявлять соответствующие опубликованные работы в рецензируемом материале, которые не были процитированы авторами. Любые заявления, выводы или аргументы, которые уже использовались ранее в каких-либо публикациях, должны быть соответствующим образом оформлены как цитаты. Рецензент также обязан обращать внимание редактора на существенное или частичное сходство с какой-либо иной работой, с которой рецензент непосредственно знаком.

Раскрытие информации и конфликт интересов. Неопубликованные материалы, использованные в предоставлен-

ной рукописи, не должны использоваться в собственных исследованиях рецензента без письменного согласия автора. Закрытая информация или идеи, полученные во время рецензирования, должны оставаться конфиденциальными и не использоваться для личной выгоды. Рецензенты не должны принимать участие в рассмотрении и оценке рукописей, в которых они лично заинтересованы.

IV. Порядок сдачи материала

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов. Отправляемый в редакцию файл должен быть сохранен в формате Word 97–2003 (расширение .doc) и должен быть назван по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank).

Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Авторы статей, принятых к публикации, фактом отправки в редакцию своей рукописи выражают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в библиографические базы данных и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании.

Внутреннее рецензирование осуществляется редакцией журнала «Белорусский исторический обзор». Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук по соответствующей специальности. Скан-копия отзыва внешнего рецензента на статью отправляется в редакцию в формате PDF.

В случае несоблюдения каких-либо из представленных здесь требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие материалы.

